

Валентина Кузнецова.

Ирина Соловьева.

Метелица у полюсов земли

**История единственной в мире научно-экспедиционной команды
лыжниц.**

**Уникальные подходы российских женщин в арктических и
антарктических широтах нашей планеты.**

Наступил момент, когда мы взираем на мир, лишенный тайн. Так уже в тридцатые годы прошлого века утверждал Стефан Цвейг. Не без доли огорчения он писал, что на картах и глобусах исчезли слова «TerraIncognita» и человек теперь хорошо знает свою планету. Последней географической тайной, подводит черту писатель, долгое время оставались две точки, два конца оси, вокруг которой старушка Земля вращается тысячи и тысячи лет. Проникнуть туда было особенно трудно.

Северный и Южный полюса прикрыты ледяными громадами. Вечной зимой, свирепыми морозами и ветрами защищает природа от посягательств людей земные полярные купола.

Вспомним, что только спустя почти целый век после открытия Антарктиды русской экспедицией Ф.Ф.Беллинсгаузена и М.П.Лазарева на кораблях «Восток» и «Мирный» (16 января 1820 года) норвежским и британским исследователям удалось покорить Южный полюс. В драматическом соревновании двух экспедиционных групп первыми к цели 16 декабря 1911 года пришли Руаль Амундсен с четырьмя своими соратниками, а месяцем позже иным маршрутом к той же точке вышла команда Роберта Скотта, трагически погибшая на обратном пути.

Вспомним, с каким трудом чуть раньше достигли Северного полюса американские экспедиции Фредерика Кука (1908 г.) и Роберта Пири (1909 г.). Их героические усилия были продолжены энтузиастами других приполярных стран, включая Россию. Но даже с учетом стремительно растущего научно-технического потенциала мирового сообщества освоение арктического пространства все последующее время шло с переменным успехом и отнюдь не столь быстро, как хотелось. Многолетняя эпопея советских дрейфующих станций «Северный полюс» (начиная с экспедиции Ивана Папанина в конце 1930-х годов) – наиболее

характерна для иллюстрации тогдашних полярных исследований, позволивших составить достаточно полную картину рельефа дна, зональных течений и прочих гидрологических особенностей Северного Ледовитого океана. Тем не менее и в этом ряду многое изменилось с появлением принципиально иных технических средств. В 1962 году показательный поход на Северный полюс совершила советская атомная подлодка «Ленинский комсомол», а в августе 1977 года той же географической отметки впервые в истории мореплавания достиг отечественный атомный ледокол «Арктика».

Значило ли это, что пальма первенства в исследовании арктических и антарктических районов отныне целиком передается одной могущественной технике? Вопрос не праздный, если здраво посмотреть на оснащение пионерных экспедиций, отправлявшихся на Северный и Южный полюса каких-то сто лет назад, и на нынешние материально-технические возможности для исследователя (средства передвижения, энергоносители, электроника, связь и т.д.). Ответ на него – что весьма важно – не столь ожидаемый. Как ни крути, жизнедеятельность в полярных условиях – все же по-прежнему прерогатива человека, его духа, воли, тренированности, организованности. Достичь требуемых кондиций, воспитать в себе качества бойца, покорителя ледовых стихий можно, лишь неустанно продолжая поиск скрытых ресурсов, совершенствуя и расширяя умение выживать в климатически опасных для любого организма природных зонах.

Разговор о средствах передвижения опять же неразрывен с совершенствованием психофизических кондиций человека-исследователя. Нарты с собачьими упряжками или непритязательные лыжи, мускульная сила людей вкупе с их мастерством и выносливостью ходяков или безоговорочный крен в сторону техники?

Нормальный ответ здесь ясен, как правило, даже дилетанту. Никакого противопоставления, столкновения к крайностям быть не может. Все зависит от целей, задач, реальных условий поискового маршрута. Строя все более мощные технические механизмы, оснащая их сверхэнергией, разумный человек ни на секунду не должен забывать о возможных катаклизмах и авариях – то есть тех случаях, когда машины бывают беспомощны, а то и просто разрушены, и значит, где неизбежно на первый план выйдут именно человеческая способность противостоять стихии, умение выжить и победить, несмотря ни на что. И в такой ситуации, конечно, не будет забыт и столь древний (родившийся до новой эры) инструмент передвижения, как лыжи: «две доски с палками». Встать на лыжи – задача для кого-то алогичная на фоне нынешних достижений науки и техники, да еще и в отнюдь не ледниковый период. Тем не менее экстремальная романтика полярных походов – это сегодня и романтика лыж, самого простого и доступного

человеку вида транспорта.

Лыжи, которым отдает предпочтение "Метелица" (главный герой этой книги), всегда помогали людям в познании неизвестного полярного мира. Норвежец Фритьоф Нансен – житель страны-родины лыж – первым в 1888 году пересек неизведанную тогда ледяную глыбу-остров Гренландию именно на обычных деревянных «сороходах».

Его соотечественник Амундсен брал с собой лыжи при покорении Южного полюса.

В пригороде Осло – Холменколлене – в национальном лыжном музее хранятся уникальные экспонаты, по которым можно проследить полную эволюцию лыж. До 1930 года они оставались деревянными, как у Нансена, затем появились слоистые, за ними – фибровые с деревянной сердцевинкой и уже значительно позднее – ультрасовременные пластиковые. Теперешние технологии рассчитаны в основном на массовое производство, но не так уж и давно было время, когда лыжных дел мастера имели известность не меньшую, чем мастера скрипичные.

Эта попутная ода «рабочему инструменту» лыжников-исследователей вполне уместна. Она дает повод заранее сообщить, что лыжи девушек из «Метелицы» тоже удостоились чести стать музейным экспонатом – и в Холменколлене, и в аналогичном музее города Хельсинки. Принадлежащих мужчинам экспонатов в подобных хранилищах, конечно, намного больше, чем принадлежащих женщинам. Но тем приятнее сознавать россиянкам-«метелицам» свое присутствие в столь редких и потому особо уважаемых экспозициях.

Мужская половина человечества постоянно делегирует на борьбу с суровой природой Заполярья своих самых отважных представителей. Им и в эпоху атомных ледоколов удается удивить мир все новыми достижениями и подвигами. Ярчайший факт – трансарктический переход по льду Северного Ледовитого океана через Северный полюс, который совершили англичанин Уолтер Херберт с тремя товарищами на собачьих упряжках. За 476 дней (с 21 февраля 1968 года) путешественниками был пройден путь от мыса Барроу на Аляске до побережья Шпицбергена – и это одно из выдающихся достижений последних десятилетий. А совсем недавно, летом 2007 года, международная экспедиция под командой Артура Чилингарова на российских глубоководных аппаратах «Мир-1» и «Мир-2» впервые опустилась на дно океана на Северном полюсе, чтобы исследовать параметры материковых плит в евразийской части арктического бассейна.

Естественный акцент на заслугах «мужской половины человечества», надо полагать, понятен. Женское участие в полярных программах, да еще лыжниц, как бы априори исключалось, хотя такая ситуация заведомо устраивала далеко не всех. Альтернативные силы постепенно созревали. Однако реально противостоять

сложившейся дискриминации у прекрасного пола возможности долго не находилось. Энтузиазм женщин прорывался в других экстремальных исследовательских областях (стратостаты, космос), но оставался не востребованным в экспедиционной работе полярников. Недоставало инициативы, организованности, смелости, нужен был какой-нибудь неординарный импульс, чтобы заставить поверить в женский полярный ресурс.

Сегодня, когда позади сорокалетие «Метелицы», четко и с полным правом сознаешь: таким решающим импульсом к преодолению неверия в духовные и физические силы «слабого пола» стали первые сверхдальние лыжные пробеги взявшей это имя женской команды из Москвы, по времени совпавшие с периодом подготовки и проведения трансарктической экспедиции через Северный полюс англичан во главе с У.Хербертом. Ведь именно тогда «Метелица», постепенно оформившаяся как самостоятельная научно-спортивная команда, поставила и затем озвучила свою главную стратегическую цель – дойти на лыжах до Южного полюса.

Был очевидный стимулирующий импульс, который помог добиться результата. Достигнув желанной цели, команда россиянок превратилась в известный полярному миру спортивно-экспедиционный клуб, на его счету множество серьезных маршрутов в северном и южном полушариях Земли. «Метелица» – коллективный член Полярной секции Географического общества, и это уникальный факт, как и появление в 1996 году российских женщин на антарктическом полюсе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СВЕРХДАЛЬНИЕ ЛЫЖНЫЕ ПЕРЕХОДЫ

Путь к полярным широтам начинался для будущей «Метелицы» в 1966 году. Тогда мужская команда лыжников Московского высшего технического училища им.

Н.Э.Баумана совершила впечатляющий пробег Москва – Ленинград протяженностью 725 км за шесть с половиной суток. Это было здорово. Каждый день позади у них оставалось более чем по 110 км пути!

Подруги-лыжницы, обмениваясь между собой информацией об этом пробеге, невольно задумывались о возможности повторить достижения бауманцев. Заманчивая идея привлекала, но мало кто решался произнести ее вслух. Ведь хватало и сомнений, причем самых разных. Одно дело – соревновательный опыт, индивидуальное мастерство. И совсем иное – командный дух, психологическая совместимость, коллективная скорость на сверхдальней дистанции.

Из дневниковых записей капитана первого пробега Валентины Кузнецовой:

«Поехала советоваться со своим первым тренером В.И.Рогозиной, поговорила с директором лыжной базы «Крылья Советов» В.В.Кравченко. Та и другая горячо поддерживали идею женского маршрута Москва – Ленинград и выразили готовность помогать, причем и во время самого пробега. Решили, что нужно прежде всего скомплектовать надежный состав команды, согласовать всю программу подготовки с районным спорткомитетом. Там наши предложения одобрили. В такой ситуации многие сомнения у будущих членов коллектива вскоре снялись, и с составом быстро определились, как и со сроками старта. Выбрали декабрь, последний месяц года. Бауманцы начинали свою операцию в его начале, мы – в конце.

Но для пробега требовался предварительный сбор на снегу. И желательно пораньше. Вся летняя подготовка ни к чему, если до выхода на маршрут не пройдем на лыжах примерно под тысячу километров. Позвонила на Урал В.М.Илейко – генеральному директору радиозавода. Не отказал. Мир не без добрых людей: помог достать места на Миасской турбазе. Мы оказались там вместе с лыжниками ЦС «Динамо» и «Труда». Их тренеры не очень верили нашему успеху, хотя и отнеслись с явным любопытством к столь смелым планам.

Сборы прошли, мы упорно двигались к намеченному. Вдруг кто-то дает в московской газете «Спортивная неделя» нелепую заметку под заголовком «Вызов брошен». В ней говорилось, что столичные лыжницы бросают вызов рекорду мужчин и хотят пройти 725 км за 9 суток, на три дня превысив давнее достижение. И при этом называется список предполагаемых «героинь». Нелепость была уже в том, что ребята из Бауманки и без того обновили старый рекорд, а женщины вообще таким маршрутом никогда не ходили. Кому нужны ложные сенсации?

Трудно было готовить пробег до появления заметки, почти невозможно стало – после. Чуть ли не весь лыжный мир обрушился на нас, каких-то непонятных самозванок. Даже районные власти, которые раньше команду поддерживали, заволновались: «Пробег надо отменять, где гарантии, что рекорд будет?» Пришлось снова и снова разъяснять, убеждать, что дело не в рекордах. Убедили. Оставалось договориться об отпусках по месту работы, но и здесь не все оказалось гладко.

Некоторые начальники упирались: или лыжи, или производство! Общими усилиями в конце концов мы справились с проблемой внеплановых каникул. Теперь можно было, свалив с плеч повседневный груз, брать на себя груз другой.

Район помог со спортивной экипировкой, лыжами, мазями. Нам выделили для сопровождения автобус. Тогда же познакомились с Л.Н.Марковым, главным врачом Московского физкультурного диспансера, который прикомандировал к лыжницам

пожилого доктора («дедушку», как мы его называли между собой). Он, кстати, с удовольствием согласился «прокатиться» до Ленинграда и обратно. Ему нелегко было заранее представить, с чем придется столкнуться в пути его подопечным. Зато реалистами выступали некоторые наши близкие, включая моего мужа. До самого старта они роптали: «Смотрите, не сойти бы вам с дистанции после первых же двухсот километров!»

Стартовать должны были в 10 утра 22 декабря. А тут накануне у Валюши Курепкиной загорелся дом. Тушила вся наша команда. Помочь толком, увы, не смогли, как и приехавшие пожарные. Все сгорело дотла. Но какова сила духа обнаружилась у девушки: несмотря на домашнюю трагедию, она все-таки приехала на место старта! Лыжи и спортивная форма находились на базе, и важнее всего на свете для нее было не подвести команду, не допустить, чтобы отменили пробег. Мы еще не представляли, что будет впереди, однако и этот факт, и остальные перипетии со сборами заставили нас так поволноваться, столько пережить, будто дистанция в 725 км уже позади и лимит на испытания исчерпан».

В дальнейшем жизнь команды, если забегать вперед, не раз подтвердила, что чуть ли не 99% сопутствующей любой экспедиции работы уходит на организацию, подготовку команды и маршрута, на снятие или предотвращение всех рисков, непредвиденных осложнений, учет и прогноз субъективных факторов. Словом, вне всякой нормальной логики, но именно со стартом для участника экспедиции начинается достойная его целей жизнь: более спокойная, хотя и одновременно более тяжелая (физически тяжелая, но не морально!).

Шли в Ленинград, теперь-то что скрывать, на пределе возможностей. В среднем делая по 95-98 км ежедневно. Некоторые участницы потом рассказывали, что, имея обувь 37-38 размера, в Ленинграде им в пору было заказывать на распухшие ноги 42 размер...

Двинулись из Москвы при температуре минус 27 градусов, через пару дней она упала до 34 градусов. Хорошенькое начало! Правда, потом потеплело. Каждодневно уходили в путь в 6 утра, останавливались на ночной отдых в 10-11 вечера. Причем бежали без подготовленной лыжни, на обычных деревянных лыжах.

В первый день осилили 90 километров. Когда врач осмотрел нас в Клину, то даже слегка оторопел («вздрогнул») и тут же предложил прекратить пробег: почти у всех мозоли, опухли руки и ноги. Лишь Альбина Лунёва обошлась без всяких осложнений. Молодец! На следующий день мы финишировали в Калинин, хотя завершающие этап тридцать километров шли, словно в тумане. Задорные были,

отступать не могли. Решили еще на ста километрах себя проверить. Нас подбодрила природа Валдая. Подъемы, спуски – красота, пришедшая из русских сказок. По дороге восхищались: «Смотрите, чудо какое!..» И забыли о невзгодах.

Забыли о невзгодах, но не забывали о тех, кто нам помогал. Мы побеждали, самих себя и обстоятельства побеждали, чувствуя в «тылу» заботу Веры Ивановны Рагозиной и Веры Васильевны Кравченко – наших тренеров и добрых советчиц, которые готовы были ради нас не спать днями и ночами, обеспечивая дорожный быт команды. В какой-то из дней рядом с ними в автобусе появились спортивный журналист Анатолий Коршунов и фотокорреспондент Василий Истомин из «Спортивной жизни России». Они увидели, как мы идем, и решили облегчить нам существование, стали готовить отменные борщи и каши, придумывать всякие замысловатые для дорожных условий меню. Да и само присутствие этих людей сделало атмосферу рядом с нами светлее. Доктор и водитель машины тоже по-своему старались относиться к нам теплее. Даже автобусный мотор не гнушался отдавать на общую пользу копившееся в нем во время движения тепло. Сменная одежда, белье лыжниц сушились на его горячих боках.

Финишировали в Парке Победы Московского района Ленинграда. Вся команда, в полном сборе. Кроме капитана, это Татьяна Корнеева, Валентина Курепкина, Эмма Лебедева, Альбина Лунёва, Анна Юрьева. Кажется, отдали лыжне последние силы. Было такое впечатление, что окажись впереди еще каких-нибудь 5 км – не дошли бы. Выложились до конца. Но понятная усталость и женские эмоции – наши проблемы, у некоторых же других, кто скептически следил за «экспериментом слабого пола», обнаружилась проблема иного, неприятного свойства. Их подленько так тянуло нас спросить: а признайтесь, сколько километров вы проехали на автобусе? Это было очень обидно! Ведь на колесах, кроме двух пожилых женщин-помощниц и доктора, ехала лишь наша одежда.

Если же говорить серьезно, конечная цель была командой достигнута за 7,5 суток. Результаты женского пробега оказались вполне сопоставимы с мужским ориентиром-образцом, о чем в журнале «Спортивная жизнь России» и сообщила статья «725 км мужества». В ней между строк промелькнула мысль (как потом стало ясно, знаменательная), что достигнутый спортсменками успех было бы не по-хозяйски оставлять без продолжения.

И продолжение последовало. Причем достаточно быстро. Новоиспеченным энтузиасткам сверхдальней лыжни, снискавшим первые и заслуженные лавры на этом пути, вскоре те же бауманцы опять дали повод задуматься. На сей раз гораздо

более серьезный повод, во многом определивший северный, полярный профиль будущих женских экстремальных экспедиций.

Впрочем, кроме внешних причин были еще и свои внутренние. После Ленинграда в какой-то момент вдруг стало грустно: «Неужели все кончилось? Неужели больше никогда не будет дальней лыжни, снегов, метелей и радости успеха?» Решили: они будут, обязательно будут! С метелями мы теперь на «ты». Значит, кто – мы? «Метелица»! Так пришло название команды, а с ним появилось и все остальное.

Можно сказать, что морально «Метелица» была уже готова к новым продолжениям, когда в газетах появилась информация о планах бауманцев. На этот раз их инициатива выходила за границы собственной страны. Они взялись повторить маршрут отважной четверки лыжников (Д.Васильев, А.Немухин, В.Савин, Б.Дементьев), которые в 1927 году, стартовав в Москве, через 29 ходовых дней финишировали в столице Норвегии, покрыв в общей сложности расстояние в 2150 км.

Идея повторить поход своих предшественников, насколько нам известно, принадлежала капитану пробега Москва – Ленинград А.Белоухову. О нем надо сказать обязательно, и вы поймете, почему. Выпускник МВТУ, кандидат технических наук, дважды чемпион СССР по альпинизму, прекрасный лыжник – этот многогранный человек в самый разгар подготовки к скандинавскому походу во время тренировки на лыжероллерах попал на Куркинском шоссе под колеса автосамосвала. Три серьезнейшие операции на позвоночнике. Паралич. Диагноз врачей: шансов на жизнь нет. Но не тут-то было! У него была такая жажда жизни, столько мужества и воли, что медикам оставалось только удивляться. Девушки из «Метелицы» несколько лет шефствовали над попавшим в беду, помогли ему получить машину с ручным управлением. На ней он самостоятельно добрался до Таджикистана, чтобы руководить там альпинистами при монтаже Нурекской ГЭС. Наш единомышленник и настоящий боец надолго продлил себе жизнь вопреки врачебным прогнозам. Однако задуманный Белоуховым ремейковый маршрут его товарищи прошли без своего лидера.

1. *Перед стартом*
2. *Валентина Кузнецова с дочкой Ириной и мамой Александрой*
3. *Старт в Финляндию*

Итак, в 1968 году, фактически спустя сорок лет после первопроходцев, лыжный путь из Москвы в Осло заново проложили энтузиасты из Бауманского института. По сути, он в три раза превышал по длительности предыдущий ленинградский вариант. Это экстрамарафон. Дорога до норвежской столицы составила 2200 км... Женщины пошли другим путем: 19 января 1969 года команда «Метелица» стартовала по маршруту Москва – Ленинград – Хельсинки – Турку – Торнио. Сверхдальний пробег в Скандинавию (2600 км) занял 33 ходовых дня – в среднем на каждый из них пришлось по 80 км.

Столь необычный марафон с участием женщин вызвал немалый резонанс. В этом пробеге «Метелица» далеко превзошла рубеж критических физических нагрузок в лыжном спорте. Специалисты стали радикально пересматривать методику тренировок сильнейших лыжников. Но парадокс заключался в том, что дух нашей женской команды формировала прежде всего сама атмосфера внутри коллектива. А как воспроизвести ее массово, перенести на универсальный методический язык, повсеместно включить в алгоритм тренировочного процесса?

Характерно, что сверхмарафону в Финляндию предшествовала лишь единственная относительно приближенная к масштабу предстоявших нагрузок репетиция, остальная подготовка ограничивалась ближним Подмосковьем. В феврале 1968 года под патронажем столичного горкома комсомола и при содействии Московского военного округа был проведен лыжный поход по местам боевой славы советского народа (400-километровый маршрут Москва – Смоленск), в котором «Метелица» – без какой-либо специальной тренировки – сумела показать свои реальные спортивные и организационные возможности.

Из дневниковых записей капитана команды Валентины Кузнецовой:

«В состав были включены в основном студентки. Помимо меня и Антонины Егоровой на маршрут вышли Светлана Александрова, Татьяна Давыдова, Альбина Лунёва, Галина Попова, Ольга Тарасова. Мне хотелось иметь рядом с собой девчат помоложе, чтобы из них отобрать кандидатов на пробег в Финляндию. Было очень сложно все организовать, и большую роль сыграл на этот раз спорткомитет Ленинградского района. Через горком комсомола нам прикомандировали старенький автобус – наверное, 1930-х годов, такая каракатица с трубой. Договорились, благо тема маршрута это предполагала, пригласить с собой десять лучших лыжников Таманской гвардейской танковой дивизии. Рассчитывали с помощью военных еще и подкрепить продовольственную базу команды (ну, взяли бы на душу маленький грех!). Да не тут-то было. На ребят-лыжников, как быстро выяснилось, богатенькие армейские интенданты выдали только несколько буханок не самого свежего хлеба и девять консервных банок паштета из рябчика. Пришлось и их питание брать на себя. Очень помогли запасы солений и варенья, которые девочки позаимствовали из собственных домашних шкафов и подвалов...

Когда двинулись по трассе, довольно скоро обнаружилось, что молодым ребятам-таманцам не хватает сил. Девять из десяти не могли поддерживать взятый нами темп. Их пришлось элементарно откармливать и посадить в тот самый автобус-ветеран, благо ему-то бензина хватало.

С нами находился врач Виктор Аниканов, который поначалу был очень недоволен тем, что он, мастер спорта по конькам, вынужден обслуживать каких-то там третьеразрядных лыжниц. Но когда этот мастер увидел нас в работе, а таманцев в лазарете, то без промедления (молодец!) самокритично сказал: если бы все конькобежцы тренировались так же, все медали на чемпионатах мира были бы наши. Он оказался просто потрясен тем, как мы идем.

А шли мы, между прочим, совсем без лыжни, вдоль дороги, каждая из шестерых

девушек периодически сменяла другую в качестве лидера. И так все пять суток, делая по 80 км ежедневно. Программу свою выполнили полностью, а я сама особенно была довольна, поскольку еще раз вернулась к собранному ранее материалу о лыжнице-разведчице Любе Кулаковой, погибшей во время Отечественной войны как раз в тех местах Смоленской области, которые мы проходили.

Момент очень даже не рядовой. Во-первых, тренером у Любы Кулаковой была подруга моего лыжного наставника Веры Ивановны Рогозиной, у которой я долго тренировалась и от которой много слышала о судьбе героической спортсменки. Во-вторых, будучи в районе тех давних боев, я узнала интересные детали, сразу же вызвавшие у меня в голове неожиданные ассоциации, связанные с мистическим совпадением фамилий и дат. Женщина из близлежащей деревни, свидетель гибели Любы Кулаковой, видела и помнила, как все тогда происходило. Девушка и ее товарищи пали в неравном сражении смертью героев 2 апреля 1942 года. А ровно через неделю, 9 апреля того же года, как известно из биографических справочников, родилась другая Кулакова, Галина, прославившаяся позже, в 1960-е годы, на лыжных трассах мира. Первая из однофамилиц была до войны чемпионкой по равнинным и горным лыжам (такое необычное, очень редкое сочетание), вторая – многократной чемпионкой мира и Олимпийских игр на классических дистанциях бега и в командной эстафете. И у меня возникло ощущение, что та, военных лет, апрельская неделя каким-то необыкновенным образом олицетворяет в судьбе спортсменок символическую эстафету поколений. Если не сказать больше: ведь едва ли не впору думать о своего рода реинкарнации, продолжении духовных субстанций одного человека в другом.

Словом, захотелось поверить, что жизнь Гали может быть продолжением жизни Любы, уде не мистически, а именно символически. И я поехала на спартакиаду в Челябинск, чтобы там встретиться с олимпийской чемпионкой и написать о ней тоже...»

Разумеется, в нынешнем контексте нет смысла подробно рассказывать о том, какие впечатления оставила та встреча с Галиной Кулаковой и ее подругами по женской сборной СССР. Важно подчеркнуть иное: уже тогда, на этапе становления «Метелицы», любая из нас задумывалась не только о смысле жизни и высоких идеях, но прежде всего – о нравственных началах, сущностной стороне повседневного труда, исследовательского риска, без которых в арктических и антарктических широтах делать было бы нечего. Исходя из этого, в традиции команды сразу же закладывались особые требования к характеру и надежности ее участниц, формировались принципы дружбы и взаимопомощи, сродни мушкетерскому «один из всех и все за одного». Для понимания базовых ценностей

важны были и военно-исторические параллели, и папанинские или челюскинские подвиги, и примеры спортивных достижений. При всей своей неравнозначности они остаются тем проверочным камертоном, который помогает определить душевную готовность быть вместе в трудную минуту. Чувствуешь свою сопричастность к чужому подвигу, находишь своей интерес в судьбе таких людей, как Люба или Галя Кулаковы, – значит и доверие к тебе у твоих соратниц будет заведомо большее.

Время первых сверхдальних походов «Метелицы» воспитывало ее участниц по критериям жестким, послевоенным, когда это касалось дисциплины, условий спортивного быта, материальных ограничений. Но то же время, как ни удивительно, дарило и доброе, доверительное человеческое общение. Преобладало желание сохранить атмосферу общей радости, взаимопомощи, помешать разобщенности и равнодушию.

Характер команды тех лет и последующего времени – это сумма характеров каждой из «метелиц». Тем не менее основу коллективной психологии и человеческих отношений определяли в первую очередь качества самых опытных и умелых членов коллектива, давно осознавших ответственность за судьбу общего дела. Хотя, конечно, ни одна из нас поначалу не задумывалась, откуда родились в команде эта не женская сила, это роднившее всех настойчивое стремление к преодолению новых и новых рубежей.

С самых первых марафонских походов журналисты нас неизменно допекали: зачем вам, женщинам, это надо, что толкает вас к экстремальным нагрузкам – некая корыстная мечта? какие-то события, мотивы личной жизни? или, может, беспокойный женский характер? Однозначности в ответах не было и нет. Тут всегда свои варианты.

Валентина Кузнецова, 1969 год

Из газетных интервью капитана «Метелицы»:

– Я все больше убеждаюсь, что мой путь к «Метелице» начался еще в детстве. Получилось так, что уже в раннем возрасте мне пришлось вырабатывать характер.

Беда заставила это сделать. А точнее, война. Она застала нас с мамой в Курской области, куда мы приехали погостить к бабушке и дедушке.

Когда в село пришли немцы, мне многого пришлось насмотреться. До конца своих дней не забуду, как они свалили в начале зимы всех раненых из госпиталя (их не успели вовремя эвакуировать) в большую общую кучу на улице у церкви – и эти раненые без помощи и от холода всю ночь умирали. А немцы стояли рядом и тех, кто пытался погибающим помочь, – расстреливали.

Мама стала помогать партизанам. Об этом стало известно фашистам. И в один страшный день маму, сестренку и меня (а мне, тогда как раз исполнилось пять лет) вывели на расстрел. Нас спасло чудо. Но с того дня я онемела. Два года ни единого слова не могла выговорить. Из всех сил напрягалась, чтобы выдавить из себя хоть какой-нибудь звук – безуспешно. Моих сверстников это очень сместило, они без конца заставляли меня что-нибудь произнести. Особенно им почему-то полюбилось слово «петушок», и я до изнеможения пыталась выговорить его... Чтобы избавиться от своих мучителей, я решила во что бы то ни стало научиться говорить это слово. Так, благодаря детской жестокости, вернула себе речь. Но заикалась еще до 16 лет. Тем не менее впервые в своей жизни я преодолела невозможное.

– После войны отец привез меня в Москву, где пришлось жить в мужском общежитии (мама в силу обстоятельств осталась в Курской области). В комнате для нас был отгорожен угол, а рядом жили еще пятнадцать мужчин. Все они относились ко мне очень хорошо. Именно они, эти уставшие от войны и тяжелой работы мужчины, а главное – мой отец Михаил Яковлевич Токарев, научили меня любить людей, видеть в них прежде всего хорошее, идти к ним всегда с открытым сердцем. Они и еще школьные учителя, уделявшие много внимания девочке, жившей без матери. Классный руководитель Дина Григорьевна Селиванова стала для меня на всю жизнь символом доброты, любви и самопожертвования. Особую роль сыграла учительница физкультуры Нина Львовна. Именно она впервые поставила меня на лыжи. Вопреки запретам врачей. Те нашли, что у меня слабое сердце, и освободили от занятий физкультурой. Мне же эти уроки очень нравились, и я всегда приходила посмотреть, как занимаются другие. И вот однажды не выдержала и попросила разрешения участвовать в классных соревнованиях по бегу. Это и был первый шаг к будущим полярным походам.

То есть, конечно, один из вариантов ответа на вопрос, для чего нужны сверхдальние лыжные переходы, да еще для женщин, – это возможность проявить Характер. Особым образом сформированный и закаленный бойцовский характер. Но не проще ли ограничиться простым встречным вопросом, который совсем необязателен для ответа: «А зачем люди идут в горы, штурмуют заоблачные вершины, переплывают на лодках океаны, летят в неизведанный космос?».

Неугомонный разум и великая миссия – быть Человеком – вели и ведут людей в неизведанное, сочетаясь с высокой романтикой. «Хотел бы я знать, зачем звезды светятся. Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог отыскать свою». Так считал Антуан де Сент-Экзюпери. И можно ли ответить точнее?

У одной из «метелиц» Валентины Шацкой, которая всегда жила романтикой дорог и открытий, – в путевом дневнике были такие вот показательные строки, написанные в полярной тундре:

*Я верю, что Жар-птицей
Перо где-то потеряно,
И вот хожу по свету
И то перо ищу...*

Видели ли вы когда-нибудь радугу зимой? Однажды на пятый день пути по тундре между долиной Хальмер-Ю (Долиной Смерти) и приютившейся на берегу Северного Ледовитого океана Амдермой нам открылось редкостное явление природы – несколько радуг нежнейших тонов, переплетенных, словно олимпийские кольца. Ради только этого стоило пройти сотни километров на лыжах с тяжелыми нартами сквозь обжигающую пургу.

На время нарушив хронологию событий, мы сознательно заговорили о характере, мироощущении тех, кто выбирает романтику неизведанных дорог. Без понимания того, что движет такими людьми, вряд ли можно по-настоящему оценить значение любой из наших экспедиций.

Именно с этой точки зрения на начальном этапе формирования «Метелицы» выделялся для нас скандинавский марафон. Технические его данные уже приведены, но сущность происходившего на трассе, несомненно, вышла далеко за рамки чисто спортивного явления. И тут важны все подробности и детали. Ведь в Торнио команда впервые столь близко подошла к Полярному кругу. Оставалось сделать, образно говоря, всего один шаг до новой жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СКАНДИНАВСКАЯ САГА

После экстремального пробега Москва–Ленинград поверившие в команду общественные лидеры, в том числе комсомольские и спортивные, поддержали идею провести пробег «Метелицы» в честь предстоящего 100-летия В.И.Ленина по памятным скандинавским местам, где вождь русской революции жил и работал до октября 1917 года. Тогда эту дату готовились отмечать широко, и столичный горком комсомола стал помогать перспективной женской команде достойно подготовиться к новому серьезному испытанию. Особенно решительно оказался настроен первый секретарь ГК Сергей Купреев, благодаря которому на сторону коллектива лыжниц стал еще и Геннадий Янаев, председатель Комитета молодежных организаций СССР.

На подмосковном военном аэродроме Кубинка в августе 1968 года по протекции горкома команду разместили на спортивные сборы, выдав ей в придачу на пропитание несколько ящиков консервов из армейских запасов. Причем никто из летно-технического состава не мог сказать, что выданная провизия была «не в коня корм». Все аэродромные служащие видели, с какой нагрузкой и самоотдачей проводились женские тренировки, как в поте лица старались девушки подготовиться к скандинавскому маршруту.

Утром до завтрака – бег 10 км, плюс купание в Москве-реке. После завтрака по программе предусматривалась основная беговая тренировка – 20 км. Затем после обеда – небольшой отдых (около часа) и снова пробежка, теперь вечерняя. Бегали так много, что тапочки у некоторых не выдерживали, и им приходилось в конце концов заниматься босиком.

Неожиданно подготовку в Кубинке пришлось свернуть. К капитану «Метелицы» обратились от имени аэродромных начальников с просьбой в течение 12 часов эвакуироваться с «арендованной» территории. Начинаются военные действия, самолеты должны вылетать в Чехословакию. Но ни о какой войне девушкам говорить не надо.

Война! Большого потрясения придумать было нельзя. Тем паче тому поколению «Метелицы», которое пережило страдания и смерти Великой Отечественной. Неужели опять?! Капитан команды не имела права сразу поделиться информацией, ей одной пришлось выдержать в напряжении несколько тревожных часов.

Из дневниковых записей Валентины Кузнецовой:

«Я была в шоковом состоянии. Девочки ничего не знают, надо идти ужинать, и мы пошли. Они хохочут в столовой, а я не могу ни есть, ни говорить, ни смеяться, ничего не могу. Потом я им сказала, что нам завтра надо срочно уехать отсюда, потому что здесь закрывается аэродром. Мы уехали, ситуация была очень серьезная».

Словом, остальные члены команды узнали о причинах быстрой отправки с аэродрома значительно позже. События в Чехословакии 1968 года еще не раз и не два аукнулись «Метелице». И не только в момент подготовки лыжной экспедиции, но и по ходу маршрута в Скандинавию (о чем пойдет речь несколько дальше).

Из Кубинки, тем не менее, они вернулись не по домам, а поехали продолжать сборы на дачу к капитану в Опалиху. Тренировки продолжались из расчета, что придется ежедневно проходить не менее 50 км, а в отдельные дни и до 80 км.

В какой-то из дней перебрались по договоренности в местный дом отдыха геологов. Там была собака Альма, которую команда подкармливала, и та в ответ девушек очень полюбила. В одну из тренировок увязалась идти со всеми. Пробежала километров 20 – и обратно ее то и дело несли уже на руках. Собаке отдали все съестное, что было с собой, и она еле-еле добралась обратно. Больше на такие «тренировки» Альма не ходила. Поделом!

Уже потом, на пике подготовительного этапа, «метелицы» сами оценивали свои будничные нагрузки как «фантастические». Но и цель того стоила. Люди требовались закаленные и надежные.

Из газетных интервью капитана команды:

– Я понимала, что один из важнейших моментов подготовки – формирование команды. Опыт пробегов Москва – Ленинград и Москва – Смоленск убеждал в том, что найти просто хороших, выносливых лыжниц – это еще недостаточно для успеха. Нужно было подобрать людей, среди которых полностью бы исключался фактор «психологической несовместимости». Я уже знала: когда нервы и физические силы на пределе (а в таком состоянии каждой из нас предстояло пребывать полтора месяца), любая мелочь во взаимоотношениях могла вырасти в целую проблему. Хотелось найти девушек стойких, мужественных, дисциплинированных, готовых всегда подчинить свои желания интересам коллектива. Кроме всего прочего, хотелось, чтобы они были умными, веселыми и симпатичными...

Впрочем, пора представить «Метелицу» персонально. Я говорила – нас было пятеро.

Светлана Александрова – 28 лет, техник из Дубны, мастер спорта, студентка заочного отделения Московского института радиоэлектроники, любительница попеть и потанцевать.

Татьяна Дьяконова – 25 лет, дипломница Московского авиационного института, хрупкая на вид, темноволосая девушка с приятным лицом. Настолько хрупкая, что финны все удивлялись, как это она может проходить в день по 90 километров. Мы же в такие моменты обычно вспоминали комичный случай, который произошел с Таней во время подготовки к переходу. Мы много бегали босиком – случалось, по 30-40 километров в день, В конце концов подошвы наших ног настолько затвердели, что вполне могли стать предметом черной зависти австралийских аборигенов. Так или иначе, но однажды в Татьяниной пятке мы обнаружили воткнувшийся острием и стершийся до основания значок МАИ. Должно быть, хрупкая Таня наступила на него перед тренировкой и даже не обратила внимания на этот печальный факт.

Надежда Кузина – 23 года, самая молодая в команде, студентка вечернего

отделения Московского инженерно-строительного института. Веселая, уживчивая девушка, вечно в настроении, трудолюбивая и старательная.

Ленинградская область. Московские лыжницы В. Кузнецова, А. Егорова, С. Александрова, Н. Кузина и Т. Дьяконова, совершающие сверхдальный переход - Москва-Ленинград-Хельсинки-Торнио, прошли около 1000 километров. После кратковременного отдыха в городе Выборге они пересекут государственную границу и их дальнейший путь пойдет по территории Финляндии.

На снимке: "Метелица" в пути в районе Выборга.

Телефото Н. Науменкова (Фотохроника ТАСС)

Фото № 724615

Управление кинификации исполкома Моссовета

ЗАЛ ХРОНИКИ

К 100-летию

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА

22 апреля 1969 г.

ПРЕМЬЕРА

документального фильма

„НА ЛЫЖНЕ — МЕТЕЛИЦА“

Оператор
Л. Михайлов
Режиссер
В. Коновалов
Автор текста
Р. Рухунен
Редактор
Г. Долгопятов
Музоформитель
Г. Миронов
Звукооператоры:
Ю. Игнатов,
З. Уздин
Директор
В. Федоров

На премьере зрители встретятся с героинями — участницами команды «Метелица»:

Валентиной КУЗНЕЦОВОЙ

Антониной ЕГОРОВОЙ

Надеждой КУЗИНОЙ

Светланой АЛЕКСАНДРОВОЙ

Татьяной ДЬЯКОНОВОЙ

Производство Центральной студии документальных фильмов

Фильм рассказывает о выдающемся спортивном пробеге пяти советских лыжниц по ленинским местам СССР и Финляндии.
За 33 дня команда «Метелица» прошла 2611 км по маршруту Москва — Ленинград — Хельсинки — Турку — Тампере — Торнио.

Начало премьеры в 19 часов

Зак. 1196.

1. Встреча с Урхо Калеви Кекконеном
2. Встреча в Финляндии с людьми
3. Лыжня в Финляндию
4. Метелица и друзья в Финляндии
5. Лыжня в Финляндию, заметка в ТАСС
6. Финиш в Финляндии
7. Надя Кузина в Финляндии
8. Афиша документального фильма о Метелице

Первые дни в Финляндии газеты выходили с заголовками: «Надежда Кузина – сестра чемпиона мира Владимира Кузина – привела своих подруг в Финляндию». На одной из пресс-конференций мы разъяснили, что Надя не сестра чемпиона, а лишь его однофамилица. Газеты сообщили об этом, но финнам настолько хотелось верить в родство Надежды с чемпионом мира, что даже после опровержения они продолжали придерживаться своей версии. И я помню, уже на обратном пути из Финляндии в Москву во время встречи с главой государства Урхо Калеви Кекконеном один из вопросов президента был обращен к Надежде:

– Скажите, не сестра ли вы чемпиона мира?

– Нет, – ответила Надя.

– Все равно, – заметил Кекконен, – ваша фамилия ко многому обязывает.

Наконец, Антонина Егорова – 31 год, мастер спорта. Как и я, окончила Московский авиационный институт. Штурман команды.

Мне хотелось бы назвать еще троих: Галину Харламову, Ольгу Тарасову и Галину Попову. Они готовились вместе с нами, должны были идти в составе «Метелицы», но путь предстоял неблизкий и нелегкий – врачи не согласились на их участие. Душа разрывалась на части – так жаль, когда твои подружки остаются не у дел.

Впрочем, мы всегда считаем их членами команды. А как иначе, если Галя Попова всегда по собственной инициативе берется за все – самое нужное и трудно выполнимое, блестяще и в срок выполняет любое поручение. Галя Харламова досрочно на «отлично» сдала сессию в медицинском институте, взяла отпуск на работе и проводила нас от Москвы до самого Выборга – стряпала (да еще как вкусно), помогала во всем, веселила нас (хотя сама по ночам плакала!). Родная мать не сделала бы для нас больше, чем наша Галка!

Готовилась команда к пробегу тщательно, хорошо сознавая сложность предстоящего. Тренировались по индивидуальным планам, разработанным Фридрихом Валентиновичем Мальбергом – большим знатоком лыжного спорта. Каждый выбирал время, которое мог – свободное от учебы и работы. Однако раз в неделю, в воскресенье, все неизменно оказывались на даче в Опалихе, рядом с Красногорском, вызывая непомерное любопытство соседей. Они никак не могли понять, что за компания собирается в доме и почему ведет она такой странный образ жизни.

Действительно, на время подготовки к пробегу дача в Опалихе стала нашим родным пристанищем. Здесь мы жили, отсюда уходили на тренировки в район Архангельского или Красногорска. Особенно любили «Иванов круг». Эту 10-километровую трассу самолично создал в лесу Иван Утробин – чемпион страны по лыжным гонкам. Сколько дней потратил, сколько сил, но сделал ее на уровне лучших трасс мира. В благодарность за его подвиг эту трассу называли «Иванов круг».

Летом на террасе в Опалихе стоял огромный стол из толстых дубовых досок, за которым свободно размещалась вся наша «спортивная семейка» на ритуальные чаепития после изнурительных тренировок. Называлось это – посидеть за самоваром. Самовар и вправду был большой, пузатый, сработанный в Туле еще в 1907 году.

Стены в комнатах дачи были украшены образцами нашей собственной прессы – боевыми листками и экземплярами ежемесячной газеты «Метелицы» «А ну-ка, девушки!».

Здесь же, на даче, мы заготавливали и припасы к пробегу, используя щедрые дары окружающей природы и сада: наварили грушевого компота, засыпали черную смородину сахаром, насолили капусты с яблоками.

В воскресенье мы совершали что-то вроде скоростного похода на 40-50 километров, где бег чередовался с быстрой ходьбой. Обычно все это кончалось футболом и купанием. Проводил с нами занятия Юра Левушкин – конструктор Московского вертолетного завода. В 1967 году в составе команды бауманцев он прошел на лыжах по маршруту Москва – Осло. Мы ценили его опыт марафонца, отеческую заботу о нас и безграничную преданность «Метелице». Позже в качестве тренера он сопровождал команду от Москвы до Торнио.

В отпуск мы ушли одновременно и устроили для себя настоящий спортивный сбор в местном доме отдыха. Каждое утро – 4-5 часов бег с ходьбой, вечером – баскетбол, футбол, плавание, гимнастика. Короче говоря, к началу пробега объем проделанной работы у каждой из нас выражался достаточно внушительной цифрой – около пяти тысяч километров.

Пресс-архив.

Из газеты «Вечерняя Москва», 18 января 1969 года:

В дачном подмосковном поселке Опалиха есть дом отдыха с красивым названием «Серебрянка». Именно его облюбовали лыжницы, готовясь к сверхдальному переходу Москва – Хельсинки – Торнио.

Изо дня в день «накатывали» они километры на подмосковной лыжне.

И вот долгие месяцы напряженных тренировок позади. (По существу спортсменки начали готовиться к пробегу два года назад, когда прошли по лыжне до Ленинграда; потом был переход Москва – Смоленск).

Мы побывали в «Серебрянке» накануне пробега. Его участницы – в хлопотах, обычно предшествующих дальней дороге.

Сегодня утром отважная пятерка москвичек отправилась в далекий путь. 4 марта лыжницы финишируют в финском городке Торнио.

П.Викторов:

Не стоит рассказывать о сборах. Описание приготовлений к путешествию в повести Джерома К.Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки» воссоздает лишь жалкое подобие того, что творилось в канун старта. Хотя в команде и пытались предусмотреть любую мелочь, но, как водится, именно в последний вечер обнаружилось столько пробелов, что, ликвидируя их, в три часа ночи все буквально свалились с ног в кровати. Причем засыпали, твердо уверенные в том, что обязательно что-то будет забыто.

18 января поднялись в пять часов утра. Приехали из Опалихи (там ночевали) в Москву и отправились на Красную площадь возложить венок к подножию Мавзолея Владимира Ильича Ленина. Уже отсюда – в парк «Сокольники», где начинался маршрут в Финляндию.

К 10 часам в парке собралось много народа. Команду провожали представители ЦК и МГК ВЛКСМ, Комитета молодежных организаций СССР, секретарь финского посольства, женщины-бурятки – участницы лыжного перехода по маршруту Улан-Удэ – Москва Соня Тыхеева и Маша Хахалова, родные, друзья, знакомые. Провели митинг. Сказано немало теплых слов, напутствий. Атмосфера была такая, что легко угадывалось: каждая из участниц пробега поклялась в душе дойти до

конца дистанции во что бы то ни стало, преодолеть все трудности, которые ждали в пути.

Итак, 18 января «Метелица» взяла старт. Первые дни было особенно трудно. Вышли в сильный мороз. В Калининне температура опустилась еще ниже. Ночью – минус 37 градусов, днем – минус 32. Не спасало ничто – ни одежда, ни бег. Выходили из автобуса и в минуту обрастали слоем инея. Дышать можно только через шарфы.

Холодный воздух обжигал горло, надо только двигаться. Движение – жизнь! Лыжи от зверского холода становились хрупкими, как спички.

Из дневниковых записей Валентины Кузнецовой:

«Вдруг при пересечении канавы мои лыжи «Ярвинен» хрустнули и сломались, а левая нога, потеряв опору, неожиданно провалилась... Резкая боль. Врачебная помощь. Перелома нет, но как потом оказалось, я получила трещину в щиколотке. Больно, но идти-то надо. И так до конца пробега предстояло терпеть. Во время хода старалась, чтобы положение ноги было по возможности щадящим. Вечером же перед сном наш доктор Виктор Аниканов проводил для ноги процедуры, лечил «токами Бернара». Нездоровая нога выматывала силы, и уже в Финляндии мне прислали какого-то местного целителя. Он проделал свои манипуляции и сказал, чтобы я три дня лежала с неподвижной ногой. Наивный человек. Назавтра утром у нас новый старт и так до самого финиша. Эта трещина на щиколотке не давала мне покоя еще года три после возвращения домой».

Торжок – Вышний Волочек – Валдай – Крестцы – Новгород... Обычно мы шли три дня, на четвертый отдыхали.

Неимоверно трудно бежать три дня подряд, преодолевая ежедневно по 80-90 километров. В половине шестого подъем. Быстрый завтрак. Что-нибудь горячее. Еще затемно на лыжи... и снова один на один с заснеженными километрами.

Очень важно все время держать ровный темп. Особенно тяжело идущей впереди. Лыжни очень часто нет, и ее приходится торить. Еще хуже идти по обочине шоссе, когда грейдеры то и дело посыпают дорогу песком и солью. Скорость 8-10 километров в час – это нормально. (Уже в Финляндии, где по всей стране команде сопутствовала отличная лыжня, участницы пробега увеличили скорость до 10-12

километров в час, а иногда доводили ее до 15 километров). Время от времени врач команды Виктор Аниканов дает питье – минеральную воду, разбавленную каким-нибудь соком. Через 3-5 часов бега – отдых в автобусе. Сидя в нем и совершая перекуску, девушки старались перебить усталость шуткой, и любое более-менее остроумное слово вызывало взрыв хохота.

28 января строго по графику пришли в Ленинград. У лыжниц были все основания оставаться довольными собой. За 10 ходовых дней преодолены 725 километров в необычайно сложных условиях. Как говорят в таких случаях спортивные специалисты, гонщицы втянулись в работу. Обозначился у «Метелицы» и характер. Основные его черты – это «умрем, но выдержим», «смейся, как бы ни было тяжело», «умей держать себя в руках». Но главное – укрепились вера в собственные силы. Теперь все твердо знали, что справятся с любой задачей до конца.

Пресс-архив

Из ленинградской газеты «Смена», 30 января 1969 года:

Вчера на празднично украшенной главной аллее Московского парка Победы состоялась торжественная встреча участниц сверхдальнего лыжного пробега по маршруту Москва – Ленинград –Хельсинки – Торнио. Пятеро участниц этого лыжного марафона стартовали одиннадцать дней назад из столичного парка Сокольники. И вот теперь позади первый этап их большого пути. Нужно сказать, что переход, совершаемый отважными спортсменками, проходит в трудных условиях. Достаточно сказать, что во время старта в Москве было 22 градуса мороза, стужей встретил «Метелицу» и Ленинград.

Но зато физкультурники нашего города сделали все, чтобы по-дружески принять московских лыжниц. Уже на подступах к городу навстречу «Метелице» вышли лучшие лыжники обувного объединения «Скороход», которые считаются одними из сильнейших на невских берегах. Они составили почетный эскорт, который сопровождал лыжниц на последних километрах пути.

Лыжня, ведущая в город из его окрестностей, не прерывалась и на шумных магистралях Московского района. Здесь «Метелицу» ожидали лыжники из окрестных школ, которые приветствовали участниц перехода.

Сегодня и завтра московские лыжницы будут гостями ленинградских комсомольцев, а затем «Метелица» снова отправится в дорогу. Маленький отряд возьмет курс на Хельсинки.

После отдыха в Ленинграде «Метелицу» ждали путь на Выборг и далее бросок через границу. И как раз перед Выборгом к команде присоединился Володя Морозов, назначенный от комсомола руководить пробегом. Он догонял своих подопечных, поскольку ему пришлось в Москве решать непростые для молодого и неопытного администратора оргвопросы, связанные с освобождением участниц от работы (вплоть до уровня министерств), а потом и с оформлением их выезда за рубеж.

4 февраля пересекли границу. Все взволнованы до предела – что-то ждет впереди. Надели новую гоночную форму, белые гетры, шапочки, варежки, ботинки. Девушки старательнее, чем обычно, причесываются. Даже «рисуют глаза». На лыжи встали затемно. Слабый морозец, небо усеяно звездами, плывет среди них луна.

Красотища!

Инструктор Комитета молодежных организаций Роберт Тахненко (он приехал накануне вместе с Морозовым) зачитал приветственную телеграмму из Москвы, записал на пленку пожелания родным. На самой границе – короткий митинг. Прощание с нашими пограничниками. Передали им вымпел пробега и гильзу снаряда, заполненную землей с могилы Неизвестного солдата. Автобус команды шлет долгий прощальный гудок. Поднимается шлагбаум, «Метелица» переходит границу... и попадает в окружение финских пограничников-лыжников и целой толпы журналистов, фоторепортеров, работников телевидения. Тут же, с места в карьер, что-то вроде пресс-конференции, поначалу несколько натянутой. Среди вопросов такие:

– Умеете ли вы танцевать?

– Да.

– Когда же мы увидим?

– Хоть сегодня...

– Как, вы будете танцевать сегодня? После девяноста километров?

– Конечно. Мы танцуем и после девяноста километров.

Кто-то из слишком бойких кричит:

– Не утратите ли вы женской мягкости после такого перехода?

– Приезжайте на финиш в Торнио. Там поговорим на эту тему.

Хохот. Лед сломлен. Теперь вопросы сыплются со всех сторон. Интересует буквально все: кто, где работает, учится, семейное положение, чем интересуется, что знает о Финляндии...

С этого дня и на целый месяц «Метелица» овладела первыми полосами финских газет и вниманием всех жителей страны. Ежедневно газеты сообщали о том, как и где русские лыжницы шли накануне, с какой скоростью. Пересказывались подробности. Обязательно приводился график движения (вплоть до минут, когда команда будет проходить через тот или иной населенный пункт). В это время школьников освобождали от занятий, и они выходили на лыжах встречать «Метелицу».

Из записных книжек тренера Юрия Левушкина:

«И вот уже первый финский город Хамина. Нас приветливо встречают жители. Многие на лыжах. Здесь наш почин. Вечером мэр устроил официальный прием в честь «Метелицы». Корреспонденты газет, радио и телевидения спрашивают девушек, нравится ли им Финляндия, как они перенесли морозы, почему идут на финских лыжах, не боятся ли гонконгского гриппа... На следующий день газеты писали, что «Метелица» идет по лыжне со скоростью 80 км в день, поэтому гонконгский грипп за ними не успевает, что все девушки на финских лыжах, потому что это лучшие лыжи в мире, и что тренер мажет всей команде эти лыжи финской мазью «Рекс», поскольку и она лучшая в мире. Финны никогда не забывают о возможностях рекламы».

От самой границы и до Торнио команду сопровождал сильный финский лыжник, призер минувшей Универсиады в Инсбруке Кари Никкенен – славный, светловолосый, застенчивый парень. Его отец – в прошлом тоже отличный гонщик – работает в паровозном депо города Хювенкяя. Он ремонтировал паровоз № 293, переданный в 1957 году Советскому Союзу, на котором Ленин прибыл в октябре 1917 года в Петроград. Когда наш маршрут пролегал через город Кари, старший Никкенен присоединился к «Метелице» и прошел на лыжах 10 километров.

С командой постоянно кто-то шел – спортсмены финского рабочего общества ТУЛа, просто любители лыжного спорта. 5, 10, 20 километров – неважно сколько. Люди таким образом хотели продемонстрировать солидарность с идеей пробега, солидарность с нашей страной. Впоследствии журналисты подсчитали, что с

«Метелицей» прошло не менее пяти тысяч человек. На самом же деле цифра эта должна быть гораздо большей.

По Финляндии девушки пошли быстрее. Нередко скорость доходила до 15 километров в час. И почти всюду была отличная лыжня. Ее никто не готовил специально.

Просто она существует как неотъемлемая деталь зимнего финского пейзажа, как олицетворение спортивной приверженности народа. Хорошо накатанная лыжня тянется от хутора к хутору, от уезда к уезду, Заботливо сохраняемая, она есть везде, где только живет человек.

Позади остались Хамина, Коувела, Лахти, Рихимяки... В Лахти финишировали на олимпийском стадионе. Народу было, как на футбольном матче, а живых цветов – будто приехали примы-балерины. На следующий день на приеме в городской ратуше членам команды вручили Большие Лахтинские медали. Эта редкая награда ежегодно присуждается лучшему атлету города Лахти и еще тем финским спортсменам, которые попадут в число шести лучших на Олимпийских играх. Пробег «Метелицы» лахтинцы оценили, как столь же высокое спортивное достижение.

Русских попросили сделать запись в книге почетных гостей. Валентина Кузнецова написала: «команда «Метелица», открывая первую международную лыжную трассу Москва – Лахти, ждет смелых и энергичных мужчин из Лахти в Москву». Мэру перевели запись, и он улыбнулся и сказал, что в ближайшие несколько лет у них таких мужчин не появится, но, когда появятся, они обязательно сделают такой пробег. До сих пор этого нет. А жаль..., впрочем, если уж так далеко до Москвы, то почему бы не попробовать сделать традиционным марафон Хельсинки – Петербург. Всего 450 км. Была бы прекрасная «международная лыжня дружбы».

Из записных книжек тренера Юрия Левушкина:

«В Лахти нас познакомили с настоящей финской баней. Любопытная эта штука – сауна. Небольшое деревянное помещение разделено на три части: раздевальню, душевую и парную, рассчитанные на 5-10 человек. В парной, сидения в два-три яруса, самая главная часть – камин, в городах он электрический, в сельской местности, как правило, дровяной. На раскрошенные камни в камине плещут ковш кипятку, и сразу идет сухой пар. Наверху установлен градусник. Кто выдерживает температуру 120°C в течение получаса, получает банный диплом, очень высокую

награду. Обладателей таких дипломов встречают в сауне с необыкновенным почтением. Наши девушки побили все их банные рекорды – сидели в парной целый час. Говорят, что даже градусник не выдержал напора жары. Дипломы в кармане! А сами девушки еще раз вызвали всеобщее восхищение».

Очень интересным было посещение всемирно известной лыжной фабрики Эско Ярвинена. На лыжах, изготовленных здесь, команда шла из Москвы. Трудятся на фабрике всего 250 человек, а выпускают они 200000 пар в год первоклассных лыж и столько же палок. Хозяин фабрики подарил девушкам специальные лыжи, скользящая часть которых покрыта самым прочным гикоревым деревом с окантовкой пластиком. Забегая вперед, стоит сказать, что девушки финишировали именно на этих лыжах, пройдя на них 1400 км, и лыжи совсем не износились.

Сразу за Хювинкяя начинается знаменитая лыжня «Семь братьев», которая заканчивается в Хельсинки. Протяженность ее 70 км. Почти каждый житель Финляндии прошел по этой лыжне. Она идет по местам, где жил и работал финский писатель-классик Алексис Киви. Трасса названа в честь одноименного романа писателя.

Ежегодно в конце февраля на этой лыжне устраиваются самые массовые соревнования зимнего сезона. Лыжники съезжаются сюда со всей страны. В соревнованиях «Семь братьев» участвует по несколько тысяч человек разного возраста. Нередко выступают целыми семьями. Наград за победу много, причем для каждой возрастной категории – свой приз. Разыгрывается также много и семейных наград. Весь маршрут хорошо размечен, постоянно укатывается специальными мотосанями. Имеется система контрольных пунктов, где лыжник отмечается в официальном журнале. Так что награды достаются всем, кто заслужил.

Прошли эту вторую половину пути из Лаhti в Хельсинки и «метелицы». В столицу они прибыли 9 февраля. А накануне их финиша в Хельсинки финские газеты вышли с аншлагами; «Финны! Если кто когда-либо знал или видел Ленина – повстречайтесь с советскими лыжницами. Они специально для этого пришли в нашу страну».

Пресс-архив

Из газеты «Советский спорт», 6 февраля 1969 года:

ХЕЛЬСИНКИ, 5 февраля. Торжественную и радужную встречу устроили представители общества «Финляндия – Советский Союз», местные власти, журналисты финских газет и радио советским лыжницам, совершающим

сверхдальний переход по территории Советского Союза и Финляндии общей протяженностью 2600 километров. Здесь к походу «Метелицы», как символически названа команда отважных лыжниц, проявляется большой интерес. Финские газеты сообщали об их планах, о продвижении по советской территории, приводили сведения об участницах – пяти советских спортсменках. Сегодня во многих столичных газетах помещены отчеты о встрече на границе, фотографии лыжниц, приближающихся к финскому городу Хамина. Интересно отметить, что лыжню до Хамины для советских спортсменок проложили и «обкатали» лыжники местного гарнизона финской армии.

Девушки из «Метелицы» чувствуют себя хорошо, настроение у них отличное. Погода благоприятствует походу, хотя сегодня «ударил» мороз, и температура ниже двадцати градусов.

С первой страницы газеты «Кансан Уутисет» глядят на читателей пять улыбающихся спортсменок. По ним никак не скажешь, что они уже прошли тысячу километров.

Да и оставшиеся 1600 их явно не пугают.

М.Косов (Корр.ТАСС)

По плану в Хельсинки было два дня отдыха. Но за эти два дня все устали больше, чем на лыжне. Бесконечные приемы, пресс-конференции, встречи. На улицах то и дело узнавали:

– А, вы, наверное, идете к дому Ровио? Вот этот дом. А те два окна – как раз в комнате Ленина...

Тут же сообщались какие-нибудь подробности, относящиеся к пребыванию Ленина у Ровио. И оставалось лишь удивляться тому, как бережно хранят финны память обо всем, что связано с именем Владимира Ильича.

12 февраля начался очередной трехдневный этап Хельсинки – Карья – Сало – Турку. В общей сложности 230 километров. Особенно трудным был путь до Карьи. Часть его пролегла через залив. Ветер, туман, противная изморозь. Никакого скольжения. В сумерках поднялась метель. Измученные, добрались до Карьи только к 10 часам вечера. И все же мэр города, несмотря на поздний час, ожидал команду. Состоялся

традиционный прием в гостинице, над входом в которую свешивались два флага – советский и финский. Внимание к «Метелице» и здесь, и во всех других городах было максимальное.

Из записных книжек тренера Юрия Левушкина:

«Финны устроили из пробега «Метелицы» своеобразное соревнование: от самой границы ее передают как эстафету – спортсмены одного уезда спортсменам другого. Если так будет до финиша, то это окажутся крупнейшие соревнования сезона на самой длинной лыжне. Мы подсчитали, что с нами уже прошли более тысячи человек, а позади только чуть больше половины пути. С утра до вечера рядом с командой двигаются на лыжах молодые и старые, вполне спортивные люди, много школьников.

Каждый старается провести нас по своему уезду, рассказать о его достопримечательностях. В ответ от «Метелицы» – милые улыбки и значки на память».

В Турку команду ждал необычайно теплый прием. Два дня погода была хорошей, лыжня еще лучше, и девушки бежали минута в минуту по графику. Финишировали на стадионе. Участниц пробега встречали мэр города, представители спортивной общественности, множество лыжников, зрителей. Преподнесли живые цветы, два громадных красавца торта, причем один – из мороженого...

С пребыванием Ленина в Турку связана одна из самых волнующих историй. В декабре 1907 года Владимир Ильич жил в пригороде Хельсинки. Однако обстоятельства заставили его перебраться на некоторое время в Западную Европу. Решено было, что он отправится туда из Турку пароходом.

Накануне отъезда Ленин провел в Хельсинки совещание со специально прибывшими для этого из Петербурга товарищами. Затем выехал в Турку. В поезде он заметил за собой слежку. За 12 верст до Турку ему удалось ускользнуть из-под бдительного надзора непрошенных «опекунов» и выбраться из вагона. Стояли сильные морозы.

С маленьким чемоданчиком в руках Ленин пешком отправился в город и около двух часов ночи пришел по имевшемуся у него адресу на квартиру финского социал-демократа Вальтера Борга.

Еще заранее с капитаном одного из пароходов было условлено, что он примет на борт пассажира. Однако в назначенный час пассажир не явился, и пароход ушел.

Оставаться в Турку было опасно, и Ленину пришлось перебраться на остров Карьяла. Сопровождали Владимира Ильича два проводника-финна. Шли по льду. Несмотря на декабрь, кое-где он был непрочным. Ленин рассказывал потом, что в одном месте лед стал уходить у него из-под ног. Только счастливая случайность спасла его от гибели.

В день отдыха в Турку члены команды поехали в городок Парайнен и оттуда на остров Карьяла. Сохранился дом, где останавливался Ленин на несколько дней в ожидании парохода, и даже кровать, на которой он спал. Вечером в честь «Метелицы» мэр Парайнена господин Ассар Брюпила устроил прием. И сообщил, что город добивается права в 1970 году провести в окрестностях 50-километровую лыжную международную гонку, посвященную 100-летию со дня рождения Ильича. Эта трасса станет народной лыжней.

В воскресенье 16 февраля взяли курс на Тампере. В первый день предстояло пройти 110 километров, на следующий – 97. Это были самые трудные километры по Финляндии. С самого утра шоссе, вдоль которого шла «Метелица», загромодили автомашины. Лыжники даже не сразу поняли, что весь этот кортеж – без конца и без края – движется вместе с ними. Ради них. Люди сколько могли провожали команду на лыжах. Приветствовали: «Здравствуй! Как поживай! Хорошо! Терва Тула! Ура! Гут пути! Хювя матка!» и даже «Калинка-малинка!», показывая таким образом весь свой запас русских слов.

Из записных книжек тренера Юрия Левушкина:

«На следующий день «Метелице» предстоял самый длинный и трудный этап пробега в 110 км Турку – Лауттакуля. Вышли рано. Температура минус 10 градусов. Отличная лыжня, хорошее скольжение. Сегодня воскресенье, и лыжников много как никогда. Все идут с нами. Темп очень высокий – 12-15 км в час. Эту скорость фиксируют зрители и подсказывают нам. Через каждые 10 км девушкам на ходу дают подпитку – стакан спортивного напитка. По сути, идет настоящая проверка сил и возможностей команды. И девушки приняли как бы этот вызов и идут с подъемом. Финны поняли, что это серьезная гонка и всюю помогают: раскатывают лыжню, а где гонщики переходят шоссе – набрасывают на асфальт

снег. Из домов девушкам выносят горячий сок, апельсины, шоколад. В поселках «Метелица» движется по живому коридору. За светлое время дня прошли 70 км.

Уже совсем ночью нас догнал колесный трактор. Его вел старик. Одним колесом он съехал на обочину и прокладывал колею для лыжни. Рядом со стариком сидела его жена, закутанная в одеяло. В руке она держала фонарь и освещала нам лыжню. Эти люди оказались простыми крестьянами из уезда Вамбула – Арво и Селина Хуммале.

Они провожали нас все темное время, километров сорок. В Лауттакюля мы пришли очень поздно.

За ужином Таня Дьяконова сказала: «Даже не верится, что прошла 110! Дома уж тем более никто не поверит!»

Утром – второй этап, 97 километров. Местные лыжники вели путь по латуретке. Так называются в Финляндии наиболее популярные лыжные маршруты. Латуретки тянутся из уезда в уезд. Через всю страну. Они пролегают по красивейшим местам, полны тягунов, поворотов, спусков, отлично размечены. Повсюду есть указатели, куда идти и сколько километров осталось до того или иного пункта.

Время от времени попадаются маленькие рубленые живописные избушки, как из сказки. Здесь можно выпить сока, кофе, закусить, отдохнуть, погреться. В конце каждой латуретки вы найдете ящик с тетрадью. В этой тетради каждый прошедший по латуретке отмечает дату, имя, количество километров. Дело в том, что между Финляндией, Швецией и Норвегией идет своеобразное лыжное соревнование, в котором участвуют все жители этих стран. В конце сезона подсчитываются результаты, и побеждает та страна, в которой на душу населения приходится больше пройденных километров. Девушки из «Метелицы» тоже кое-где оставляли свои записи.

Например, «Кузнецова Валентина, СССР, Москва, 1500 километров, 14 февраля 1969 года». На одном из приемов представитель национального лыжного союза Финляндии пошутил: «Ну, а теперь с помощью «Метелицы» Финляндия наверняка выйдет на первое место. Боюсь только, как бы шведы и норвежцы не прислали нам по этому поводу ноту».

Никогда не уставали так, как в этот день. 110 километров накануне, почти столько же и сегодня. Очень тяжело. Мастера спорта, а от переутомления потеряли

устойчивость, еле-еле держались на простейших спусках, буквально засыпали на лыжне. В довершение ко всему заблудились. Сопровождавший лыжниц местный снегоход сломался, а другого проводника рядом не оказалось. В конце концов вышли к озеру, занесенному глубоким снегом, одни-одинёшеньки. Темная ночь. Мороз.

В легкой гоночной форме, вертикальное положение удастся сохранять только при помощи палок, голодные. Словом, ситуация напряженная. И тут у тренера Юры Левушкина сдали нервы:

– Куда идти?! Я же отвечаю за вас!

Все посмотрели по сторонам – ни зги не видно. Капитану команды пришлось брать инициативу на себя:

– Юрочка, спокойно! Ты мечтал попасть в Финляндию с «Метелицей». Мы здесь. Ну, когда еще случится такое? Ты в Финляндии, на озере, с нами... А идти куда? Вон видишь справа зарево на небе – значит там город. Туда и пойдем!

И тут все расхохотались. Хохотали до слез, до упаду. А Юра кричал:

– Что смеетесь? Плакать надо! Ну, когда вы станете серьезными?

Вняв Юриным призывам, девушки посерьёзтели и пошли в сторону едва заметного зарева на небе, предполагая, что именно в той стороне находится город. Через полтора часа их встретили лыжники, высланные навстречу «Метелице».

Из записных книжек тренера Юрия Левушкина:

«В Тампере вечером в студенческом общежитии Института общественных наук девушки встретились со студентами. Тут же возникла общая тема: вузовская жизнь, учеба. И снова шутки, песни. Быстро подружились. Но утром опять на лыжи. До финиша, смеются девушки, всего каких-то 800 км. Идем на север, где теплее не бывает, а для лыжников температура выше нуля – страшный бич. Заметно меняется природа: на смену соснам и елям приходят северная береза, чахлые низенькие сосенки. Да и населенные пункты теперь попадаются реже. Одним словом, Север. Уже близко полярный круг. В северном городе Лапуа отдых, пообедали в местной

больнице. Для нас это очень интересно. Ведь спортсмены редко болеют и в больницах не бывают. А тут больничный обед, да еще в белых (почти «маскировочных») халатах».

В Тампере посетили музей Ленина. С 25 по 30 декабря 1905 года Ленин руководил первой конференцией РСДРП. Она была организована в местном Рабочем доме. В память об этом после Второй мировой войны тут разместили музей Ленина, самый крупный из всех зарубежных. На этом доме мемориальная доска с барельефом. Слева и справа два подстаканника, в которых живые цветы. «Метелица» подарила музею палехскую шкатулку с портретом Владимира Ильича, несколько томов с его работами, большой альбом о Москве с автографами членов команды.

Пресс-архив

Из газеты «Московская правда», 21 февраля 1969 года:

ХЕЛЬСИНКИ, 20 февраля (ТАСС). Группа московских лыжниц, составляющих команду «Метелица», вышла вчера из Тампере и продолжает свой путь к Торнио. Девушки пройдут по лыжне так называемой «Трассы Пиркка» из Ламминня (около Тампере) до Юлиуярви и далее в Кюрокоски. На этой трассе проводятся традиционные соревнования.

День отдыха участницы перехода провели в Тампере.

Девушки чувствуют себя хорошо, настроение у них отличное, хотя, как сказала корреспонденту ТАСС капитан команды Валентина Кузнецова, им приходится проходить по несколько удлиненному маршруту: хозяева каждого населенного пункта и города, через которые проходит маршрут «Метелицы», стремятся провести группу лыжниц самыми красивыми местами. Однако график пока соблюдается четко.

Из Тампере взяли курс на север. Паркане – Лапуа – Епуа. На окраине Епуа – маленького финского городка – состоялась неожиданная и незабываемая встреча. Дело, ради которого начали они свой путь, близилось к завершению. Позади осталось более двух тысяч километров, и каждый новый давался уже с трудом.

Шли усталые. Сгущались сумерки. И вдруг слева у лыжни – большой портрет Владимира Ильича в рамке и на деревянной ножке, воткнутой в снег. Все

остановились как вкопанные. Откуда он мог здесь взяться? Около портрета стояли двое пожилых людей – мужчина и женщина.

– Это наш друг! – сказал мужчина, показывая на портрет. Женщина улыбнулась и согласно закивала головой.

Да, во время пробега по Финляндии было немало подобных встреч. Финны выражали солидарность с идеей пробега различными способами, в том числе и так, как эта пожилая чета под Епуа, и так, как люди, по собственной инициативе прокладывавшие команде лыжню на тракторе, и так, как бабуся где-то под Оулу, отдавшая шедшей по трассе первой из девушек вязанные шерстяные варежки со своих рук...

Пресс-архив

Из газеты «Комсомольская правда», 25 февраля 1969 года:

Солнечный денек выдался в воскресенье. Легкий морозец помог девчатам пройти этап от Лапуа до Епуа с высокой скоростью. Преодолев запланированные на день километры, девчата из отряда «Метелица» не остановились... и прошли сверх графика еще 20 верст. И вновь, как и всегда, выстроились вдоль лыжни встречающие «Метелицу» жители окрестных поселков. В сумерках на трассе девчат встретили парень и девушка с большим портретом В. И.Ленина, установленным рядом с трассой.

Утро 24 февраля встретило команду густым туманом. В 50 метрах ничего не видно. Целый день отряд «Метелица» шел в молочной пелене. Сказалось влияние Ботнического залива. Этой погоде обрадовался только наш кинооператор – будут отличные кадры.

Дальше путь пойдет по побережью. Девчата, кажется, немного устали, и все же в Коккола вошли засветло. Город этот давно знает советских спортсменов. Еще в 1952 году здесь прозвучал Гимн Советского Союза в честь чемпионки мира по конькам Лидии Селиховой. В последние годы здесь очень часто выступают наши спортсмены, участвуя в лыжных гонках.

Сегодня девчата стартуют в Калаёки. До финиша осталось 350 километров.

Р.Руханен,корреспондент АПН

(специально для «Комсомольской правды»). Коккола, 25 февраля

Любопытный случай произошел в Калайоках. Каким-то образом здесь распространился слух, что во главе русской команды идет внучка Эйно Рахьи, финна, который не однажды сопровождал Ленина в качестве телохранителя во всех его опасных переходах и переездах. Встречать «Метелицу» в Калайоках собралось более тридцати человек родни Рахьи. Ошибка, конечно, обнаружилась, но ни команда, ни родственники Рахьи не были разочарованы встречей.

Из записных книжек тренера Юрия Левушкина:

«В город Рахья «Метелица» примчалась на два часа раньше намеченного. Вообще в последние дни график девушки выполняют досрочно. Близкий финиш дает о себе знать, все идут на втором дыхании. Сильно возросла средняя скорость. В тот день финская газета написала, что один из отрезков пути в 26 км девушки прошли менее чем за два часа, а на отдельных участках скорость достигала 18 км в час! Только хорошо подготовленные лыжники могли идти впереди «Метелицы». В Рахьи находится самый северный в Финляндии металлургический комбинат, работающий на советском оборудовании. При доводке и пуске производства здесь трудилось много наших специалистов...

Дорога от Рахьи до большого города Оулу тянется вдоль Ботнического залива. Иногда лыжня выходит на лед прибрежной морской зоны, где очень плотный надутый снег, но его мало, и лыжные палки проскальзывают на льду, а сильный ветер при этом пронизывает почти насквозь легкий гоночный костюм, забивает дыхание и валит с ног. Идти тяжело. Девушки такие участки стараются проскочить быстрее, чтобы отдышаться и согреться в лесу. За 15 км до города догнали колонну финских солдат: в своих маскировочных халатах они сливаются со снегом, даже лыжи выкрашены у них в белый цвет. Наши «метелицы» без труда обошли их.

Солдатам, которые шли на широких тяжелых лыжах, да еще в военной амуниции, было трудно соревноваться со спортсменками. Зато те неслись, будто на крыльях.

Финишировали на центральном стадионе Оулу на льду хоккейного поля. Тут же девушек наградили «серебряными бочонками для смолы» – так называется местная спортивная награда, которая вручается победителям ежегодных лыжных соревнований на дистанции в 70 км от Рахьи до Оулу».

Оставалось пройти Оулу – Куйваниemi – Торнио. Последние десять километров до финиша девушки шли по лыжне, размеченной красными флажками, на которых по-фински было написано: «Ленинская лыжня». Так финны еще раз подчеркнули смысл и цель пробега, который завершился в Торнио третьего марта.

Пресс-архив

Из газеты «Московская спортивная неделя», 8 марта 1969 года:

В этот день маленький городок на севере Финляндии – Торнио готовился к торжественной встрече москвичек-лыжниц команды «Метелица». В Торнио приехали финские и шведские журналисты, кинооператоры, работники телевидения. Вот появляется цепочка лыжниц в красных свитерах. Горячая встреча взволновала наших спортсменок. Особенно они были тронуты необычным подарком в этих холодных северных местах – им были преподнесены букеты алых роз...

Итак, завершён сверхдальний лыжный переход «Метелицы» по маршруту Москва–Ленинград– Хельсинки – Турку – Тампере – Оулу – Торнио. За 33 дня наши землячки прошли 2600 километров и финишировали в предусмотренный графиком перехода день.

Московская спортивная общественность горячо поздравляет отважных лыжниц с большим успехом. Это особенно приятно сделать сегодня – в Международный женский день.

Финиш «Метелицы» транслировался по телевидению на всю Финляндию. На следующий день в Торнио появилась машина шведского телевидения. Шведы проделали более тысячи километров, но опоздали. Пришлось специально повторить финиш, чтобы его посмотрела еще и Швеция.

На обратном пути в Москву нас принял президент Финляндии Урхо Калеви Кекконен. Он говорил о том, что Финляндия обязана Владимиру Ильичу Ленину своей независимостью, и финны никогда не забудут этого.

А потом пошел разговор о лыжах. Оказалось, что Кекконен тоже любит этот вид спорта и хорошо разбирается в нём. Сам он ежедневно проходит по 20 километров. А в молодые годы был чемпионом Финляндии по прыжкам в высоту.

Кекконен сказал:

– Пока что я в этом сезоне находил маловато – всего 600 километров. Попозже, на отдыхе, весной, в Лапландии наверстаю упущенное. Приезжайте ко мне в Лапландию кататься на лыжах. Я очень сожалею, что не прошел с вами хотя бы полдня. Это лишь потому, что меня не было в Финляндии...

Пресс-архив

Из газеты «Правда», 12 марта 1969 года:

Хельсинки, 11. (ТАСС). Сегодня президент Финляндии Урхо Кекконен принял участниц сверхдальнего 2600-километрового лыжного перехода, посвященного столетию со дня рождения В.И.Ленина. Страстный любитель лыжного спорта, президент сказал московским лыжницам: «Я рад, что вы выбрали именно Финляндию для своего лыжного перехода, именно здесь завершили путь. Впрочем, это естественно: в нашей стране немало мест, связанных с пребыванием В.И.Ленина».

Участницы «Метелицы» подарили президенту Финляндии эмблему сверхдальнего лыжного перехода со своими автографами, значок перехода и... одну из лыж. «Вы много сделали для развития дружбы между СССР и Финляндией», – сказал, прощаясь, Урхо Кекконен.

Известно, что когда проходят годы, к прежним впечатлениям от событий и встреч добавляется осознание... времени. Скорее даже именно Времени. Оно предстает в ином масштабе. Его сравниваешь с историческими оценками, пытаешься снять налет субъективного. И не всегда такой путь мысли пройти легко. Как и дистанцию лыжного сверхмарафона.

Из дневниковых записей капитана «Метелицы»:

"Шли мы, конечно, очень здорово. Но сначала была настороженность, в которой не просто себе признаться. Как нас встретят после событий 1968-го в Чехословакии? Что будут спрашивать и о чем говорить наши соседи? Ведь под впечатлением от тех дней в Праге и других городах против пробега выступали Норвегия и Швеция, а Финляндия согласилась на наш маршрут после серьезного вмешательства дипломатов. И помнят здесь не только 68-й, но и 39-й, тридцатилетие войны двух стран.

Я не хотела в те дни и даже позже говорить, но когда уходили на маршрут, мне мой папа, которого я очень уважаю и люблю, довольно настойчиво мне говорил:

«Дочка, я тебя никогда ни о чем не просил, но сейчас прошу, сделай это для меня, не ходи в Финляндию. Ты даже не знаешь, что они делали с нашими солдатами, когда там была война. Я прошу тебя, не ходи, вы не вернетесь оттуда!». Но я ответила, может быть, неожиданно для него: «Папа, я пойду, обязательно пойду, чтобы этого никогда не повторилось». То есть я пошла, хотя папа был против. И когда был старт, я увидела, что папа пришел на проводы команды. Это меня тронуло

до слез. Это было первый раз, когда папа пришел проводить. Вокруг меня было много людей, все бегали, прыгали, а я никак не могла к нему подойти, обнять, поцеловать. Кто-то фотографировался рядом, кто-то пытался взять интервью, куда-то меня тащили, в общем предстартовая лихорадка, и я к нему смогла подойти только на секунду, и все».

Встреча с президентом страны, с другими достойными людьми Финляндии оставили у участников пробега самые приятные впечатления. И то, что сохраняют личные записи и индивидуальная память человека, факты очевидные. Это не вычеркнуть, не стереть ничем. Поэтому нет смысла что-то переиначивать и думать, что кто-то может оказаться больше или меньше прав, сохраняя одно и легко выбрасывая из прошедшей жизни второе, третье... Таким было Время, из которого ничто произвольно выкинуть нельзя, если даже тебе сегодня вдруг перестали нравиться прежние герои или имена.

Таким же, как то время, был и маршрут лыжного перехода «Метелицы», сохранивший себя на карте вместе с датами каждого из основных своих этапов:

Москва – 18 января 1969 года – старт команды.

Калинин – 20 января – 171 км.

Валдай – 23 января – 396 км.

Новгород – 25 января – 541 км.

Ленинград – 29 января – 725 км.

Выборг – 1 февраля – 913 км.

Лахти – 6 февраля – 1198 км.

Хельсинки – 9 февраля – 1358 км.

Турку – 14 февраля – 1588 км.

Тампере – 17 февраля – 1768 км.

Лапуа – 21 февраля – 2018 км.

Калайоки – 26 февраля – 2250 км.

Торнио – 3 марта 1969 года – 2600 км, финиш.

Сохранилось, впрочем, и множество вырезок из российских и скандинавских газет, журналов. Иногда с забавными для женщин вопросами. Например, после сюжета о встрече в Лахти с мэром города журналисты спросили, а не расплылось ли внимание спортсменок на иностранных мужчин? В ответ тоже, конечно, приходилось шутить: какие, мол, могут быть мужчины, когда делаешь марш-броски по 80 километров в день. Но финны-то, не секрет, интересовались нашими девушками.

Показательно, что в одной из их газет напечатали рядом две статьи – о конкурсе красоты с фотографиями пяти самых красивых девушек Суоми и репортаж о команде с опять же пятью «метелицами». Сравнивайте, кто хочет! И знаете, газетчики сделали прекрасный ход в пользу лыжниц из России. По общему убеждению самих наших спортсменок, они совсем не проигрывали финским конкурсанткам.

А одному из финских журналистов вообще удалось отличиться. Рейма Руханен, который постоянно работал с командой во время пробега и много о ней писал, после возвращения девушек в Москву предложил руку и сердце самой молодой участнице Наде Кузиной. Семья получилась замечательная. У них двое детей и уже есть внук.

Первый поход к району полярного круга не принес разочарования. Команда получила и у себя на родине, и у северных соседей серьезное признание. «Метелицу» приветствовали в главном спортивном дворце страны в Лужниках. Членам команды вручили награды общественных организаций... И девушек окончательно потянуло в полярные дали, к арктическим горизонтам!

Однако это не было прощанием со скандинавскими соседями. Позднее «Метелица» не раз вернется еще сюда. Хотя и не на лыжах, а на отечественных автомашинах. Во время автопробегов выяснится, что память о себе лыжницы поколения конца 1960-х оставили добрую. И долгую.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЗАПОЛЯРНЫЕ МАРШРУТЫ

Сначала радость победы, потом... После Финляндии у лыжниц, как ни странно, наступила полоса своеобразной депрессии. Казалось, большего сделать уже невозможно. Разрядить ситуацию помог Юрий Левушкин. Он предложил идею женской экспедиции на Южный полюс. Почему Антарктида? Северный полюс и все, что рядом, привычно. Столько в арктических широтах хожено-перехожено...

Нам же хотелось необычного, нового, хотелось романтики.

Неизведанность не пугала, а радовала. Стали изучать историю освоения ледового материка. Зачитывались дневниками Роберта Скотта, изучали карты и природу, климат Антарктиды. Физических трудностей не боялись. Хорошо понимали, какую серьезную ношу берем на себя, какая мера ответственности требуется при формировании коллектива, подборе людей.

Подготовку к переходу на Южный полюс начали с 1970 года. Прежде чем попасть на шестой континент, провели десять экспедиций в высокоширотной Арктике. Ведь речь шла не о туристическом походе, а о серьезной научно-спортивной программе, где мы выступали в роли испытателей. Организовали сотрудничество с Институтом медико-биологических проблем во главе с О.Г.Газенко, а затем и Институтом экстремальной медицины, которым руководил Е.Г.Жиляев. Соответственно новым задачам стал вырисовываться и будущий состав «Метелицы», появился акцент на медицинскую направленность исследований. В команде прибавилось несколько врачей, психологов, в том числе кандидатов наук.

И тогда, и позже у нас, членов команды, постоянно спрашивали, а какова она – «Метелица»? Что ж, если нарисовать ее общий портрет, то на тот момент это была довольно-таки милая, симпатичная женщина. Средний возраст – 35 лет. Вес (опять же средний) – 65 кг, рост – 165 см. Спортивное звание – мастер спорта.

Образование – высшее (технико-медико-гуманитарное).

Кроме капитана «Метелицы» в ту десятку, которая отправилась впервые за полярный круг, вошли:

Галина Рожальская – мастер спорта международного класса по альпинизму. Одной из немногих в мире женщин за покорение всех семитысячников СССР ей присвоено звание «Снежный барс». И так непривычно его примеривать к нашей хрупкой, миниатюрной, веселой Галке – олицетворению мудрости и души «Метелицы»! Работает она диспетчером на Челябинском металлургическом заводе. Самая старшая в группе. У нее уже внучка Оксаночка.

Таня Ревтова – самая молодая в «Метелице». Выпускница Московского института электронного машиностроения, с отличием защитила диплом на английском языке.

Серебряный призер чемпионата СССР по радиоспорту. Была бригадиром студенческого стройотряда на Сахалине. В поход через тундру брала радиостанцию, собранную своими руками. Имеет выход в международный эфир, свои позывные.

Светлана Цветкова окончила Московский авиационный институт, работает ведущим инженером. Ас в вопросах радиодола. Увлекается бегом. Заместитель капитана команды.

Татьяна Кузнецова – кандидат медицинских наук из института имени Пирогова. Защитила диссертацию. Человек дела, человек твердого слова. Отличная лыжница, инструктор по альпинизму.

Ангелина Маркова – врач, тоже кандидат медицинских наук, заведующая отделом реанимации института имени Сеченова. С ней ничего не страшно. Ее профессия – возвращать к жизни людей. В Ангелине сочетаются мягкость, женственность и в то же время сила, выносливость лыжницы и альпинистки. Успевает многое – в том числе воспитывать сына.

Антонина Егорова – радиоинженер. Боец испытанный. Вместе с капитаном участвовала в двух переходах.

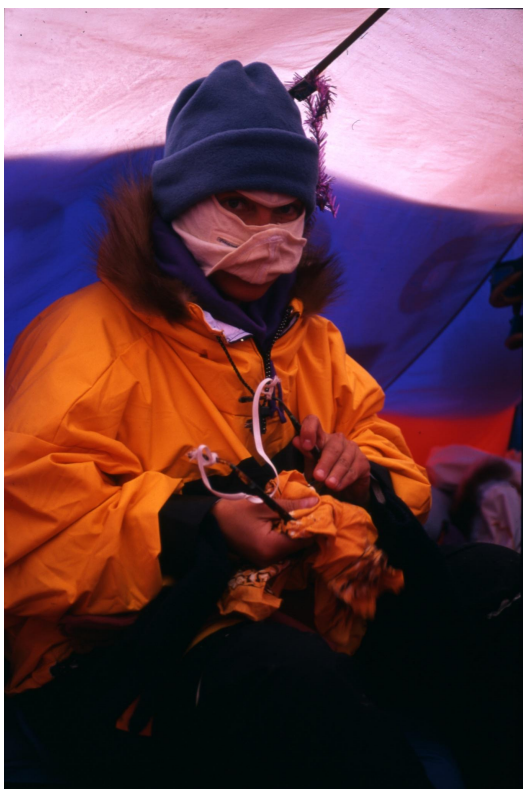
Валентина Шацкая – штурман-метеоролог. В своем кругу зовем ее «дитя природы». О ней можно написать целый приключенческий роман. Если бы проводился чемпионат мира по туризму, то ей сложно было бы подыскать конкурентку. Любительница охоты. Мастер ориентирования. Человек с отважным сердцем. Единственная в мире женщина, сумевшая в одиночку на лыжах пройти почти 500 километров по тундре до побережья Северного Ледовитого океана.

Ольга Грошенко – кинооператор из Новокузнецка. Защитила с отличием диплом во ВГИКе. Оля – турист, имеет за плечами маршруты 5-й категории сложности.

Марина Томашевская – кандидат в мастера спорта по лыжам. Альпинистка. Работает специалистом по акустике в Министерстве путей сообщения.

Именно этот состав в конце апреля 1974 года отправился в первую арктическую высокоширотную экспедицию. Все было для нас ново: и снаряжение, и условия.

Снаряжение дали нам друзья и туристы, знакомые Вали Шацкой. И именно ее мы попросили провести команду и познакомить с новым для большинства участников полярным миром.

Хальмер-Ю – Амдерма

Закончилась проба вполне успешно: «Метелица» совершила, как потом сообщал «Советский спорт», исключительно сложный 300-километровый переход через тундру по отрогам Заполярного Урала до Северного Ледовитого океана. Причем газетный врез к материалу начинался в очень красивом, эпически-торжественном стиле: «Это было в те дни, когда в долине Хальмер-Ю – долине Смерти – еще вовсю свирепствовала пурга. Десять женщин на лыжах вступили в белое безмолвие, навстречу испытаниям и неизвестности...»

К прозе жизни никогда не помешает добавить несколько таких интригующих строк. Тем более, если иметь в виду совсем не рядовые нагрузки, которые пали на женские плечи уже в дни долгих тренировок. Ведь что такое подготовка к будущей полярной экспедиции? Уезжаем из Москвы за сотню километров. Проводим так называемые холодные ночевки в палатке, в спальном мешке, в лесу на морозе. А утром с тяжелым рюкзаком идем на лыжах 40-50 километров. Но это все цветочки по сравнению с самим переходом.

На маршруте тот эпос, в ореоле которого увидел команду «Советский спорт», участницы экспедиции творили своим трудом и упорством. Хотя сил хватало и на дневниковые записи, на юмор, который тоже мог бы фигурировать как величина постоянная в обобщенных характеристиках команды. Собственно, эти записи лучше всего и расскажут о каждом из дней, пережитых на маршруте к Ледовитому океану. Заодно показав и лицо самих участниц перехода, поскольку тексты персонифицированы. Ни дать, ни взять – «авторские листы».

Впрочем, до пронумерованных днями страниц было еще небольшое предисловие – как своеобразный камертон к настроению, которым заряжалось все лыжное женское сообщество, именующее себя «Метелицей».

Дальняя дорога. Бесконечные хлопоты. Чего-чего, а этих самых хлопот было много. Правда, трудно сказать, кому их больше досталось – нам или нашим друзьям и помощникам, количество которых к моменту отъезда существенно вырос. С их стороны проявлено к нам большое внимание и оказана команде большая помощь. Одна палатка чего стоила, которую мы именовали не иначе, как «дворец шамаханской царицы», и которую целая группа, в основном мужчин, шила в мартовские праздники.

Мы им всем были очень признательны. Но пока наша благодарность вылилась всего-навсего в тост (произнесенный позже в тундре): «За тех, кто остался и кто нам помогал!».

С питанием команде помог Институт медико-биологических проблем Минздрава СССР. Программу научных наблюдений, составленную сотрудниками этого института, нам предстояло выполнить на маршруте под руководством наших врачей Татьяны Кузнецовой и Ангелины Марковой.

Но как ни помогали нам наши друзья, мужья, подруги, мы все-таки ко дню отъезда окончательно выдохлись и жили одной надеждой: «Скорее бы в поезд, там отдохнем». У Светланы Цветковой квартира превратилась в сложную систему баррикад из снаряжения, питания, лыж, нарт, плюс из разных упаковок. Телефон раскалился от звонков: междугородных, московских, загородных. Звонили друзья, родственники, сочувствующие, помогающие, завидующие.

Но вот пробил и наш час. Уставшие вконец от нас и наших многочисленных забот, друзья и родственники грузят приготовленный багаж в поезд «Москва – Воркута», и мы едем. Удивительно, что в этой суматохе мы ничего не позабыли. В вагоне, все еще удивленные своей смелостью, потихоньку приходим в себя. Пора готовиться к походной жизни. Кто-то даже пошутил, что проблема теперь осталась одна: выйти и идти.

30 апреля 1974: Валентина Шацкая.

Вчера вечером, когда прибыли в Хальмер-Ю, поднялась, было, пурга. Прямо как в песне про тундру:

Отчего не рада приезду,
Отчего встречаешь пургой.

А сегодня вовсю сияет солнце. Тишина, ночевали в ленинской комнате шахтерского общежития, именуемого официально интернатом № 2. Судя по рассказам аборигенов, заезжие туристы здесь останавливаются часто (рекомендуем при необходимости и другим).

Позавтракали в шахтерской же столовой и полдня занимались раскладкой груза по нартам, рюкзакам, срочным ремонтом. В 13.00 дня вышли, зрелище, должно быть, оказалось занятное и вызывало нездоровое любопытство у местного населения. Больше часа нас сопровождал эскорт собак, дирижируемых мальчуганом лет восьми. На общей остановке один этот самый четвероногий друг человека подошел к рюкзаку предводителя и пометил его традиционным собачьим методом. Тоже мне, друг! И, главное, ни чей-нибудь рюкзак выбрал, зверюга, а мой. При этом нахально

ухмылялся. И уж не знаешь, как воспринимать: то ли как напутствие, то ли как насмешку.

Шли не быстро, что обычно для первого дня, что-то не подогнано, где-то тянет. Сделали шесть переходов, прошли около 15 км. Таня Ревтова, Света и Марина отправились ставить антенну на ближайший, но далеко расположенный пригорок. Остальные занялись палаткой и всеми остальными хозяйственными делами. Палатку поставили менее чем за 5 минут. На приготовление пищи ушло около 1,5 часов. Размещение было длительным, но все же разместились. Думали, будет хуже.

Таня со Светой долго работали на станции, но ни с кем не связались. На нашей частоте вещали китайские хунвэйбины. По остальным диапазонам ничего не прослушивалось. Погода пока балует. Днем был слабый ветер южного направления, температура -5° . Вечером уже -13° . Ветер совсем стих. Надо полагать, к хорошей погоде.

1 мая: Антонина Егорова.

Подъем в 6.30, все выпались, настроение приподнятое, праздничное. Мы с Валентиной Шацкой сегодня дежурные. Готовим завтрак и продукты на «перекус». Перед выходом – первомайский парад – выстроились с рюкзаками и нартами. Валентина Кузнецова как капитан команды поздравила нас с международным праздником. А я обещала вечером праздничный ужин с «сюрпризом». Обнадеженные, все двинулись в путь.

Погода хорошая, немного ветреная, но при ходьбе не замечается, скорость 3-4 км/час. Снег твердый с леденистой крупой. Ольга старательно все фиксирует на пленку. После 4-х переходов (переход = 50 минут хода + 10 минут отдыха) перекус. Все с нетерпением ждут этого важного момента. Наконец положенное время наступило, и все с удовольствием поглощают продукты, которые выдали нам дежурные: кусочек сала, два сухарика, два печенья, одна конфетка и шоколад. Запиваем чаем из термосов. Все жалуются, что чаю мало. Надо бы больше. Поели и уже с нетерпением ждем вечера. До ужина осталось три перехода, идем все плотно. Никто не отстает.

Трудно сравнить что-либо с красотой заполярной тундры. Бескрайние, ослепительной белизны снега, голубое очень контрастное небо. Так и хочется поверить, что это не небо, а за горизонтом начинается море. Идем в масках и темных очках. Солнце нещадно палит. Шацкая по этому поводу высказывается в духе мистера Икс:

«Всегда быть в маске – судьба моя».

Видели следы куропаток, белых песцов и росوماхи. А полярная сова еще немного и попала бы нам под лыжи. Вокруг снег, снег, снег и наш караван.

Последние два перехода были особенно трудны – устали, нарты тяжелые и местность сильно пересеченная: вверх-вниз, вверх-вниз, а кажется – только вверх.

В 18.30 встали на ночевку. На этот раз радисты расположились рядом с палаткой. Поверх антенны укрепили красный вымпел в честь праздника. Мы с Валентиной готовим праздничный ужин – суп фасолевый и чай с молоком. Все ждут с нетерпением «сюрприза». Она достает горбушу и пакет с надписью: «Вскрыть только 1 мая», подаренный на вокзале в Москве нашим большим другом Юрой Линцом. Оказалось, что в нем 10 шоколадок. И уж совсем неожиданным стало появление бутылки коньяка, которую мы с Шацкой секретно купили в Воркуте на общественные деньги. Хорошо быть «министром финансов». Марина добывает откуда-то из-под сидения торт с подходящим случаю названием «Сюрприз». Разливает коньяк по рюмкам (кружкам), и пьем за всех тех, кто нам помогал, и за праздник. Все дружно кричат «ура!».

После коньяка еще больше развеселились. Говорят все одновременно, кто-то просит вещать по очереди, но не тут-то было. Говорить, так говорить. Суп был вкусный. Съели почти все по две порции. Пьем чай с молоком и с тортом, на котором уже не раз сидели, пока его везли, но ничего. Съели и так. И очень довольны.

2 мая: Ангелина Маркова.

Больше всего в Москве мы беспокоились по поводу предстоящих ночевок. А теперь после двух ночей в тундре успокоились. На ходу были еще два дня слабоваты, но, во-первых, это начало, а во-вторых, большая группа всегда менее мобильна.

Из всех ранее беспокоивших проблем осталась одна: безаварийно и в срок закончить поход.

Утро солнечное, но ветер усилился. Вышли в 10.30. Рельеф прежний. В подъем с нартами тяжело. А спусков почему-то мало. Мы с Таней Кузнецовой конфисковали банку из-под фасолевого супа для экспериментов по программе ИМБП. По этому случаю целый день шуточки, особенно вечером после принятия большого количества компота. Сегодня все подустали и подмерзли. Поэтому предложила всем залить в кружку с горячим компотом по ложке спирта. Думаю, что десертная ложка

спирта в горячем компоте людям уставшим и замерзшим вреда не сделает, а так сразу все разогрелись, да и компот приобрел пикантный вкус.

Очень любопытны рассуждения Амундсена в его книге «Южный полюс» по поводу разумного принятия алкоголя.

«Очень часто добрая рюмка водки действует чрезвычайно благотворно, когда ты промокший и замерзший, спускаешься в свою каюту и ложишься спать после тяжелой работы на пронизывающем ветру. Пожалуй, трезвенник сморщит нос и скажет: а разве не такая же польза будет от чашки хорошего горячего кофе? Я со своей стороны считаю, что то количество кофе, которое человек вольет в себя при подобных обстоятельствах, во много раз вреднее какой-нибудь рюмки водки...»

Группа уже втянулась в нагрузки. Установились определенный ритм и свой порядок движения. К вечеру погода начала портиться. Солнце село в тучу и на горизонте мгла. Температура -8° . Ладно, спасибо, что первые дни были хорошими. Сегодня сделали 8 переходов. Встретили песца, видели следы росوماхи, зайцев, лемминга.

Нашли перышки от куропатки. По этому поводу свое настроение Таня Ревтова выразила так:

Предо мною белизна,

Ширь безбрежная.

Здесь, наверное, живет

Королева снежная.

А вчера у королевы

Был веселый шумный бал.

И поэтому по тундре

Зверь на праздник к ней бежал.

И вчера лежала тундра,

Как раскрытая тетрадь,

И следы гостей полярных
Каждый мог бы прочитать.
Вот спешила россомаха,
Рядом гордо шел песец,
Куропатки пролетали,
И оставил лемминг след.
И в честь бала для веселья
В небе радуги зажгли,
Из полярного сиянья
Разноцветье роз сплели.
И под пение метелей
(Нам тепло и без костра)
Все водили хороводы
Вплоть до самого утра.
После шумного веселья
Звери все остались спать,
И поэтому сегодня
Нам их следа не видать.

3 мая: Марина Томашевская.

Подъем в 6 часов. Встали вовремя. Сегодня дежурные мы с Ольгой. Вышли в 9.45.
Все обзавелись поясами для нарт. Это намного легче, чем тащить их на плечах.

Наше ноу-хау было продуманным шагом: женщинам ввиду особенностей их

телосложения вообще не рекомендуется носить тяжелые рюкзаки, ну а уж нарты – тем более.

Погода не радует. Туман и ветер. Метет страшно. Идем как в молоке. Устаем, ждем с нетерпением остановки, но не спасает – дует так, что вскакиваем и идем дальше. Ветер все сильнее, холодно. Впереди темное небо. Тундра коварна, но в то же время сказочно красива. Вот рассеиваются облака. Над нами голубое небо и солнце, а вокруг радуги (гало). Их формы самые разные: круглые, полукруглые, прямые, длинные и короткие. Очень красиво. Зрелище неповторимое. Идем под солнцем три часа, но вот все снова заволакивает тучами. Ветер крепчает, метет сильнее. На привале Ольга предлагает сделать портреты участниц – говорит, что при таком освещении мы будем выглядеть совсем юными.

Опять очень много следов песцов, куропаток. Иногда можно прочесть по следам небольшие трагедии в зверином царстве: то песец съел лемминга, то куропаткой пообедал.

Отстает Галка. Очень плохо у нее с креплениями. Ей помогает Валентина Кузнецова, но все равно Галке очень тяжело. На последнем переходе нарты берет Ольга.

Несмотря на сильный ветер, быстро поставили палатку. Галку запрятали в спальник, и взялись за строительство туалета. Пока мы строили это «произведение искусства» из снега, готовился ужин. Наконец все наружные работы были закончены, и «мастера» вернулись в палатку.

4 мая: Ольга Грошенко.

День приключений – развлекательный.

Утром блаженство: каша манная с изюмом. Разногласий не было – все любят или кашу, или изюм. Во время завтрака пришлось устроить ателье: штопаем варежки, носки, перешиваем бахилы, шьем новые маски. О мужьях и детях пока никто не говорит – рады, что вырвались на свободу.

Погода за ночь улучшилась, мороз -12° , ветер из северного перешел в восточный. Ослепительное солнце. Наш лагерь расположен на самой вершине пологого холма, кажется, что он в центре огромного белоснежного блюдца под голубым куполом. Настроение у всех отличное: все рвутся вперед.

Вышли. Прошли один переход, и выяснилось, что забыли на стоянке наружный термометр. Послали двух гонцов: Вальку Шацкую и Тоню Егорову. Сидим, их ждем.

А пока объявили конкурс на ценные мысли. Но тут выясняется маленькая деталь: мыслей нет – «морозом выморозило и вопросы выветрило», как скромно сказал кто-то. А сами сидят – старательно пишут. Только я тщательно все фиксирую на пленку, опасаясь потерять для истории ценные кадры.

Ждем. Марина и Света сходили в разведку (отошли на 200 м) и пришли с открытием: «Здесь зайцы скачут, а у нас ружья нет».

Это ж надо! Семь зайцев сразу, стоят беленькие, мягонькие с серенькими ушками, стоят навтыжку и как будто ждут команды. Я их телевиком схватила.

Настроение лирическое. Таня Ревтова выдает стихотворный афоризм:

Я знаю тундру, тундра не кончается.

Она, как море, только не качается.

Это верно, как море (в хорошую погоду). Все время кажется, что за следующим холмом откроется море.

Показались Тоня и Валя на горизонте. Пора собираться в дорогу дальше.

На одном из холмов увидели гурий, сложенный из сланца. Оставили записку. После перекуса через два перехода дошли до каньона реки Сибирчатаяхи. Такой экзотики нигде не найти: на обрывистых берегах из черного сланца ютятся своеобразные букеты тундры – на веточках начинают распускаться почки, сосульки рядом свисают. С другой стороны реки огромный снежный карниз и над ним солнце. Радовались, удивлялись и прыгали как дети. Только Марина сидела и плакала: с утра попала ресница в глаз и натерла так, что смотреть нельзя, боль адская. Ангелина почистила и завязала ей глаз, отругала Марину, и мы дружно двинулись дальше.

Вечером спустились в левый приток Сибирчатаяхи перед поворотом реки на восток. Спуск в приток оказался крутым, и Шацкая сломала лыжи своего приятеля-туриста, который их очень берег. Переживает... В долине этой речки и заночевали. После ужина творческий вечер сломавшей лыжу Валентины, которая поделилась своим богатым опытом путешественницы. И диалог:

– А в Антарктиду смогла бы попасть?

– Если бы посреди океану не было, давно бы в Антарктиду сбегала.

5 мая: Светлана Цветкова.

Проснулись рано. На улице метет, видимость плохая. Для меня, впрочем, и ночь была кошмарной. В четырехспальном мешке, где мы разместились с Олей, Таня и Тоней, очень тепло, но так тесно, что спокойно спать просто невозможно. Ох, уж эта «четырехспальная коммунальная квартира»! Что бы знатоки ни говорили, а я за отдельный спальный мешок!

После завтрака Валя Шацкая объявляет приятное для всех решение – переходим на ночной ход. Целый день отдыха. Радостное оживление, которое породило это сообщение, видимо, вызвано усталостью, которая постепенно накопилась у всех. Большие нагрузки уже дают себя знать. Все берутся за дневники, записывают вчерашние впечатления.

Мы с Тоней моментально свернулись в два калачика и заснули. Разбудили нас дежурные Галя и Ангелина и предложили горячий завтрак. Затем «медицинский час» – руки, ноги, щеки, носы – все подвергается профилактической обработке, и палатка снова погружается в «зимнюю спячку». Проснулись в 3 часа все как по команде – от острого чувства голода. (Обычно в это время у нас дневной перекус). Обмен впечатлениями: всем снились цветные сны – кому шоколад, кому длинные модные платья, шубы и шиньоны, кому сухое вино (даже во сне хочется пить!). А мне приснилось то, что наши нарты-сани бегут по снегу сами, у них легкие двигатели, и конструктор объясняет нам их систему управления.

После перекуса общее собрание. Повестка дня – планы и задачи наших будущих экспедиций. Собрание совмещается с мелкими ремонтными работами. Пока я вела протокол, девчонки починили мои бахилы, зашивали варежки, носки, реставрировали маски. По поводу масок в группе так и нет пока единого мнения, но все-таки интерес многих вызывает маска Ангелины – это мешок из марли в два слоя с прорезями для глаз и рта, где рот дополнительно прикрыт пышной оборкой.

Настроение веселое, чувствуется, что группа отдохнула. Ветер стих. Готовимся к выходу. Как пройдет наш первый ночной переход?! Группа выходит в 22.30. Ночи нет. Совсем светло.

6 мая: Татьяна Кузнецова.

Перешли на ночной ход. Ночи как таковой, строго говоря, нет. Очень светло. Видим одновременно луну и восход солнца. «Ночью мороз больше, но идти приятнее и легче», – так говорят девочки. Правда, первая ночь как будто заманила нас в заколдованный круг. Два перехода прошли нормально, а потом начались неурядицы. У Валентины Шацкой ломались ее нарты два раза. Она нервничала. Пока они с

Антониной чинили нарты, девчонки моментально замерзли. Мороз с ветром пронизывал насквозь. Хотели Валю разгрузить, но она категорически отказалась. Так нельзя вести себя в коллективе!

Да еще каньонов так много, что приходится их все обходить, спуститься нигде нельзя, везде страшные обрывы, жуткая зловещая красота – черные с красным отливом стены и снежные карнизы многометровой толщины. Ходили кругами, видимо, тундра нас специально водила.

Видели очень много оленьих следов и следы упряжек. Идти тяжело. Нарты на спусках переворачиваются, а в гору тянем с трудом. Нарты перетягивают – и ты падаешь. Встаешь, опять падаешь, и так несколько раз. А что делать? Такое впечатление, что все адские силы тундры и хребта Пай-Хой (Кривого хребта) направлены против нас.

Холод жуткий, как будто не -15° , а все -50° . Это от ветра. Маски встают колом. Обледеневают. Без маски обгораешь моментально. Потееют очки, смазываем их мылом. Немного спасает. Сегодня полноценных переходов сделали только пять. Легли спать в 10 часов утра. А Валентина Шацкая с Антониной приводили в порядок нарты. Им помогли радисты – выдали две запасные дюралевые трубки от антенны.

7 мая: Татьяна Ревтова.

Сегодня проснулась с приподнятым настроением – День Радио! И пусть метель завывает сильнее, чем вчера, и ветер дует в лицо. Сейчас мне ничего не страшно, все подъемы и спуски преодолеваются легко:

Посмотрите, то ж не горы,

Прям передо мною

Голубой лежит песец

С километр длиною.

Я ему на спину влезу,

Вниз скачусь стрелою,

Он лениво усмехнется:

«Ладно, черт с тобою».

С первого дня жду белого безмолвия, о котором давно начиталась и наслышалась, но здесь это по частям. То все белое, такое белое, что исчезает линия горизонта и видны лишь нарты впереди идущего, однако при этом завывает пурга; то, когда безмолвие, тундра играет цветами – голубое небо, черные камни гор, розовые облака и необыкновенные радуги.

Во время переходов обсуждаем со Светланой нашу самодельную антенну. Это восьмиметровая мачта с двумя ярусами оттяжек. В первые же дни убедились, что конструкция не идеальная. Быстро ее можно поставить только в хорошую погоду. Для следующей экспедиции надо будет, оставив тот же принцип, сделать более удобной стыковку отдельных звеньев.

Штурмовали вершину со странным названием Сопчамыльк. Снизу она казалась довольно безобидной, но когда до вершины оставалось совсем немного, пошел такой твердый наст, что я с трудом пробивала лыжной палкой ступеньки, пытаясь одновременно цепляться за гору всеми частями тела.

Выручила Марина – она быстро спустилась ко мне, встала со стороны моего возможного падения и, строгим голосом давая ЦУ, проводила до верха.

Ура! Я наверху! И пусть высота Сопчамылька измеряется не тысячами, а сотнями метров, но это моя первая вершина.

Вниз спустились – все нормально, прошли долину и остановились, разбиваем лагерь. Начинаю возиться с радиохозяйством – сегодня нас со Светланой во времени не ограничивают.

Мы поставили антенну,

Развернули станцию,

Выходи со мной на связь,

Позже дам квитанцию.

Но в приемнике лишь треск –

Что за наваждение?

До чего ж оно капризно,

Это прохождение!

Жду десять, двадцать минут. Немного нервирует то, что у станции фиксированные частоты. Такое чувство, что на соседних частотах полно любителей, и так хочется пройтись по всему диапазону!

Но вот услышала морзянку! Австрийский радиолюбитель вызывает на связь дальние страны. И сразу же за ним знакомый голос УЦР – сейчас этим позывным с Новосибирских островов работает Леонид Михайлович Лабутин – автор радиостанции «Ледовая», используемой и нашей экспедицией. Прошло еще несколько минут, и в эфире появилась УКЗА – станция Центрального радиоклуба СССР. До чего же приятно слышать москвичей сейчас, когда связь с остальным миром для нас возможна только по эфиру.

Зовут есть. Не завтракать или ужинать, а «есть», потому что здесь все перепуталось. Девчонки поздравили Светлану и меня с праздником и подарили значок «Всесоюзный День Радио». Какие же они молодцы! Ложимся спать. В 16.00, как и договорились, Светлана будит меня. Скорее в соседнюю палатку, поработаю еще, пока все девчонки не встали.

А в эфире что творится! Отличное прохождение на всех диапазонах, даже на аварийной арктической частоте слышала песню «Морзянка». Правда, песня пурги заглушает эфир.

За какой-то час намело такие сугробы у входа, что еле выбралась из палатки. Ну, и ветер сегодня! С трудом прохожу несколько метров, разделяющих палатки.

Перекусываем и – последняя новость – сейчас никуда не идем. Некоторые пытаются возражать, волнуясь, что опоздают на работу, но слышится бодрящий голос Шацкой: «Туризм – лучший отдых. Отдыхайте!». И немного поворчав, засыпаем.

8 мая: Ангелина Маркова.

Все больше мы начинаем походить на азиатов, особенно Таня Кузнецова. Лица словно округляются, сужаются глаза. Все уже подустали.

Ветер низовой, сильный, порывистый. Скорость до 20 м/сек. Но светит солнце. Решаем идти. Осталось около трети пути.

Только тронулись – началась пурга. Не видно, куда идти, не видно первого

направляющего. Двигаемся цепочной, стараясь не потерять из виду впереди идущего.

Пытаемся попасть след в след, но не получается: ветер сносит нарты на метр в сторону. Идти тяжело – температура нулевая, страшный подлип. Скорость меньше обычного. Только в первые дни тундра нас баловала – солнце, небольшой морозец, ветер слабый. Это она нас заманивала, а потом стала такое выкидывать, что только держись.

Ветер то с одной стороны, то с другой и все сильнее и сильнее. И не просто дует, а сечет мокрым, холодным и липким снегом. Подъемов сегодня, кажется, больше обычного: все вверх и вверх. Весь день поднимаемся, как по глобусу.

Сделали девять переходов. Сильно вымокли. С большим трудом поставили палатки. Они – словно паруса. Еле удерживаем. Соорудили снежную стенку вокруг, чтобы нас не унесло вместе с палаткой. После ужина стали сушиться. Раскочегарили примуса и обвешали их мокрыми вещами. Примуса перегрелись и вспыхнули. Валя Кузнецова и Тоня Егорова, не раздумывая, бросились на огонь и закрыли собой пламя. Удалось сбить огонь. Остатки пожара забросали снегом, потом накрыли примуса Валентиновыми мокрыми штормовыми брюками. Наконец агрегаты совсем затухли, и тогда, приподняв край палатки (он возле кухни не пришит к полу), вытащили раскаленную технику на снег для окончательного остывания. Да, было несколько неприятных мгновений, но все обошлось.

Шацкая невозмутимо заявила, что это не страшно, т.к. палатка капроновая, и в крайнем случае мы получили бы дыру в один квадратный метр и залатали бы ее нашими белыми красивыми капроновыми анораками. Придется все мокрые шмотки сушить на себе. Это очень неприятно, но что поделаешь. Я сушу на себе только носки. Остальное пусть сушится на ходу. На сон грядущий Шацкая прочитала нам свежее испеченную «пессимистическую балладу» с эпиграфом «А в Москве цветут бульвары...». Это всех развеселило.

Давно уж в Лету сгинули
Те дни, когда покинули
Мы близких и семью,
А поезд исторический
Со скоростью космической
Доставил 10 теток в долину Хальмер-Ю.
И вот, ну, как на каторгу,
Мы тащимся на Амдерму

С поникшей головой.
За что ж Господь так осерчал
И за какой же грех послал
Нас на хребет Пай-Хой?
Ни ванны с туалетом

Нигде здесь теплых нету.

И по нужде – так в тундру.

А всюду ветер свищет,

Как в поле на кладбище

И очень, очень грустно сидеть там на ветру.

Мечтаем о котлетах,

Бифштексах и омлетах,

О рюмке коньяка.

А здесь который день подряд

Едим один лишь сублимат.

Ну, а компот со спиртом бывает изредка.

Как те два генерала,

Мечтаем мы устало:

«Найти бы мужика!»

Чтоб нас кормил и грел бы

И песни громко пел бы,

И был за ишака.

В такую вот погоду

Не выпустят из дому

Хозяева собак.

Кругом от снега бело,

И все нам надоело,

Зачем мы премся в тундру, ну, не понять никак.

А где-то там на свете

Живут мужья и дети

Чужие и свои.

И ждут, когда вернутся

Подруги их заблудшие

Из снега и зимы.

И мочи больше нету

Тащить поклажу эту.

Скорее бы домой.

В Москве цветут бульвары,

А нам удел – кошмары,

И вовсе здесь не пахнет пока еще весной.

Вот если мы вернемся,

То дружно поклянемся,

Что в тундру ни ногой.

Но чтоб ни говорили,

Мы все же покорили

И горы, и каньоны хребта Пай-Хой.

Подкрепившись поэзией, мы ложимся спать с боевым настроением.

9 мая: Галина Рожальская.

Сегодня День Победы. И тундра в честь праздника подарила нам солнечный день. После вчерашней метели с мокрым снегом у нас все мокрое. Мокрые спальные мешки, ботинки, пуховики и рукавицы. Как проснулись, все что можно, вывесили сушить на солнце. А ночью очень многое сушили на себе.

Готовим новые маски для лица. Яркое солнце. Можно сгореть. Марина бежит в пуховике с голыми ногами. После голоса Шацкой: «Подъем», - раздаётся голос врача – Ангелины: «Девочки, пульс!». А потом начинают все лечиться. Кто мажет свои лихорадки, кто обрабатывает потертости на ногах. Потрескались губы, лица у некоторых отеки. И хотя все нелегко, настроение отличное, никто не ноет.

Кажется, что все время идем в гору. Тягуны бывают длиной в 2 км. Тундра как застывшее море. Холмы – точная форма огромных волн. Шацкая с Томашевской разделись основательно. Солнышко греет. Мороз –6°. Многие сняли рукавицы – пусть загорят руки, но уже через переход все оделись. Мороз чувствуется.

После перекуса увидели в дымке вершину. Думаем, что это самая высокая вершина Пай-Хоя – гора Море-из. Прошли еще четыре перехода, хотели больше, но решили: на сегодня хватит!

10–11 мая: Валентина Шацкая.

Ну, и денек. Белая мгла. Когда вышли, то еще более-менее ничего было: низовая метель, но солнце было. Ветер сильный, 15 м/сек. Ну, хоть по тени можно было держать курс. Видимость ограниченная. Однако ко второй половине дня все небо закрыли облака, и где верх, где низ – не понять. Глазу абсолютно не за что зацепиться. Держать направление тяжело. Сняла очки (глупость, конечно, поскольку от этого виднее не стало, а темные очки хотя бы немного дымку снимают), в результате прихватило снова глаза. Видимость еще больше ухудшилась. Сплошное молоко. Ветер около трех часов пополудни было утих, а потом снова поднялся. И опять вечером палатки (особенно техническую, уж больно она легкая) с трудом ставили. А сейчас (к 10 вечера) ветер вообще рассвирепел. Палатка жилая того и гляди взлетит.

Днем у меня снова ломались нарты. Кое-как их укрепила, но, видимо, ненадолго. Покривились окончательно швеллера, надо их менять. Девчонки меня разгрузили теперь уж основательно. Ту самую давешнюю гору, конечно, не видели. Да и не мудрено. Друг друга еле видели. Целый день спускались и мало поднимались. Было ощущение, что после 3-х часов вышли на какое-то понижающее плато, но ничего определенного сказать нельзя, видимость не более 300 метров.

В 19.00, когда вставали на ночевку, температура была -4° , а сейчас, в 22.00, уже $-2,5^{\circ}$. Плохо. Да и ветер вроде бы поменялся, не помяло бы чего. Пулей с улицы в палатку убралась. А надо бы, чтобы погода хотя бы на день установилась. Надо точно сориентироваться и знать, когда поднажать. Ведь часть народа спешит на работу. Всякие рывки, особенно в непогоду, позволительны, если заканчиваются теплой ночевкой, прочным жильем.

Вот теперь стало ясно, что ветер поменялся на обратный, стал западным. Прямо в дверь ломится со страшной силой. Плохо. Не пришлось бы завтра сидеть на месте.

11-12 мая: Валентина Шацкая.

Да, погода очень интересная. Только два дня назад рассказывала, что в тундре зимой может пойти дождь, а потом мороз врезать. Накаркала. Аккурат сегодня вся эта теория была наглядно продемонстрирована. Ночью пошел дождь. Пострадал, кроме повешенных на сушку вещей, несущий шест. Верхняя его половина (в отличие от нижней – очень тонкая) изгибалась под водой и ветром как тростиночка. В другой раз надо верхнюю дубинку помощнее брать. Укрепили стойку лыжей. Некоторое время было хорошо, но потом более сильный порыв ветра стал крушить и лыжу. Дополнили всю систему стойками от антенны.

В течение ночи, а затем и дня, все, кто выскакивал из палатки, следили за температурой. Она, к счастью, постепенно понижалась. У нас, естественно, полудневка. Вечером в 21.30 вышли. Стояли мы как раз перед горой Море-из. Километрах в 5-10. Красиво смотрится. Отсюда также хорошо видна гора Тверепэ.

Сейчас в вечернем свете она смотрится каким-то синим призраком. Кстати, издали обе горы выглядят совершенно одинаково.

Итак, мы на верном пути. Через два перехода оказались у левого подножья горы. Погода к этому времени успела опять испортиться. Видимость не более 100 м.

Идти на вершину в такую погоду могут либо все (сложного-то ничего нет – «ишачка» вверх и только), либо никто. А ситуация испортилась здорово. Падает

снег, ветрище, видимость все хуже. С точки зрения здравомыслящего руководителя даже предлагать лезть вверх было бы глупо. Часть народа была настроена

отрицательно, что вполне разумно. Но даже и при одном отрицательном ответе я бы отказалась от этой затеи. Вот тут я и пожалела, что меня в этот раз сделали руководителем похода, а потому не могу позволить себе авантюристических выходов. Что называется, положение обязывает. Да и то верно, лезть-то надо не ради самой горки (половина команды очень грамотные альпинисты – и не такое видавали), а дабы с нее увидеть что-то значимое и красивое. А тут едва последнего участника видишь. Пошли вниз.

Тундра слабо всхолмленная, но верхушки холмов свободны от снега (в результате действия ветров, а не весеннего солнца), и потому стараемся идти по долинам ручьев, а не по верхам, где нарты скрежещут по камням и мхам и очень тяжело их тащить.

К утру температура стала падать. Видимость улучшилась. Идем вообще-то хорошо. У нас почему-то в пургу или ночью лучше идет. Утро было очень красивое, розовое. Встали на ночевку возле горы Черной. Здесь установлена бочка и видны следы вездеходов.

12-13 мая: Валентина Кузнецова.

Вышли в 23.00. Настроение у всех на выход к Амдерме. И, видимо, Боги тундры решили подарить нам красивую прощальную ночь. Она была освещена такой палитрой красок – розовым, синим, желтым, голубым и еще совсем неизвестными цветовыми оттенками. А вокруг тишина.

До чего же много в нашей жизни соблазнов. Ведь была же уверена, что идем точно, азимут правильный и что часа через четыре увидим Амдерму. Но вот же! Вот попадается вездеходный след, который идет поперек нашего пути (полагаю, что след вел на оз. Бол. Тоинто и делает крюк, а нам это ни к чему). Возникает желание идти по следу. Первому следу техники за весь переход. Наверняка, ведущему к людям. Но сдерживаем эмоции и идем своим азимутом.

Потом блеснул океан, и нас так тянет к нему, к берегу. Вроде бы надежнее держаться береговой линии, но это удлиняет путь, а уже сегодня кое-кто, между прочим, должен приступить к работе. Затем попадается река, течет на север. Ангелина заявляет, что это и есть р. Амдерма и надо идти вдоль нее.

И вот в награду ровно через четыре часа после выхода мы видим поселок Амдерму (перевод названия – «лежка», когда-то здесь была богатая лежка нерпы). Общее

ликование. Настроение у всех стало еще лучше, когда подкрепились едой, и дальше будро двинулись на штурм Амдермы. Я подумала, наконец скоро будем в Амдерме!

Весь поход берегли лица от солнца. Старательно прикрывали их тряпочками, масочками, а тут, увидев издали Амдерму, застеснялись своего облика, побоялись, чтобы не сказало местное население: «Что же это, девушки, на вас лица-то нет?» — поснимали свои маски, навели красоту. Хотя под палящим солнцем предстояло идти еще несколько часов. В результате приобрели лица, соперничающие по цвету с лицами краснокожих индейцев или сталеваров, распухшие сожженные носы и слезящиеся глаза. Как бы сказал ослик Иа-иа из сказок про Винни-Пуха: «Душераздирающее зрелище. Вот как это называется. Душераздирающее зрелище».

Прошел уже час-другой-третий, как мы увидели Амдерму, но ближе она, кажется, не стала. Темп снизился, груз как будто свинцом налился. Никогда прежде мы так тяжело не шли, как сегодня. А последние 3-4 км от передающей РМЦ до желтого домика аэропорта мы прошли очень тяжело, как каторжники в кандалах. Но все имеет конец.

После того как мы впервые издали увидели Амдерму, до финиша в поселке прошли сутки, и вместо 5 км оказалось 25 км. Вот что значит – чистый, скрадывающий расстояние воздух!

И вот мы уже сидим в буфете аэропорта. На столе остатки наших перекусов, купленные только что свежие булки (наконец-то не галеты и сухари) и «Шампанское».

Усталость, мороз и солнце сделали свое расслабляющее действие. Как-то не верится, что через несколько часов Москва, где бульвары зеленеют, а тут из окна аэропорта отчетливо видны ледяные торосы Ледовитого океана. Ловлю себя на том, что очень жаль покидать тундру, Мы пришли ей по душе, а она нам!

Подходит пограничник. Возвращает нам документы. Он помнит Шацкую – задерживал ее как нарушителя (она одна ходила по тундре) и был тогда сердит по случаю отсутствия у Вали пропуска в погранзону, а теперь доволен: вся документация у нас в порядке. Желает счастливого пути и новых встреч.

В самолете нам отводят отдельный салон, где находились еще бортпроводники (девушка и два парня). Наша команда несколько удивила стюардов, и благодаря этому мы снискали их расположение, они активно угощают нас всевозможными напитками, бутербродами. От еды мы отказываемся, а напитками усиленно наедаемся упущенное: счастливы наконец-то вместо снеговой бессолевой воды вдоволь попить минеральных вод, соков, компотов. Одновременно поем про тундру,

к которой «согласны навечно, как герои сказок, придти». Под крылом проплывают последние снега – и вот уже зелень Подмосковья. Поход действительно окончен!

Как только все тревожения, связанные с возвращением в родные пенаты, остались позади (кое-кто ведь все-таки немного опоздал на работу), «девушки из тундры» проанализировали свой первый полярный опыт. Вопросов скопилось много, и стали сразу строить планы подготовки к следующим маршрутам: что делать со снаряжением, связью, какие коррекции нужны в режим питания, что предусмотреть для лучшей адаптации к погодным условиям. Подвели итоги проведенным врачами команды исследованиям, их результаты были отправлены в Институт медико-биологических проблем.

Не забыли выделить и собственные достоинства – в меру самокритично и с долей юмора.

Отметили прежде всего общее хорошее настроение, внимание друг к другу, отсутствие нытья, неплохой темп при прохождении маршрута, опять же способность шутить, находить выход в любых нештатных ситуациях. Вероятно, всех объединяла и давала определенный психологический настрой сама коллективно поставленная цель: успешно, безаварийно пройти намеченный путь; но при этом, конечно, не последнюю роль играли и личные качества участниц. Ну, и очевиден сам факт: как говорят бывалые путешественники, если число участников до начала похода остается равно числу участников после его завершения, то поход прошел успешно.

Восточное побережье Таймыра – Мыс Челюскин

Вторая полярная экспедиция в 1975 году проходила примерно в те же сроки, если иметь в виду время года, но была в два раза длиннее по календарным дням и почти в два раза – по расстоянию. На этот раз семь «метелиц» в отсутствие своего капитана шли 540-километровый путь по восточному побережью полуострова Таймыр. Маршрут был посвящен Международному году женщины. Поэтому для похода взяли самый «женский» участок Арктики, простирающийся от бухты Марии Прончищевой (море Лаптевых), минуя мыс Восьмого марта и залив Терезы Клавенес, до мыса Челюскина.

30 апреля прилетели в Хатангу. Причем перед этим сделали посадку (не по своей воле, конечно) в Амдерме, где команда завершала предыдущий пионерный вояж в Заполярье. Там все тот же пограничник, увидев в очередной раз Валентину Шацкую, заявил: "Ну, что, опять вас проверять? Сколько можно!" Видимо, и новичков "Метелицы" Ирину Соловьеву и Римму Диденко он зачел за «своих». Это

кроме двух Татьян – Кузнецовой и Ревтовой, Галины Рожальской, Светланы Цветковой. А они вышли из аэропорта, посмотрели на знакомые места. Обнаружили, что аэропортовские стены теперь не желтые, как год назад, а розовые, но все равно от них потянуло чем-то родным.

Через два часа сорок минут, оказавшись в Хатанге, о ностальгии тут же забыли. Их как обухом по голове: за спецрейс к месту старта надо дополнительно платить 970 рублей! Немалые по тем временам деньги. И такие траты не по карману «гуляющим отпуск» на морском побережье Заполярья простым советским женщинам. Но не лететь же обратно! Помог случай, точнее – первомайский праздник. На городской демонстрации познакомились с местными партийными секретарями, и с их помощью были в конце концов доставлены к бухте Марии Прончищевой в море Лаптевых.

Дальше уже все шло в основном по плану, переход за переходом. Из разных рабочих записей, когда их сегодня перечитываешь, складывается ставшая потом достаточно привычной картина: жесткий распорядок дня, нелегкое для связи с Большой землей эфирное время, постоянное преодоление всяких технических сложностей со снаряжением, в том числе лыжами и нартами (а то и борьба с последствиями их поломок). Значительно увереннее по сравнению с предыдущим маршрутом чувствуют себя теперь женщины в мужском в общем-то деле: при починке механизмов, деталей, комплектowaniu грузов и т.п. Для большинства участниц похода проще оказываются и многие оперативные, требующиеся на ходу решения, выбор которых есть с чем сопоставлять, ища оптимальные рабочие алгоритмы («мы все-таки еще и инженеры»). Опыт накапливается не только количественно, он еще и становится разнообразнее, адаптируется и систематизируется памятью и сознанием.

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

1 мая мы были на центральной площади города Хатанги, представляя собой самое яркое красочное пятно. Митинг, демонстрация – все прошло вполне радостно. А потом все упорно трудились – упаковка продуктов, подгонка одежды, лыж и нарт. Шутки, рассказы... Новый мир, и я ищу в нем хорошие стороны. Очень ответственно отношусь к своему снаряжению, пришиваю завязки, пуговицы, резиночки и т.д. Это парашют приучил меня к тому, что мелочей в снаряжении не бывает.

2 мая сделали тренировочный выход на лыжах, попробовали сани, поставили палатку. Лыжи туристские «Бескид» – тяжелые, с полужесткими креплениями. После привычных гоночных (а я в эту зиму ответственно много ходила на лыжах, готовилась) такое впечатление, что на ходу кто-то все время «хватает за пятки». Ну,

а палатка у нас – яркая и красочная – результат великого труда всей «Метелицы» (самишили).

3 мая – активное утро. Мы готовы. Все рвутся вперед... Но отлет нам отложили еще на сутки. Зато попали в гости к Антонине Шадричевой (инструктору райкома партии) на уху из нельмы! Простая, деловая, очень энергичная женщина. С тех пор мы с ней дружны. Много общались позднее на Диксоне, где она десять лет была председателем райисполкома, и Тоня даже прошла с нами часть маршрута по ЗФИ. Кстати, она представляет собой редкое явление в жизни: Женщина-Охотник.

Поговорили о нашем маршруте, магнитном склонении (мы же идем по компасу). Ее муж – естественно, тоже охотник – настроил нас на стопроцентную вероятность встречи с медведем...

Ночью звонок о раннем отлете – и через три часа мы на полярной станции в бухте Марии Прончищевой. (Географические названия давались даже в честь женщин – жен великих полярных первопроходцев). На станции всего пять человек, из них две женщины – метеоролог и повар (на Севере часто зимуют семьями). Здесь большой теплый добротный дом, оборудованная кухня, много книг.

На лыжную встали в ночь на 5 мая. Расчет был на ночные переходы: днем теплее спать в палатке, а ночью в пути не такое яркое солнце, не так обгорим.

Все начиналось хорошо, нас провожали и хозяева, и собаки. Настроение приподнятое... А потом пошло – сани переворачиваются, рвутся капроновые ленты – «постромки», а тут еще сломалась лыжа у меня на санях... Остановка на два часа, починка. Замерзли. Под утро встаем на «холодную ночевку», на улице – 19°, ветерок 8-9 метров. Солнца нет. Холодно. Поставили палатку, расположились. Спать в четырехместном мешке тесно, но на удивление хорошо, и даже ноги потом согрелись...

Группу вела Валентина Шацкая – опытный турист, очень самобытный человек. А в руководстве (поскольку Валентина Кузнецова не смогла пойти) был триумvirат: вместе с Шацкой – это Галина Рожальская и Светлана Цветкова.

Мне удалось тогда много пообщаться с Галей Рожальской, и это я ценю. «Снежный барс», она много рассказывала о горах, экспедициях, дружбе, трудностях и радостях альпинизма.

В целом компания была вполне душевная: жили дружно, поддерживали друг друга в трудностях, пели песни под гитару радиста Тани Ревтовой, радовались солнышку.

Жили на туристский лад: ограничение еды из-за экономии общего веса (не то, что впроголодь, но лишнего сухарика на «перекус» не было), шли четко по 10 переходов (50 минут идем, 10 – отдыхаем). Но шли, на мой взгляд, медленно, можно было уложиться и в 8 часов ходьбы.

Еще где-то в начале пути вышли к избе охотника. Назвался он Виктором Яковлевичем Чубко, отстрелом и ловлей зверей занимается профессионально. Ставит много капканов. Он встретил нас чаем. А в избе тепло, все под рукой, удобно и уютно. И дядечка интересный, рассказывал о себе: как он охотится на песцов, а потом по договоренности к нему АН-2 должен был прилететь и забрать его. Такая жизнь ему нравится.

Валя Шацкая тоже мечтает о такой... Сидели в гостях у охотника, разморило нас. Планировали идти к его следующей избе, в 18-20 км оттуда. А идти в мороз не хочется. На морозе и не чувствуешь, что теряешь, борешься с ним, да и все. Но идти надо...

Идем по льду. Наст хороший, твердый. А красота! Слева горы – берег, земля. Справа – солнце. Голубое небо, кругом белое безмолвие, торосы... Море Лаптевых (название-то какое!).

И к избе таки вышли. Последние наши силы съела гора, на которой стоит изба. Натопили печь, наелись и улеглись... И спали, и спали... Проснулись – яркое солнце. И не сразу поняли, что уже утро (а должны были ночь идти), проспали радиосеанс, проспали 16 часов, только по солнцу сориентировались, сколько же времени. Вот, он дефицит тепла и сна!

... Идем. Погода разнообразна, путь наш тоже. Идем все-таки медленно, не используем инерцию санок. И все дергаем их, дергаем на каждом шагу (недаром талия уменьшается «на глазах»).

Проходим мимо мыса 8 Марта. Решили без санок налегке сбегать на вершинку. И это оказалось очень жизнерадостное мероприятие: оставили там «гурий» из камней,

лыжной палки и флажка из чехла парашюта; капсулу с запиской о «Метелице». Пока фотографировались, я случайно достала из рюкзака платочек с духами «Clima»

(был там у меня такой заветный пакетик) и неожиданно поднесла его к лицу Гали Рожальской. Какова ж была ее реакция?! Она вдруг закрыла глаза и покачнулась – говорит, что мгновенно представила себя в платице и туфельках (вот вам и «чувствительная ткань» образа – духи, одежда, лето!).

Долго шли к полярной станции на о.Андрея. Издалека увидели антенну или маяк, но шли к нему целый день. А там нас, оказывается, давно ждали. Еще 10 дней назад из «Проньки» (станция Марии Прончишевой) сообщили, что к ним «Метелица метет»... И вот спим в тепле и уюте, а на улице ветер до 15 м/с, так удачно переждали непогоду. Накормили нас настоящим обедом – украинским борщом, да с хлебом (мы живем на сухарях). И в дорогу по куску хлеба на перекус взяли за пазуху.

...Плохая видимость! Сплошное «молоко»! Нет ни ориентиров, ни горизонта. Бедная Валентина! Видимость 50 метров, каждые 10 минут она смотрит на компас, а сзади мне видно, что группа постоянно подворачивает вправо. Я вызвалась пойти впереди, мне не нужны никакие ориентиры, мне нужен лишь ветерок. А постоянное направление относительно ветра я могу держать четко, даже с закрытыми глазами (это от парашюта). Для меня сложно было держать скорость, все время кажется, что идешь медленно. Но часа два, пока не развиднелось, я была лидером (!).

Идем в направлении островов Вилькицкого, прошли залив, названный по имени хранительницы «Фрама» Нансена – Терезы Клавенес. Дали салют в ее честь. Наша цель – попасть на о.Самуила, на мыс Юрия Гагарина. Прошли мыс «Комсомольской правды», там когда-то была станция, много домов в развале и заносе. Оставили здесь газету «Комсомольская правда» (ей исполнилось 50 лет) и записку. Дней за десять до нас здесь прошли ребята из Томска.

Через переход прибыли на мыс Гагарина. Очень красивое достойное место. Из истории известно, что знаменитый полярный исследователь А.Ф.Трешников с экспедицией оказался здесь в день полета Гагарина и его именем назвал скалистый мыс.

Если представить его летом, а рядом суровые волны океана, создается мужественный образ, созвучный с Первым Полетом в Космос. Мы ставим здесь памятный тур с портретом Ю.Гагарина (взятым из старого журнала на полярной станции о.Андрея), гильзой от большого патрона наверху, как ракетой, а в камнях зарываем банку и в ней фотографию советско-американского экипажа – ЭПАС в дар «Первому гражданину планеты Земля». Даем салют и даже зажигаем факел. Фотографируемся. Собираем на память красивые камни.

Заходя на острова, мы отклонились вправо вглубь моря, а там уже темный горизонт – признак открытой воды, и, стало быть, медведей (!?). Возможность такой встречи нас постоянно держит в напряжении. Есть у нас ракетницы, есть ружье. Стрелять в случае чего смогу, а буду ли и куда (?)... Только вверх...

Двигаемся по острову и никак не можем спуститься на лед к морю – сплошное торошение. Делаем несколько попыток... Тогда Валентина, покопавшись в карманах своей выдавшей виды штормовки, достает 20 копеек, бросает в торосы с обращением к Тундровому, вроде того, что отвязись от нас... Вскоре и выход нашелся (!).

Наш путь все время проходит по историческим местам. Мы знали, что где-то на подходах к Челюскину километрах в 10-12 стоит изба Папанина, в которой Иван Дмитриевич когда-то зимовал. Конечно, решили посетить такое памятное место.

Проходим мимо какого-то острова – скалистый, красивый. Шацкая останавливается сфотографировать его на фоне светлой полосы горизонта. На острове стоит геодезический знак, и вдруг мы видим около него... медведя. И хотя до острова было не меньше километра, наша скорость резко увеличилась. Потом пытались ее оценить, оказалось, что можем-таки ходить быстро.

...Попали в полную невидимость, небо затянуто тучами. И была великолепная картина: солнце сзади в окошечко между туч выхватывало из темной синевы льда отдельные кадры – торосы, берег – и показывало нам, как в кино. Очень динамичная и незабываемая картина! И настроение хорошее. Только мы уже на ходу 10...11...12 часов. Встали и гадаем, где же знаменитая изба? И поняли, что проскочили ее. Решили оставить на снегу растянутую палатку (для ориентира), сани, рюкзаки и налегке «сбегать» к избе.

И все-таки мы ее нашли. Небольшой сарайчик снаружи, а внутри, как купе вагона. Лежанка, маленький столик, печка, запас продуктов. Все под рукой. Журнал посетителей, где мы, конечно же, оставили запись о «Метелице».

Спустя 4 часа вернулись к палатке. Нашли! Боялись, что промахнем место своей стоянки. Сделали кофе. Пока вода кипела, вздремнули.

Через пару часов отдыха мы вышли в путь курсом на Челюскин. Сделали четыре перехода, в целом на ногах мы уже более суток. Где-то в 4 часа ночи пришли-таки на Челюскин. Расположились в столовой в конце коридора, напились чаю с настоящим хлебом и маслом. И спали... спали мы долго, наверно, двое суток, просыпаясь ночью, чтобы поесть (наше активное время суток в течение трех недель). Познакомились со станцией, особенно нас поразила теплица с зелеными огурцами. А еще то, что там объявляют по ГГС (громкой связи), когда в поселок заходит медведь. Послали телеграммы близким, что маршрут окончен.

Итого мы прошли более пятисот километров. В относительно сложных погодных условиях (мороз, ветер, солнышка было немного) преодолели все трудности

маршрута и могли с легким сердцем возвращаться в Москву.

Помню, как летели домой. Из окна самолета видна граница снега – четкая линия между белым и темным на земле. Посадка в Сыктывкаре. Мы все еще в пуховках, а там дождь и зеленые листики на кустах. Мы совершенно ошалели от весны, даже жевали эту зелень. Такое счастье! Такой душевный подъем!.. Трудности, холод, усталость забываются, а их преодоление оставляет радость и гордость.

Мыс Челюскин – Северная Земля

В экспедиции на Северную Землю весной 1976 года участвовали Валентина Шацкая, Римма Диденко, Татьяна Ревтова, Галина Рожальская, Александра Рогова и Марина Томашевская. Новичок команды Рогова была определена капитаном команды В.Кузнецовой, готовившей группу в Москве, врачом экспедиции, а спортивное звание у нее – кандидат в мастера по горному туризму. Томашевская же, ходившая уже два года назад с командой в Амдерму, получила в нагрузку задание вести хозяйство команды.

Обстоятельства сложились так, что не смогли пойти в экспедицию ни капитан «Метелицы» (она как работник Спорткомитета СССР занималась подготовкой к летним олимпийским играм), ни «штатные» врачи команды. Бросили клич по всему Союзу по поводу доктора с опытом экспедиционной работы. И тут же звонок с Алтая от Шуры Роговой. Вскоре встречали ее в Москве, и она включилась сразу же в наши дела. Но случился курьез, причем в самый последний момент.

Все на старте. У каждой участницы с собой внушительные нарты. И вдруг буквально за три минуты до выхода Шура на полном серьезе спрашивает:

– А где собаки? Ведь эти нарты для них!

Дружный смех, который раздался в ответ, легко вспоминается и спустя столько лет.

Весь состав «Метелицы» на Северной Земле по традиции вел дневник. По сделанным записям вполне komponуется достаточно полный коллективный рассказ о буднях экспедиции.

16 мая. День первый: Римма Диденко.

Наконец-то выступаем. Старт около гурия Амундсена, памятника Челюскину. Все население маленького поселка на краю нашей земли вышло провожать нас. В небо

взлетают ракеты. Как-то не верится, что позади восемь дней волнений, страхов. Будет ли самолет? Какая будет погода?

Позади встречи на Диксоне, в Норильске. Но вот и мыс Челюскин остался позади...

Ступаем на лед пролива Вилькицкого. Проходим открытую, гладкую, с небольшими застругами полосу. Торосы. Идти среди них тяжело, но чувствуешь себя как в какой-то сказочной ледяной стране. Нас обступают синие, зеленые высотой до пяти метров глыбы самой причудливой формы. Чуть заглядишься, чуть неверное движение, и нарты переворачиваются. Их непросто поднимать, нужно ставить на лыжи и подтягивать руками. От напряжения обламываются ногти. Часто останавливаемся – то подгоняем крепления, то поправляем санки. Все-таки первый день! Вид у нас не ахти какой изящный. Рюкзаки за плечами, на поясах тянем за собой санки – мы их называем нартами – с грузом в 35-40 килограммов.

Минуло три часа, а пройдено не больше двух километров. 50 минут идем, 10 – отдыхаем. Наконец-то торосы кончились. Небольшой ровный отрезок, но температура – ноль градусов, и нарты не сдвинуть: снег рыхлый, мокрый. Использую любую возможность, чтобы отснять величие льда, снега, эти «рощи» разноцветных торосов.

Пролив Вилькицкого прошли до нас всего две мужские группы, а в 1970 году наш штурман Валя Шацкая с Геннадием Старобыкиным из Норильска пронесли через пролив бюст Ленина и установили его в честь столетия со дня рождения Владимира Ильича в бухте Солнечной. Сейчас Валя вновь ведет нас через пролив и вспоминает:

«Тогда торосы были меньше. Этот крошечный ад, через который мы сейчас пробираемся, специально создан для женской группы, чтобы испытать нас на прочность». И мы настойчиво пробивались вперед, отвоевая каждый километр.

Вот уже семь часов как в пути. Идем ночами, днем спим. Так удобнее. Днем в палатке температура на несколько градусов выше. К тому же ночью можно хоть ненадолго снять солнечные очки, да и скольжение лучше.

17 мая. День второй: Галина Рожальская.

Снова в путь. Торосы, торосы, причудливые ледяные замки. Красиво, но идти трудно. Скорость 2-3 километра в час. Зигзаги и развороты – похлестче, чем в фигурном катании. Персиковый сок, выданный Мариной, кажется божьим даром. И снова торосы. Рассеянный свет скрывает светотени, и трудно оценить крутизну рельефа – где яма, а где бугорок? Чуть зайдешь за торос, и начинается игра с

нартами – кто кого перетянет?

Только успели позавтракать, как раздался гул мотора. Вертолет! Пролетел над нами. Через два часа – снова вертолет. Летит назад. Сбросил нам вымпел – обломок лыжной палки с флажком и гильзой от патрона. В ней записка: «Дорогая «Метелица». Пограничники арктической границы гордятся вашим мужеством... С искренним приветом Головкин, Устинов, Лява, Майоров».

И еще: «Дорогие девушки! С нетерпением ждем вас в бухте Солнечной. Банька готова. С большим приветом, Верещагин».

Было очень радостно, будто силы удесятились. Ложимся спать. Завтра мы должны быть в Солнечной. Как приятно получить весточку здесь среди этих причудливых торосов, вдали от дома, в царстве белых медведей!

10–11 мая: Валентина Шацкая.

Ну, и денек. Белая мгла. Когда вышли, то еще более-менее ничего было: низовая метель, но солнце было. Ветер сильный, 15 м/сек. Ну, хоть по тени можно было держать курс. Видимость ограниченная. Однако ко второй половине дня все небо закрыли облака, и где верх, где низ – не понять. Глазу абсолютно не за что зацепиться. Держать направление тяжело. Сняла очки (глупость, конечно, поскольку от этого виднее не стало, а темные очки хотя бы немного дымку снимают), в результате прихватило снова глаза. Видимость еще больше ухудшилась. Сплошное молоко. Ветер около трех часов пополудни было утих, а потом снова поднялся. И опять вечером палатки (особенно техническую, уж больно она легкая) с трудом ставили. А сейчас (к 10 вечера) ветер вообще рассвирепел. Палатка жилия того и гляди взлетит.

Днем у меня снова ломались нарты. Кое-как их укрепила, но, видимо, ненадолго. Покривились окончательно швеллера, надо их менять. Девчонки меня разгрузили теперь уж основательно. Ту самую давешнюю гору, конечно, не видели. Да и не мудрено. Друг друга еле видели. Целый день спускались и мало поднимались. Было ощущение, что после 3-х часов вышли на какое-то понижающее плато, но ничего определенного сказать нельзя, видимость не более 300 метров.

В 19.00, когда вставали на ночевку, температура была -4° , а сейчас, в 22.00, уже $-2,5^{\circ}$. Плохо. Да и ветер вроде бы поменялся, не помяло бы чего. Пулей с улицы в палатку убралась. А надо бы, чтобы погода хотя бы на день установилась. Надо точно сориентироваться и знать, когда поднажать. Ведь часть народа спешит на работу. Всякие рывки, особенно в непогоду, позволительны, если заканчиваются теплой ночевкой, прочным жильем.

Вот теперь стало ясно, что ветер поменялся на обратный, стал западным. Прямо в дверь ломится со страшной силой. Плохо. Не пришлось бы завтра сидеть на месте.

11-12 мая: Валентина Шацкая.

Да, погода очень интересная. Только два дня назад рассказывала, что в тундре зимой может пойти дождь, а потом мороз врезать. Накаркала. Аккурат сегодня вся эта теория была наглядно продемонстрирована. Ночью пошел дождь. Пострадал, кроме повешенных на сушку вещей, несущий шест. Верхняя его половина (в отличие от нижней – очень тонкая) изгибалась под водой и ветром как тростиночка. В другой раз надо верхнюю дубинку помощнее брать. Укрепили стойку лыжей. Некоторое время было хорошо, но потом более сильный порыв ветра стал крушить и лыжу. Дополнили всю систему стойками от антенны.

В течение ночи, а затем и дня, все, кто выскакивал из палатки, следили за температурой. Она, к счастью, постепенно понижалась. У нас, естественно, полудневка. Вечером в 21.30 вышли. Стояли мы как раз перед горой Море-из-Километрах в 5-10. Красиво смотрится. Отсюда также хорошо видна гора Теверпэ.

Сейчас в вечернем свете она смотрится каким-то синим призраком. Кстати, издали обе горы выглядят совершенно одинаково.

Итак, мы на верном пути. Через два перехода оказались у левого подножья горы. Погода к этому времени успела опять испортиться. Видимость не более 100 м.

Идти на вершину в такую погоду могут либо все (сложного-то ничего нет – «ишачка» вверх и только), либо никто. А ситуация испортилась здорово. Падает снег, ветрище, видимость все хуже. С точки зрения здравомыслящего руководителя даже предлагать лезть вверх было бы глупо. Часть народа была настроена отрицательно, что вполне разумно. Но даже и при одном отрицательном ответе я бы отказалась от этой затеи. Вот тут я и пожалела, что меня в этот раз сделали руководителем похода, а потому не могу позволить себе авантюристических выходов. Что называется, положение обязывает. Да и то верно, лезть-то надо не ради самой горки (половина команды очень грамотные альпинисты – и не такое видавали), а дабы с нее увидеть что-то значимое и красивое. А тут едва последнего участника видишь. Пошли вниз.

Тундра слабо всхолмленная, но верхушки холмов свободны от снега (в результате действия ветров, а не весеннего солнца), и потому стараемся идти по долинам ручьев, а не по верхам, где нарты скрежещут по камням и мхам и очень тяжело их тащить.

К утру температура стала падать. Видимость улучшилась. Идем вообще-то хорошо. У нас почему-то в пургу или ночью лучше идет. Утро было очень красивое, розовое. Встали на ночевку возле горы Черной. Здесь установлена бочка и видны следы вездеходов.

12-13 мая: Валентина Кузнецова.

Вышли в 23.00. Настроение у всех на выход к Амдерме. И, видимо, Боги тундры решили подарить нам красивую прощальную ночь. Она была рассвечена такой палитрой красок – розовым, синим, желтым, голубым и еще совсем неизвестными цветовыми оттенками. А вокруг тишина.

До чего же много в нашей жизни соблазнов. Ведь была же уверена, что идем точно, азимут правильный и что часа через четыре увидим Амдерму. Но вот же! Вот попадается вездеходный след, который идет поперек нашего пути (полагаю, что след вел на оз. Бол.Тоинто и делает крюк, а нам это ни к чему). Возникает желание идти по следу. Первому следу техники за весь переход. Наверняка, ведущему к людям. Но сдерживаем эмоции и идем своим азимутом.

Потом блеснул океан, и нас так тянет к нему, к берегу. Вроде бы надежнее держаться береговой линии, но это удлиняет путь, а уже сегодня кое-кто, между прочим, должен приступить к работе. Затем попадается река, течет на север. Ангелина заявляет, что это и есть р.Амдерма и надо идти вдоль нее.

И вот в награду ровно через четыре часа после выхода мы видим поселок Амдерму (перевод названия – «лежка», когда-то здесь была богатая лежка нерпы). Общее ликование. Настроение у всех стало еще лучше, когда подкрепились едой, и дальше будто двинулись на штурм Амдермы. Я подумала, наконец скоро будем в Амдерме!

Весь поход берегли лица от солнца. Старательно прикрывали их тряпочками, масочками, а тут, увидев издали Амдерму, застеснялись своего облика, побоялись, чтобы не сказало местное население: «Что же это, девушки, на вас лица-то нет?» – поснимали свои маски, навели красоту. Хотя под палящим солнцем предстояло идти еще несколько часов. В результате приобрели лица, соперничающие по цвету с лицами краснокожих индейцев или сталеваров, распухшие сожженные носы и слезящиеся глаза. Как бы сказал ослик Иа-иа из сказок про Винни-Пуха: «Душераздирающее зрелище. Вот как это называется. Душераздирающее зрелище».

Прошел уже час-другой-третий, как мы увидели Амдерму, но ближе она, кажется, не стала. Темп снизился, груз как будто свинцом налился. Никогда прежде мы так тяжело не шли, как сегодня. А последние 3-4 км от передающей РМЦ до желтого

домика аэропорта мы прошли очень тяжело, как каторжники в кандалах. Но все имеет конец.

После того как мы впервые издалека увидели Амдерму, до финиша в поселке прошли сутки, и вместо 5 км оказалось 25 км. Вот что значит – чистый, скрадывающий расстояние воздух!

И вот мы уже сидим в буфете аэропорта. На столе остатки наших перекусов, купленные только что свежие булки (наконец-то не галеты и сухари) и «Шампанское».

Усталость, мороз и солнце сделали свое расслабляющее действие. Как-то не верится, что через несколько часов Москва, где бульвары зеленеют, а тут из окна аэропорта отчетливо видны ледяные торосы Ледовитого океана. Ловлю себя на том, что очень жаль покидать тундру, Мы пришлось ей по душе, а она нам!

Подходит пограничник. Возвращает нам документы. Он помнит Шацкую – задерживал ее как нарушителя (она одна ходила по тундре) и был тогда сердит по случаю отсутствия у Вали пропуска в погранзону, а теперь доволен: вся документация у нас в порядке. Желает счастливого пути и новых встреч.

В самолете нам отводят отдельный салон, где находились еще бортпроводники (девушка и два парня). Наша команда несколько удивила стюардов, и благодаря этому мы снискали их расположение, они активно угощают нас всевозможными напитками, бутербродами. От еды мы отказываемся, а напитками усиленно наедаемся упущенное: счастливы наконец-то вместо снеговой бессолевой воды вдоволь попить минеральных вод, соков, компотов. Одновременно поем про тундру, к которой «согласны навечно, как герои сказок, придти». Под крылом проплывают последние снега – и вот уже зелень Подмосковья. Поход действительно окончен!

Как только все тревожения, связанные с возвращением в родные пенаты, остались позади (кое-кто ведь все-таки немного опоздал на работу), «девушки из тундры» проанализировали свой первый полярный опыт. Вопросов скопилось много, и стали сразу строить планы подготовки к следующим маршрутам: что делать со снаряжением, связью, какие коррекции нужны в режим питания, что предусмотреть для лучшей адаптации к погодным условиям. Подвели итоги проведенным врачами команды исследованиям, их результаты были отправлены в Институт медико-биологических проблем.

Не забыли выделить и собственные достоинства – в меру самокритично и с долей юмора.

Отметили прежде всего общее хорошее настроение, внимание друг к другу, отсутствие нытья, неплохой темп при прохождении маршрута, опять же способность шутить, находить выход в любых нештатных ситуациях. Вероятно, всех объединяла и давала определенный психологический настрой сама коллективно поставленная цель: успешно, безаварийно пройти намеченный путь; но при этом, конечно, не последнюю роль играли и личные качества участниц. Ну, и очевиден сам факт: как говорят бывалые путешественники, если число участников до начала похода остается равно числу участников после его завершения, то поход прошел успешно.

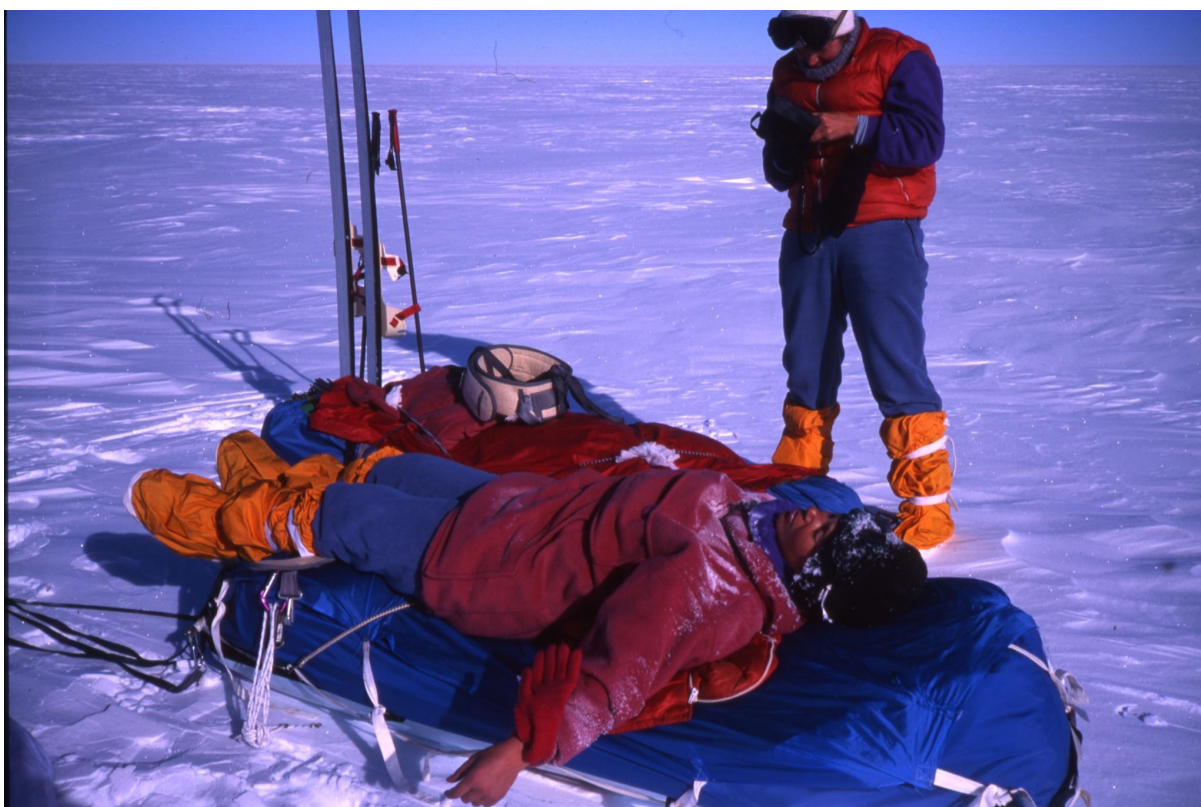

Восточное побережье Таймыра – Мыс Челюскин

Вторая полярная экспедиция в 1975 году проходила примерно в те же сроки, если иметь в виду время года, но была в два раза длиннее по календарным дням и почти в два раза – по расстоянию. На этот раз семь «метелиц» в отсутствие своего капитана шли 540-километровый путь по восточному побережью полуострова Таймыр. Маршрут был посвящен Международному году женщины. Поэтому для похода взяли самый «женский» участок Арктики, простирающийся от бухты Марии Прончищевой (море Лаптевых), минуя мыс Восьмого марта и залив Терезы Клавенес, до мыса Челюскина.

30 апреля прилетели в Хатангу. Причем перед этим сделали посадку (не по своей воле, конечно) в Амдерме, где команда завершала предыдущий пионерный вояж в Заполярье. Там все тот же пограничник, увидев в очередной раз Валентину Шацкую, заявил: "Ну, что, опять вас проверять? Сколько можно!" Видимо, и новичков "Метелицы" Ирину Соловьеву и Римму Диденко он зачел за «своих». Это кроме двух Татьян – Кузнецовой и Ревтовой, Галины Рожальской, Светланы Цветковой. А они вышли из аэропорта, посмотрели на знакомые места. Обнаружили, что аэропортовские стены теперь не желтые, как год назад, а розовые, но все равно от них потянуло чем-то родным.

Через два часа сорок минут, оказавшись в Хатанге, о ностальгии тут же забыли. Их как обухом по голове: за спецрейс к месту старта надо дополнительно платить 970 рублей! Немалые по тем временам деньги. И такие траты не по карману «гуляющим отпуск» на морском побережье Заполярья простым советским женщинам. Но не лететь же обратно! Помог случай, точнее – Первомайский праздник. На городской демонстрации познакомились с местными партийными секретарями, и с их помощью были в конце концов доставлены к бухте Марии Прончищевой в море Лаптевых.

Дальше уже все шло в основном по плану, переход за переходом. Из разных рабочих записей, когда их сегодня перечитываешь, складывается ставшая потом достаточно привычной картина: жесткий распорядок дня, нелегкое для связи с Большой землей эфирное время, постоянное преодоление всяких технических сложностей со снаряжением, в том числе лыжами и нартами (а то и борьба с последствиями их поломок). Значительно увереннее по сравнению с предыдущим маршрутом чувствуют себя теперь женщины в мужском в общем-то деле: при починке механизмов, деталей, комплектовании грузов и т.п. Для большинства участниц похода проще оказываются и многие оперативные, требующиеся на ходу решения, выбор которых есть с чем сопоставлять, ища оптимальные рабочие алгоритмы («мы все-таки еще и инженеры»). Опыт накапливается не только количественно, он еще и становится разнообразнее, адаптируется и систематизируется памятью и сознанием.

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

1 мая мы были на центральной площади города Хатанги, представляя собой самое яркое красочное пятно. Митинг, демонстрация – все прошло вполне радостно. А потом все упорно трудились – упаковка продуктов, подгонка одежды, лыж и нарт. Шутки, рассказы... Новый мир, и я ищу в нем хорошие стороны. Очень ответственно отношусь к своему снаряжению, пришиваю завязки, пуговицы, резиночки и т.д. Это парашют приучил меня к тому, что мелочей в снаряжении не бывает.

2 мая сделали тренировочный выход на лыжах, попробовали сани, поставили палатку. Лыжи туристские «Бескид» – тяжелые, с полужесткими креплениями. После привычных гоночных (а я в эту зиму ответственно много ходила на лыжах, готовилась) такое впечатление, что на ходу кто-то все время «хватает за пятки». Ну, а палатка у нас – яркая и красочная – результат великого труда всей «Метелицы» (сами шили).

3 мая – активное утро. Мы готовы. Все рвутся вперед... Но отлет нам отложили еще на сутки. Зато попали в гости к Антонине Шадричевой (инструктору райкома партии) на уху из нельмы! Простая, деловая, очень энергичная женщина. С тех пор мы с ней дружны. Много общались позднее на Диксоне, где она десять лет была председателем райисполкома, и Тоня даже прошла с нами часть маршрута по ЗФИ. Кстати, она представляет собой редкое явление в жизни: Женщина-Охотник.

Поговорили о нашем маршруте, магнитном склонении (мы же идем по компасу). Ее муж – естественно, тоже охотник – настроил нас на стопроцентную вероятность встречи с медведем...

Ночью звонок о раннем отлете – и через три часа мы на полярной станции в бухте Марии Прончищевой. (Географические названия давались даже в честь женщин – жен великих полярных первопроходцев). На станции всего пять человек, из них две женщины – метеоролог и повар (на Севере часто зимуют семьями). Здесь большой теплый добротный дом, оборудованная кухня, много книг.

На лыжню встали в ночь на 5 мая. Расчет был на ночные переходы: днем теплее спать в палатке, а ночью в пути не такое яркое солнце, не так обгорим.

Все начиналось хорошо, нас провожали и хозяева, и собаки. Настроение приподнятое... А потом пошло – сани переворачиваются, рвутся капроновые ленты – «постромки», а тут еще сломалась лыжа у меня на санях... Остановка на два часа, починка. Замерзли. Под утро встаем на «холодную ночевку», на улице – 19°, ветерок 8-9 метров. Солнца нет. Холодно. Поставили палатку, расположились.

Спать в четырехместном мешке тесно, но на удивление хорошо, и даже ноги потом согрелись...

Группу вела Валентина Шацкая– опытный турист, очень самобытный человек. А в руководстве (поскольку Валентина Кузнецова не смогла пойти) был триумвират: вместе с Шацкой – это Галина Рожальская и Светлана Цветкова.

Мне удалось тогда много пообщаться с Галей Рожальской, и это я ценю. «Снежный барс», она много рассказывала о горах, экспедициях, дружбе, трудностях и радостях альпинизма.

В целом компания была вполне душевная: жили дружно, поддерживали друг друга в трудностях, пели песни под гитару радиста Тани Ревтовой, радовались солнышку.

Жили на туристский лад: ограничение еды из-за экономии общего веса (не то, что впроголодь, но лишнего сухарика на «перекус» не было), шли четко по 10 переходов (50 минут идем, 10 – отдыхаем). Но шли, на мой взгляд, медленно, можно было уложиться и в 8 часов ходьбы.

Еще где-то в начале пути вышли к избе охотника. Назвался он Виктором Яковлевичем Чубко, отстрелом и ловлей зверей занимается профессионально. Ставит много капканов. Он встретил нас чаем. А в избе тепло, все под рукой, удобно и уютно. И дядечка интересный, рассказывал о себе: как он охотится на песцов, а потом по договоренности к нему АН-2 должен был прилететь и забрать его. Такая жизнь ему нравится.

Валя Шацкая тоже мечтает о такой... Сидели в гостях у охотника, разморило нас. Планировали идти к его следующей избе, в 18-20 км оттуда. А идти в мороз не хочется. На морозе и не чувствуешь, что теряешь, борешься с ним, да и все. Но идти надо...

Идем по льду. Наст хороший, твердый. А красота! Слева горы – берег, земля. Справа – солнце. Голубое небо, кругом белое безмолвие, торосы... Море Лаптевых (название-то какое!).

И к избе таки вышли. Последние наши силы съела гора, на которой стоит изба. Натопили печь, наелись и улеглись... И спали, и спали... Проснулись – яркое солнце. И не сразу поняли, что уже утро (а должны были ночь идти), проспали радиосеанс, проспали 16 часов, только по солнцу сориентировались, сколько же времени. Вот, он дефицит тепла и сна!

... Идем. Погода разнообразна, путь наш тоже. Идем все-таки медленно, не

используем инерцию санок. И все дергаем их, дергаем на каждом шагу (недаром талия уменьшается «на глазах»).

Проходим мимо мыса 8 Марта. Решили без санок налегке сбегать на вершинку. И это оказалось очень жизнерадостное мероприятие: оставили там «гурий» из камней, лыжной палки и флажка из чехла парашюта; капсулу с запиской о «Метелице». Пока фотографировались, я случайно достала из рюкзака платочек с духами «Clima» (был там у меня такой заветный пакетик) и неожиданно поднесла его к лицу Гали Рожальской. Какова ж была ее реакция?! Она вдруг закрыла глаза и покачнулась – говорит, что мгновенно представила себя в платице и туфельках (вот вам и «чувствительная ткань» образа – духи, одежда, лето!).

Долго шли к полярной станции на о. Андрея. Издалека увидели антенну или маяк, но шли к нему целый день. А там нас, оказывается, давно ждали. Еще 10 дней назад из «Проньки» (станция Марии Прончишевой) сообщили, что к ним «Метелица метет»... И вот спим в тепле и уюте, а на улице ветер до 15 м/с, так удачно переждали непогоду. Накормили нас настоящим обедом – украинским борщом, да с хлебом (мы живем на сухарях). И в дорогу по куску хлеба на перекус взяли за пазуху.

...Плохая видимость! Сплошное «молоко»! Нет ни ориентиров, ни горизонта. Бедная Валентина! Видимость 50 метров, каждые 10 минут она смотрит на компас, а сзади мне видно, что группа постоянно подворачивает вправо. Я вызвалась пойти впереди, мне не нужны никакие ориентиры, мне нужен лишь ветерок. А постоянное направление относительно ветра я могу держать четко, даже с закрытыми глазами (это от парашюта). Для меня сложно было держать скорость, все время кажется, что идешь медленно. Но часа два, пока не развиднелось, я была лидером (!).

Идем в направлении островов Вилькицкого, прошли залив, названный по имени хранительницы «Фрама» Нансена – Терезы Клавенес. Дали салют в ее честь. Наша цель – попасть на о. Самуила, на мыс Юрия Гагарина. Прошли мыс «Комсомольской правды», там когда-то была станция, много домов в развале и заносе. Оставили здесь газету «Комсомольская правда» (ей исполнилось 50 лет) и записку. Дней за десять до нас здесь прошли ребята из Томска.

Через переход прибыли на мыс Гагарина. Очень красивое достойное место. Из истории известно, что знаменитый полярный исследователь А.Ф.Трешников с экспедицией оказался здесь в день полета Гагарина и его именем назвал скалистый мыс.

Если представить его летом, а рядом суровые волны океана, создается мужественный образ, созвучный с Первым Полетом в Космос. Мы ставим здесь

памятный тур с портретом Ю.Гагарина (взятым из старого журнала на полярной станции о.Андрея), гильзой от большого патрона наверху, как ракетой, а в камнях зарываем банку и в ней фотографию советско-американского экипажа – ЭПАС в дар «Первому гражданину планеты Земля». Даем салют и даже зажигаем факел. Фотографируемся. Собираем на память красивые камни.

Заходя на острова, мы отклонились вправо вглубь моря, а там уже темный горизонт – признак открытой воды, и, стало быть, медведей (!?). Возможность такой встречи нас постоянно держит в напряжении. Есть у нас ракетницы, есть ружье. Стрелять в случае чего смогу, а буду ли и куда (?)... Только вверх...

Двигаемся по острову и никак не можем спуститься на лед к морю – сплошное торошение. Делаем несколько попыток... Тогда Валентина, покопавшись в карманах своей выдавшей виды штормовки, достает 20 копеек, бросает в торосы с обращением к Тундровому, вроде того, что отвяжись от нас... Вскоре и выход нашелся (!).

Наш путь все время проходит по историческим местам. Мы знали, что где-то на подходах к Челюскину километрах в 10-12 стоит изба Папанина, в которой Иван Дмитриевич когда-то зимовал. Конечно, решили посетить такое памятное место.

Проходим мимо какого-то острова – скалистый, красивый. Шацкая останавливается сфотографировать его на фоне светлой полосы горизонта. На острове стоит геодезический знак, и вдруг мы видим около него... медведя. И хотя до острова было не меньше километра, наша скорость резко увеличилась. Потом пытались ее оценить, оказалось, что можем-таки ходить быстро.

...Попали в полную невидимость, небо затянуто тучами. И была великолепная картина: солнце сзади в окошечко между туч выхватывало из темной синевы льда отдельные кадры – торосы, берег – и показывало нам, как в кино. Очень динамичная и незабываемая картина! И настроение хорошее. Только мы уже на ходу 10...11...12 часов. Встали и гадаем, где же знаменитая изба? И поняли, что проскочили ее. Решили оставить на снегу растянутую палатку (для ориентира), сани, рюкзаки и налегке «сбегать» к избе.

И все-таки мы ее нашли. Небольшой сарайчик снаружи, а внутри, как купе вагона. Лежанка, маленький столик, печка, запас продуктов. Все под рукой. Журнал посетителей, где мы, конечно же, оставили запись о «Метелице».

Спустя 4 часа вернулись к палатке. Нашли! Боялись, что промахнем место своей стоянки. Сделали кофе. Пока вода кипела, вздремнули.

Через пару часов отдыха мы вышли в путь курсом на Челюскин. Сделали четыре перехода, в целом на ногах мы уже более суток. Где-то в 4 часа ночи пришли-таки на Челюскин. Расположились в столовой в конце коридора, напились чаю с настоящим хлебом и маслом. И спали... спали мы долго, наверно, двое суток, просыпаясь ночью, чтобы поесть (наше активное время суток в течение трех недель). Познакомились со станцией, особенно нас поразила теплица с зелеными огурцами. А еще то, что там объявляют по ГГС (громкой связи), когда в поселок заходит медведь. Послали телеграммы близким, что маршрут окончен.

Итого мы прошли более пятисот километров. В относительно сложных погодных условиях (мороз, ветер, солнышка было немного) преодолели все трудности маршрута и могли с легким сердцем возвращаться в Москву.

Помню, как летели домой. Из окна самолета видна граница снега – четкая линия между белым и темным на земле. Посадка в Сыктывкаре. Мы все еще в пуховках, а там дождь и зеленые листики на кустах. Мы совершенно ошалели от весны, даже жевали эту зелень. Такое счастье! Такой душевный подъем!.. Трудности, холод, усталость забываются, а их преодоление оставляет радость и гордость.

Мыс Челюскин – Северная Земля

В экспедиции на Северную Землю весной 1976 года участвовали Валентина Шацкая, Римма Диденко, Татьяна Ревтова, Галина Рожальская, Александра Рогова и Марина Томашевская. Новичок команды Рогова была определена капитаном команды В.Кузнецовой, готовившей группу в Москве, врачом экспедиции, а спортивное звание у нее – кандидат в мастера по горному туризму. Томашевская же, ходившая уже два года назад с командой в Амдерму, получила в нагрузку задание вести хозяйство команды.

Обстоятельства сложились так, что не смогли пойти в экспедицию ни капитан «Метелицы» (она как работник Спорткомитета СССР занималась подготовкой к летним олимпийским играм), ни «штатные» врачи команды. Бросили клич по всему Союзу по поводу доктора с опытом экспедиционной работы. И тут же звонок с Алтая от Шуры Роговой. Вскоре встречали ее в Москве, и она включилась сразу же в наши дела. Но случился курьез, причем в самый последний момент.

Все на старте. У каждой участницы с собой внушительные нарты. И вдруг буквально за три минуты до выхода Шура на полном серьезе спрашивает:

– А где собаки? Ведь эти нарты для них!

Дружный смех, который раздался в ответ, легко вспоминается и спустя столько лет.

Весь состав «Метелицы» на Северной Земле по традиции вел дневник. По сделанным записям вполне komponуется достаточно полный коллективный рассказ о буднях экспедиции.

16 мая. День первый: Римма Диденко.

Наконец-то выступаем. Старт около гурия Амундсена, памятника Челюскину. Все население маленького поселка на краю нашей земли вышло провожать нас. В небо взлетают ракеты. Как-то не верится, что позади восемь дней волнений, страхов. Будет ли самолет? Какая будет погода?

Позади встречи на Диксоне, в Норильске. Но вот и мыс Челюскин остался позади...

Ступаем на лед пролива Вилькицкого. Проходим открытую, гладкую, с небольшими застругами полосу. Торосы. Идти среди них тяжело, но чувствуешь себя как в какой-то сказочной ледяной стране. Нас обступают синие, зеленые высотой до пяти метров глыбы самой причудливой формы. Чуть заглядишься, чуть неверное движение, и нарты переворачиваются. Их непросто поднимать, нужно ставить на лыжи и подтягивать руками. От напряжения обламываются ногти. Часто останавливаемся – то подгоняем крепления, то поправляем санки. Все-таки первый день! Вид у нас не ахти какой изящный. Рюкзаки за плечами, на поясах тянем за собой санки – мы их называем нартами – с грузом в 35-40 килограммов.

Минуло три часа, а пройдено не больше двух километров. 50 минут идем, 10 – отдыхаем. Наконец-то торосы кончились. Небольшой ровный отрезок, но температура – ноль градусов, и нарты не сдвинуть: снег рыхлый, мокрый. Использую любую возможность, чтобы отснять величие льда, снега, эти «рощи» разноцветных торосов.

Пролив Вилькицкого прошли до нас всего две мужские группы, а в 1970 году наш штурман Валя Шацкая с Геннадием Старобыкиным из Норильска пронесли через пролив бюст Ленина и установили его в честь столетия со дня рождения Владимира Ильича в бухте Солнечной. Сейчас Валя вновь ведет нас через пролив и вспоминает: «Тогда торосы были меньше. Этот крошечный ад, через который мы сейчас пробираемся, специально создан для женской группы, чтобы испытать нас на прочность». И мы настойчиво пробивались вперед, отвоевая каждый километр.

Вот уже семь часов как в пути. Идем ночами, днем спим. Так удобнее. Днем в палатке температура на несколько градусов выше. К тому же ночью можно хоть ненадолго снять солнечные очки, да и скольжение лучше.

17 мая. День второй: Галина Рожальская.

Снова в путь. Торосы, торосы, причудливые ледяные замки. Красиво, но идти трудно. Скорость 2-3 километра в час. Зигзаги и развороты – похлестче, чем в фигурном катании. Персиковый сок, выданный Мариной, кажется божьим даром. И снова торосы. Рассеянный свет скрывает светотени, и трудно оценить крутизну рельефа – где яма, а где бугорок? Чуть зайдешь за торос, и начинается игра с нартами – кто кого перетянет?

Только успели позавтракать, как раздался гул мотора. Вертолет! Пролетел над нами. Через два часа – снова вертолет. Летит назад. Сбросил нам вымпел – обломок лыжной палки с флажком и гильзой от патрона. В ней записка: «Дорогая «Метелица». Пограничники арктической границы гордятся вашим мужеством... С искренним приветом Головкин, Устинов, Лява, Майоров».

И еще: «Дорогие девушки! С нетерпением ждем вас в бухте Солнечной. Банька готова. С большим приветом, Верещагин».

Было очень радостно, будто силы удесятились. Ложимся спать. Завтра мы должны быть в Солнечной. Как приятно получить весточку здесь среди этих причудливых торосов, вдали от дома, в царстве белых медведей!

18 мая: Валентина Шацкая.

Сегодня надо быть в Солнечной. А впереди еще столько километров! Немного прошли и опять уперлись в торосы высотой до пяти метров – вот где пригодилась альпинистская выучка. Любуемся ледяной феерией, но не забываем, что из-за любого тороса может появиться хозяин Арктики.

Кажется, что попали в замкнутое пространство. Ищем выход из этой ловушки. Девушки разбрелись среди торосов и перекликаются. Римма бежит с фотоаппаратом, заряженным цветной пленкой, и сетует, что такая синь может и не получиться. Но вот нашли обход, и снова в путь. Лыжи разъезжаются в стороны, очки запотевают, под маской невозможно дышать, нос постоянно мокрый. А нарты дергают и дергают за талию. Но, видимо, в благодарность за наши труды и выносливость пролив наградил нас неописуемо красивым пейзажем, поистине фантастическим. Это скрашивает нашу борьбу за каждый метр.

Уже сделано 12 переходов. Останавливаемся, тем более что подошло время выходить на связь. Решили не ложиться спать, а поев горячего супа, следовать дальше, пока не придем на полярную станцию. Таня принимает по радиации: «На

Солнечной вас ждут». Быстро собираемся, и снова в путь.

Показался след вездехода, но, увы, вскоре он повернул назад – значит, не смог пройти. Но там, где «конь железный не пройдет», «Метелица» пройдет обязательно. Ценой больших усилий, но все же движемся. Галка не заметила, как залезла на торос, и, оступившись, полетела вниз. Приземлилась удачно, но сани остались наверху.

...Свежий медвежий след. Справа – след медвежонка. Следы, следы!.. И вдруг – зеленая ракета. Значит, нас ждут. Даем ответную – красную. Рвемся вперед.

Прошел час, другой, но никак нам не приблизиться к долгожданной Солнечной. Римма даже услышала шум вездехода. Рожальская пошутила: «Баньку нам везут»...

На Солнечную мы пришли в половине первого ночи. Нас ждали. Устроились в доме полярников. Попили чаю, а там и в баньку.

У Гали Рожальской нашли здесь земляки, и пока мы совершали омовение, она устроила небольшую пресс-конференцию. Рассказала о нашей команде, о тех, кто здесь, и о тех, кто, к сожалению, не смог пойти с нами.

19 мая. День четвертый: Татьяна Ревтова.

Спать было душно. Уже привыкли к палатке. Проспали до обеда. Полярники угостили нас ухой, соленой рыбой и котлетами – Римма мечтала о них всю дорогу. Когда ее спросили: «Что же вас вело через такой трудный пролив?» – она в шутку ответила: «Запах котлет, которыми вы нас угощаете».

На станции живет пятилетний мальчишка Саша Березин. Рассуждает, как взрослый. Он подвел нас к бакам с соляжкой и сказал:

– Эти баки дают тепло. Но учтите, там много винтиков. Здесь все на винтиках. Пожалуйста, не крутите их.

Мы обещали не крутить. Потом он нам показал станцию. Со всеми познакомил. Такой серьезный мужичок-пудовичок. Все время крутился вокруг нас, все рассказывал, расспрашивал. Подошел к Тане Ревтовой, когда та возилась с рацией.

– А у тебя карта Северной Земли есть?

– Нет, она у нашего штурмана.

– Как же ты без карты на лыжах? Я тебе сейчас нарисую.

И через несколько минут вынес старательно нарисованную карту:

– Возьми, она тебе поможет.

Позже выяснилось, что такие карты он нарисовал для всех участниц экспедиции. Мы будем хранить их как драгоценный сувенир в память о маленьком заботливом северянине Саше.

К вечеру снова собрались в дорогу. Жаль расставаться с добрыми друзьями на Солнечной. Подарили им выпел с нашими автографами. Верещагин преподнес нам банку кофе.

...Выходим в ночь. Солнце все так же высоко над головой, и лишь часы показывают, что все нормальные люди сейчас спят.

Последние прощальные слова. Саша никак не хотел ложиться, не проводив нас.

На лыжах, впряженные в нарты, мы спускаемся к морю. На переходах, в минуты отдыха много говорим о том, чем привлекает Север и что здесь живут люди особого склада, особой породы. Все сходимся на том, что Север – это не только большие трудности, требующие от человека много сил, напряжения, но и радость, чувство большого удовлетворения: ты сильнее всех этих трудностей!

Здесь человек проверяется на стойкость, выдержку, дружбу. Здесь о дружбе не говорят, здесь ее высоко ценят. На Севере понятие дружбы шире, мудрее. Человек тут без поддержки других слаб. Потому и отношения на Севере складываются иные, люди здесь проще, доверчивее, цельнее.

Куда ни глянь – горы. Нет числа причудливо застывшим каменным изваяниям и лентам рек у их подножия. Все, кажется, неподвижно и мертво. После торосов тундра представляется подарком. Сани сами катят, не надо так утепляться и надевать маски, но видимости все же нет. Десятиминутный отдых, и снова в путь. И снова остановка. Нужно выходить на связь. Поставили палатку, антенну, приготовили обед. Ветер рвёт наш домик. Очень холодно. Зря, конечно, не сделали снежную стенку.

Перед сном усиленно «лечимся». Одни смазывают лица кремом, другие протирают спиртом. У многих отеки, потрескались губы. Но настроение отличное. Никто не ноет.

Готовим новые маски: солнце яркое, как бы не сгореть. Заполнили медицинские листки – и спать!

21 мая: Галина Рожальская.

Уходим в «молоко». Ветер взбесился. Леденеет лицо. На волосах – сосульки. Идем цепочкой, ориентируясь по впереди идущему. След замечает моментально. Лед тает на лице, и ледяная вода течет за воротник. Утепляемся, кто как может. Много спусков. На спусках снимаем залепленные снегом очки – ничего не видно.

Тундра, как море: холмы напоминают огромные волны.

На «десятиминутке» Шацкая напомнила, что по этому берегу прошел знаменитый исследователь Севера Николай Урванцев. Интересно, какая тогда была погода?

В прошлом году, когда мы шли по Таймыру, нам больше везло: путь был ровнее, да и ветра такого не было. Ира Соловьева даже на ходу Блока читала. А сколько стихов сочинили! Правда, и сейчас Таня Ревтова почти на каждом привале выдает стихотворные экспромты.

После нескольких переходов вышли на солнечную сторону. Останавливаемся в изумительном по красоте месте. Каньон, береговые скалы резко обрываются, блестят на солнце. Рядом птичий базар. Римма пытается сфотографировать его. Но сейчас ведь ночь, и птицы не хотят летать. Что делать – наш график расходится с птичьим!

Сварили борщ в автоклаве – самодельной скороварке. Запах восхитительный, а крышка не открывается. Видимо, давление упало, и крышка словно приварилась. А есть хочется. Шуточки, остроты. Глотаем слюни, а крышка ни с места. Валя с Мариной что-то колдуют и велят всем отойти в сторону. И вдруг крышка вместе с борщом вылетает из кастрюли. Крик ужаса: «Неужели все вылилось?!» И затем обрадовано: «Нет, кое-что осталось!»

После обеда «работаем на медицину». Заполняем тесты оценки психологического состояния, измеряем пульс и т.д. Таня играет на гитаре, сочиняет новую песню.

22 мая: Александра Рогова.

Перед стартом решили сфотографироваться на фоне птичьего базара. Римма пляшет вокруг нас с кинокамерой. Валя пытается изобразить собачий вой, чтобы поднять чаек. Увы, чайки спят. Действительно, край непуганых птиц. Римма расстраивается до слез.

Опять спуски и подъемы. Видимости никакой. Штурман в таких случаях говорит: «Не за что уцепиться» – то есть сориентироваться. Все гуще и сильнее колючий снег. Ветер становится злее.

Одолели 10 переходов. Марина перед сном выдала нам солененькой рыбки. Это премия. Сильно вымокли. С трудом ставим палатку. Она словно парус. Соорудили снежную стенку вокруг, чтоб нас не унесло вместе с палаткой. После ужина стали сушиться. Под солнцем и ветром все просыхает быстро. [Арктика](#) нам помогает.

23 мая. Восьмой день: Римма Диденко.

Спали хорошо. Тепло и спокойно. Прошли немного и уперлись в крутой затяжной подъем. Берем его штурмом, без остановки, ибо сани при задержке мгновенно тянут вниз. На пригорке останавливаемся для отдыха. Шацкая лезет в заветный мешочек. Мы все следим за ней: чем порадует? Она извлекает из мешка – о чудо! – леденцы. Радуемся как дети. Заветный мешочек – это полученные перед вылетом подарки московских друзей. Мы не знаем, что там, в мешочке. Обычно это шуточные пожелания и сласти. В те минуты, когда становится особенно тяжело, когда ноги, кажется, уже не идут дальше, заветный мешочек прибавляет силы.

Подъем кончился, но ведь, как правило, после подъема спуск. Сани обгоняют, сбивают с ног. Вместе летим кувырком. Наконец выходим на ровную площадку, похожую на пляж, где вместо золотого песка – черная и серая галька и небольшие лотки снега. Тянем сани по гальке. Ниже – терраса и снова крутой спуск. Вот это зрелище! Марина следует первой. За ней быстро спускается Шацкая, но, не удержав сани, пускает их самоходом. Они быстро летят по застругам припая и благополучно выкатываются на ровное место.

Я спускаюсь зигзагами, но не я управляю санями, а они мною. По застругам несет со страшной силой. Рывок – и лечу прямо носом и только метров через шесть останавливаюсь.

Солнце спряталось за тучи, пасмурно. Подул ветерок. Идем долго вдоль террасы. Дня через два должны подойти к Краснофлотским островам.

Вдали зашевелилась черная точка. Подходим ближе. На краю лунки – нерпа. Я сбрасываю рюкзак, отстегиваю нарты, хватаю кинокамеру – и к лунке. Но нерпа исчезла в полынье.

...Привал. Ночевка. Быстро ставим палатку и антенну. Таня греет аккумуляторы. Услышали морзянку, значит, связь есть. Ребята с Челюскина просят сообщить

координаты и самочувствие. Устали, хочется спать, но надо привести в порядок и себя свои вещи. А еще надо заполнить дневник и медицинский лист.

24 мая: Татьяна Ревтова.

На улице тепло. Собрались и быстро позавтракали. Торошение небольшое – 3 балла. Идем весело. На небе радуга. Солнце совсем не заходит за тучи. Снег блестит.

Скольжение хорошее. Вскоре увидели два огромных айсберга. Краснофлотских островов не видно, а берег острова Большевик все удаляется. Идем по проливу Шокальского. Солнышко начинает пригревать, и лыжи скользят все хуже. Опять след медведя! Уже который раз! Идем и оглядываемся по сторонам – за каким торосом он притаился?

На отдыхе Марина рисует шарж на Римму, которая просит медведя подойти поближе и позировать для кино. Я сразу же сочинила стихотворную подпись к шаржу.

С каждым переходом чувствуешь все большую усталость и смотришь не по сторонам, а под ноги и на оранжевый мешок впереди идущего. А когда уж очень тяжело, то начинаешь мечтать о чем-нибудь приятном. Как правило, о тех, кто остался дома, о том, что в Москве весна, тепло. И можно поесть не сублимированные продукты.

На отдыхе кто-нибудь вздохнет: «А в Москве сейчас дождичек теплый идет». Галя Рожальская вспоминает, как с Ириной Соловьевой в прошлом переходе по Таймыру в такие минуты они всегда говорили о своих малышах. Ирина – об Алешке и Аленке, а Галя – о внучке Оксаночке. Шацкая рассказывает о Шокальском, профессоре, который занимался проблемами освоения Северного морского пути. В честь его и назван пролив, который мы сейчас пересекаем.

...Идем плотнее. Всем хочется есть. Ждем долгожданной команды: «Привал». Такая команда последовала в 9.30 утра. Все шли и сочиняли меню. Большинство голосов решили: каша молочная геркулес. На десерт семечки.

Погода установилась. Тепло, безветренно, Галя с Мариной в купальниках позируют Римме. Девчонки моют ноги снегом. Валя Шацкая не удержалась и за палаткой устроила себе маленькую снежную баньку. В палатке по-домашнему уютно и тепло. Все спят в мешках, готовясь к завтрашнему переходу. Шурочка попросила теплой воды помыть ноги. Просьбу эту расценили как пижонство. Валя предложила помыть снегом. Скрепя сердце Шура уходит за палатку.

После снежной баньки все ожили, стали активными, шустрými.

Провожу очередной сеанс связи. Молодцы ребята с Челюскина, Володя Макаров и Миша Михаленков. Регулярно выходят на связь, а затем передают наши сообщения в Москву. На всем пути мы чувствуем их внимание и заботу. Как хорошо, что мы не одиноки в этом бескрайнем суровом краю!

25 мая: Валентина Шацкая.

На улице по-прежнему тепло.

Сборы быстрые. Завтра должны быть на Краснофлотских островах. Мы знаем, что о нас беспокоятся, и должны прийти туда в срок. Настроение хорошее, идем к теплу и людям. Еще одна нерпа играет на снегу. Римма кинулась с кинокамерой в обход лунки, но нерпа очень осторожна, и опять ничего не удалось снять.

На отдыхе между переходами чувствуешь, как ноют плечи и кисти рук. Походили босиком по снегу. Очень здорово. Сегодня переход продолжается десять часов. Идем с шуточками. Пришло, как говорят, второе дыхание. Но вот на горизонте земля. Это самый южный из Краснофлотских островов. Называется Гребень. Девочки ушли на разведку. Вернулись и решили встать на отдых. Татьяне скоро на связь.

Поели, поспали – и в путь-дорогу. У Марины болит нога. Хромает. Все ободряют ее, как могут. Идем вдоль островов. Наш путь к четвертому, где полярная станция. Между вторым и третьим островами – голубой айсберг. Снова появились торосы высотой 5-6 метров. Обходим их и все ждем, когда покажется наш долгожданный остров. Часто встречаются нерпы, но Римму с кинокамерой они чуют за версту.

Идем вдоль торосов и наконец-то видим остров, а на нем дома. Нас встречают на вездеходе. Но почему он остановился? Неужели застрял? Подходим, знакомимся.

Радист Володя Бобровский и механик Василий Павлович.

– Ну, кто кого спасать будет? – смеется Галка Рожальская. – Мы вас или вы нас?

С удовольствием грузим на вездеход нарты и налегке шагаем к станции, где нас уже ждут третий день. На станции живут всего пять человек. Кроме радиста и механика, начальник станции Людмила Николаевна Кондратьева, инженер-гидролог Михаил Аркадьевич Дранкин и повар Мария Михайловна Михалева. Она радушно

угощает нас такими вкусными булочками и пельменями, что у нас слюнки текут. Мария Михайловна, как только радист услышал наш разговор с Челюскиным, сразу же замесила тесто. И все эти дни она ждала нашего прибытия. Ждала нас и банька.

26 мая: Галина Рожальская.

Едим и спим целый день. Знакомимся с работой на станции. Здесь живут действительно мужественные люди. Изо дня в день, в любую погоду, каждые три часа они дают информацию о метеобстановке.

Мы много ходим по Северу. И самые сильные впечатления – от встреч с полярниками. Вот иные говорят: «Поехал на Север за длинным рублем». Да, кому-то вначале может показаться, что за длинным, но в конце концов дело-то, оказывается, не в деньгах. Люди любят Арктику, хотя и не говорят об этом. Делают свою работу тихо, без шума, незаметно, не кричат: вот, мол, мы какие!

27 мая: Александра Рогова

Вот и закончилась наша дневка. Отдохнули, попрощались с гостеприимными хозяевами – и снова в путь. Мария Михайловна уговаривает взять с собой массу вкусных вещей. Мы благодарим и берем только теплый каравай – от него отказаться нет сил.

Поземка слабо крутит снег, наметая его извилистыми слоями. Причудливо изогнувшийся, петляющий рисунок напоминает следы змей. От ледяного ветра захватывает дух, жжет лицо. Какая свистопляска! Неужели до самого конца маршрута Арктика будет испытывать нашу стойкость? Мокрый снег, тяжелые лыжи подлипают, идешь как на платформах толщиной сантиметров в 10-15. Движемся вдоль островов очень медленно. Прошли тринадцать километров и остановились у мыса Свердлова. Татьяне нужно выходить на связь.

Пока поели, ветер переменился, начало подмораживать, и открылся во всем блеске Университетский ледник.

Промокли, промерзли. Ставим палатку, сушимся. Таня греет на животе аккумулятор. Связь с Челюскиным регулярная, и, как выяснилось, нас слушают и на Ватутине, и на Краснофлотских островах. Таня довольна. Все передают нам приветы от коротковолновиков из разных городов страны. Сегодня, правда, слышимость не очень хорошая. Но все равно каждый сеанс связи – это тепло, родные, Москва. Где-то там далеко шагает по земле весна, расцветают сады, зеленеют леса. Здесь же природа еще охвачена зимним оцепенением. Под ногами толстый зеленый лед. Колочий ветер. Лучи солнца, с трудом пробиваясь к земле,

бессильно блуждают среди торосов.

Долго не можем уснуть. Идет дискуссия по поводу масок. Лица у нас коричневые, обветренные. Опять в Москве будут спрашивать, не на юге ли мы были. У Риммы шелушатся нос и щеки, так что проблема масок для нас очень важна. Шацкая с присущей ей мудростью предлагает пустить в ход карнавальный нос с усами. Галя Рожальская хочет испытать маски Деда Мороза, лисы, волка, медведей. Долго смеемся.

28 мая: Римма Диденко.

Подъем. Решили идти дальше. Все перепуталось, день и ночь. Забыли, когда завтрак, обед, ужин. Торопимся. Передали, что нас ждут на Ватутине и что числа третьего оттуда будет оказия – редкий самолет. А нам топать еще километров 150. Успеем ли?

Сегодня прошли километров 25. Надо поднажать! А погода не радует. Ветер пронизывает насквозь, не защитишься. Проходим Оленьи острова и останавливаемся на ночевку. У Марины болит нога, опухла, но она шутит и рисует на себя шаржи. Попили перед сном чайку. Вспоминали прежние походы. Тяжело, но никто не жалеет о том, что мы сейчас находимся в Арктике, а не дома, у телевизора. Кто-то говорит: «Туризм – лучший отдых». Дружный смех.

29 мая: Марина Томашевская.

Прошли 25 километров. По-прежнему не радует погода. Идем морем, по торосам, но в пределах видимости берега. Утешаем себя тем, что по сравнению с проливом

Вилькицкого эти торосы для нас ерунда. Мороз до 7 градусов. Валя лавирует между торосами, а мы стараемся не отстать от нашего штурмана. Идем по азимуту до мыса Зверевой. Слева под лучами солнца сверкает купол ледника Университетский. Время от времени над нами пролетают чайки. Ночуем в бухте с симпатичным названием – Удобная. Правда, восторгов по поводу удобств не испытываем.

Связываемся через ватутинцев с челюскинцами, получаем от них приветы. Вечером снова в путь.

30 мая: Галина Рожальская.

Рассчитывали встать пораньше, но не получилось. Прошли 22 километра. Каждый день собираемся сочинить водевиль. Но пока ничего не выходит. Некогда! Ночуем в

заливе Макарова.

31 мая: Александра Рогова.

Дежурная Таня тихо вылезла из мешка и ушла за снегом. Значит, скоро подъем. Залезаю в мешок поглубже – хотя бы еще минут десять поспать.

Идем быстро. Снег мягкий. Кругом белым-бело и ничего не видно. Начали сочинять попури на тему советских песен.

Прошли 32 километра. К концу перехода солнышко выглянуло из-за туч. Все заискрилось, засверкало, торосы переливаются изумрудами.

Сидим, ждем ужина. Эх, видели бы мамы, с каким наслаждением мы уплетаем геркулесовую кашу, которую дома упорно отвергаем. А пока Шацкая «травит» истории.

Смеемся до колик. Она же вылитый кот Базилио! Кожаная коричневая маска, защитные очки, правый глаз перевязан косынкой.

1 июня: Татьяна Ревтова.

Сегодня – День защиты детей. Очень тепло. У нас большой переход. Идем хорошо, лыжи скользят. Вышли к озеру, убедились, что мы действительно дошли до мыса

Кржижановского. Хорошо виден ледник. Погода солнечная, и начинается подлип. Приходится останавливаться и очищать лыжи. Идем вдоль берега.

На отдыхе отмечаем праздник. Надуваю два шарика – красный и синий. Ветер подхватывает их и уносит все дальше и дальше к белым медведям.

До Ватутина осталось километров 30. Это по прямой, а зигзагами, может, и два дня будем идти.

Стоянка. Сегодня связи нет. Марина дежурная. Что-то она подарит нам в честь праздника? Получаем по кусочку копченой рыбки. Римма напоминает Марине о заветном мешочке. Настаиваем и мы. Наконец она сжалась, извлекла пачку печенья – это Ира Соловьева передала «на черный день». А у нас сегодня светлый день – праздник. И мы с удовольствием съедаем Ирино печенье. Перечитываем ее записку: «Здравствуйте, лягушечки! (Стало быть, путешественницы.) Как идетя-можетя? Завидно ведь мне! Недлинной вам дороги!»

2 июня: Марина Томашевская.

Сегодня мы должны быть на станции Ватутина, где расположена Вторая комплексная арктическая гидрографическая экспедиция. Идем весело. Солнышко ласково светит. Ветра нет. Тепло. Раздеваемся, загораем. Прошли один переход. Опять усиливается ветер. Горы в серых, как заплатки, тучах. Переход кончился незаметно, всю дорогу болтали, сочиняли песню и вот наконец увидели землю, на ней маяк, правее домики. Шли к ним долго-долго.

На станции все спят. Встречает нас Олег Александрович Козлов, инженер-гидролог. Предложил на выбор баню или завтрак. Выбираем баню. Так как еще слишком рано, выделили нам отдельный дом на полозьях. Из бани тянется дымок. После водной процедуры сразу в столовую, стол уже накрыт. Едят девочки не спеша, удивляя полярников. Что так мало?

После сна долго приводим себя в порядок, из рюкзаков вытащили расчески, губную помаду и даже пудру. Нам же предстоит знакомство с хозяевами станции.

Оказывается, Римма Диденко некоторых полярников знает: она была здесь в 1972 году.

Взаимный обмен подарками, выпелами. Начальник экспедиции Иван Иванович Чевыкалов работает на Севере с 1939 года. Где только не побывал этот интереснейший человек! На Новой Земле. С моря Лаптевых доходил до реки Яны. На мысе Сибирском, Таймыре, Новосибирских островах, острове Врангеля. И вот уже десять лет на Северной Земле. Рассказывал он много и увлекательно. После встреч с такими людьми хочется еще не раз возвращаться в Арктику. А нас спрашивали о «Метелице», о том, где мы бывали, почему нас тянет на Север. Сколько было в этот вечер песен, воспоминаний, разговоров по душам! А затем мы выбрали из большой фильмотеки фильм «Любили ли вы?» и с удовольствием приобщились к цивилизации. Спать легли в два ночи.

3 июня: Галина Рожальская.

Снова в путь. Впереди остров Средний. Туда мы доберемся на предоставленном нам вездеходе. Выстроились для парада. Оставили на память выпел с автографами и капсулу, в которой земля с могилы Неизвестного солдата и Мамаева кургана. Вручаем ее Ивану Ивановичу. Ватутинцы тронуты нашим вниманием. Им не хочется отпускать нас. Шутят: «Среди нас есть женихи».

В небо взлетают ракеты. До скорой встречи! Обещаем вернуться к ним на будущий год. Впереди путь недолгий – 60 километров.

4 июня: Римма Диденко.

На Среднем полярники отметили наш приезд ужином. Было весело и тепло.

Ночью же на своем вездеходе нас увез на полярную станцию острова Голомянный ее начальник Лев Наумович Пеклер. Станция – три домика. Посмотрели мы их аппаратуру, отметили четкость в работе. Хорошо организованный цикл дежурств. Лев Наумович с 1948 года в Арктике. Работал на островах Визе, Ушакова, в бухте Зимовочной. На Голомянном уже 6 лет.

Здесь же произошла неожиданная и приятная встреча – с Риммой Фурсовой, радисткой, которую «Метелица» встречала в прошлом году на полярной станции.

Разговоры, воспоминания.

Вернулись на Средний. Там нас уже ждут полярники с купола ледника Вавилова. Вместе с ними побывали на острове Домашнем у памятника Георгию Алексеевичу Ушакову. Посмотрели на дом, где жили Г.Ушаков, Н.Урванцев, радист В.Ходов и охотник С.Журавлев – участники первой Североземельской экспедиции.

5 июня: Татьяна Ревтова.

С минуты на минуту ждем самолет. А пока получаем поздравительные радиogramмы из Москвы, нас горячо приветствуют шефы – редакция «Огонька». Получили поздравление от журнала «Радио». Мы не раз тепло вспоминали Бориса Степанова и Геннадия Шульгина из лаборатории этого журнала – создателей радиостанции «Радио-76», которой команда пользовалась в дни экспедиции. Спасибо вам! Станция не подвела.

На прощание торжественно вручаем представителям купола Вавилова наш подарок: красивый носовой платочек с розочками и нашими автографами. Сделали дарственную надпись, освежили платочек духами. Пора выходить. Погружаем вещи в машину. Скоро самолет – и прощай, Северная Земля!

Я спокойно в столице весь век свой жила

И аллеями парков довольна была,

Но однажды вдруг Север явился ко мне

Розовой чайкой во сне.

И напрасно ребята твердили о том,
Что не женское дело ходить с рюкзаком,
Север все чаще являлся ко мне
Розовой чайкой во сне.
Я ушла в Заполярье, в голубые снега,
По Быррангам ходила,
морем Лаптевых шла,
И приветствовал Север, являясь ко мне
Розовой чайкой во сне.
Нет, когда-нибудь все ж я сюда убегу,
Потому что иначе уже не могу.
Зовет к себе Север, являясь ко мне
Розовой чайкой во сне.
Стаю розовых чаек я с собой захвачу,
Привезу их в столицу и там отпущу,
Я хочу, чтобы Север не только ко мне
Чайкой являлся во сне,
Розовой чайкой во сне...
Взгляд со стороны

А.А.Шадричева, авиаинженер и начальник аэропорта мыс Челюскин, десять лет (до 1985 года) была председателем Диксонского районного исполнительного комитета:

– В Арктику влюбляются сразу и на всю жизнь. Здесь суровая, но красивая жизнь. Не успела я прибыть на остров Диксон после окончания Харьковского авиационного института, как буквально почти тут же организовала лыжный переход по Енисейскому заливу от пос. Диксон к селу Воронцово. В первой половине февраля 1963 года пять парней под моим началом прошли 300 км по снежному льду. Это был очень рискованный и отчаянный вариант. Солнце обычно в такое время только краешком показывается в тех местах на какие-то два-три часа в сутки, морозы от 30 до 45 градусов, пурга и метель. Мы прошли весь маршрут на энтузиазме, молодом упрямстве. Вера в свои силы была сильнее всего остального. В пору молодости мало еще думаешь о том, насколько опасна Арктика и как она не прощает легкомыслия и дилетантства. Позднее, спустя четыре года шестерка лыжников и я во главе с ними покорили уже 800-километровый путь от порта Дудинка до Диксона.

Словом, когда 1 мая 1975 года в Хатанге я увидела на праздничном митинге женскую команду «Метелица», то для меня не было сомнений: мы родственные души. Об отважных спортсменках до этого читала в газетах – и вот они тут, рядом. Просто чудо!

Познакомились быстро, представили команду первому секретарю райкома КПСС Зое Иннокентьевне Никулиной. С некоторым удивлением та спросила: «Женщины на лыжах одни пойдут по Арктике? Не страшно? А связь у вас есть?» Услышав успокаивающие ответы, пообещала свою помощь, если что-то понадобится. В одном действительно помочь пришлось – с самолетом для переброски к началу маршрута, которым собирались идти девушки.

Дома я угостила своих гостей «очень рыбной» ухой (то есть рыбы самых уважаемых на Севере сиговых пород положила варить по максимуму). Хватило всей команде.

Поговорили по душам о походах, полярной жизни. Мой сын-второклассник, знавший о моих лыжных походах, между делом поинтересовался: «А мою маму с собой возьмете?» (Забегая вперед, скажу сразу, что с «Метелицей» довелось мне пройти часть пути лишь один раз – в 1981 году, когда команда во главе со своим капитаном Валентиной Кузнецовой совершала очередную экспедицию на ЗФИ).

В Хатанге после ухода девушек на маршрут их еще долго вспоминали и постоянно интересовались, где они сейчас и как у них дела в походе. А дня через три-четыре любопытный эпизод произошел в райкоме на оперативке, посвященной подготовке к весенне-летней путине. Зоя Иннокентьевна дала задание группе специалистов съездить в соседний населенный пункт, чтобы решить какой-то рабочий вопрос. Но

те побоялись... из-за сильной поземки.

– Надо же, – заявила в ответ секретарь райкома, – испугались проехать 50 км на вездеходе. Берите пример с женщин. Вот «Метелица» одна идет на лыжах по Арктике, где на сотни километров нет поблизости никакого жилья. Завтра же выезжайте в совхоз!

Что оставалось пристыженным мужчинам? Видели бы вы их лица в тот момент!

За тех мужчин, конечно, стыдно, но край-то все-таки по-настоящему суровый. Этого не отнимешь. Диксонский район, куда меня, кстати, вскоре направили возглавлять местный исполком, – самый северный форпост страны. В те годы там жили 5 тысяч человек, включая жителей поселка городского типа Диксон: на материке – 2,5 тысячи и на острове – 1,5 тысячи. Еще примерно тысячу составляли зимовщики полярных станций (их было 53). Район обслуживали аэропорты: о.Диксон, м.Челюскин, о.Средний, плюс один на ЗФИ. За собой местная власть числила и Северный полюс, это всегда была наша административная территория. И вот такое огромное «хозяйство», разбросанное в бассейне Ледовитого океана, мы обеспечивали всем необходимым для жизнедеятельности людей в экстремальных условиях.

Стоит вспомнить, что до 1983 года телевидения в этой зоне не было, мобильной связи – тем более. Круг общения на станциях – 7-10 человек, и в таком составе надо перезимовать два года. А теперь представьте, что к ним вдруг приходит на лыжах команда из 7-10 женщин. Без преувеличения – это праздник. Тут же в эфир летит морзянка: «У нас «Метелица». Здорово. Следует к вам, ждите».

Полярники после зимовки, прилетев на Диксон, часто заходили ко мне и очень тепло говорили о своих встречах с командой (или, наоборот, сетовали, что так и не удалось пообщаться с отважными женщинами). Подобное внимание к «Метелице» мы проявляли все. И команда платила нам тем же. Я не раз общалась с девушками и на Диксоне, и в Москве. Дружим до сих пор. Кстати, и эти строки написаны не где-нибудь, а в доме Валентины Кузнецовой, где мне снова довелось погостить – что символично! – в Международный полярный год.

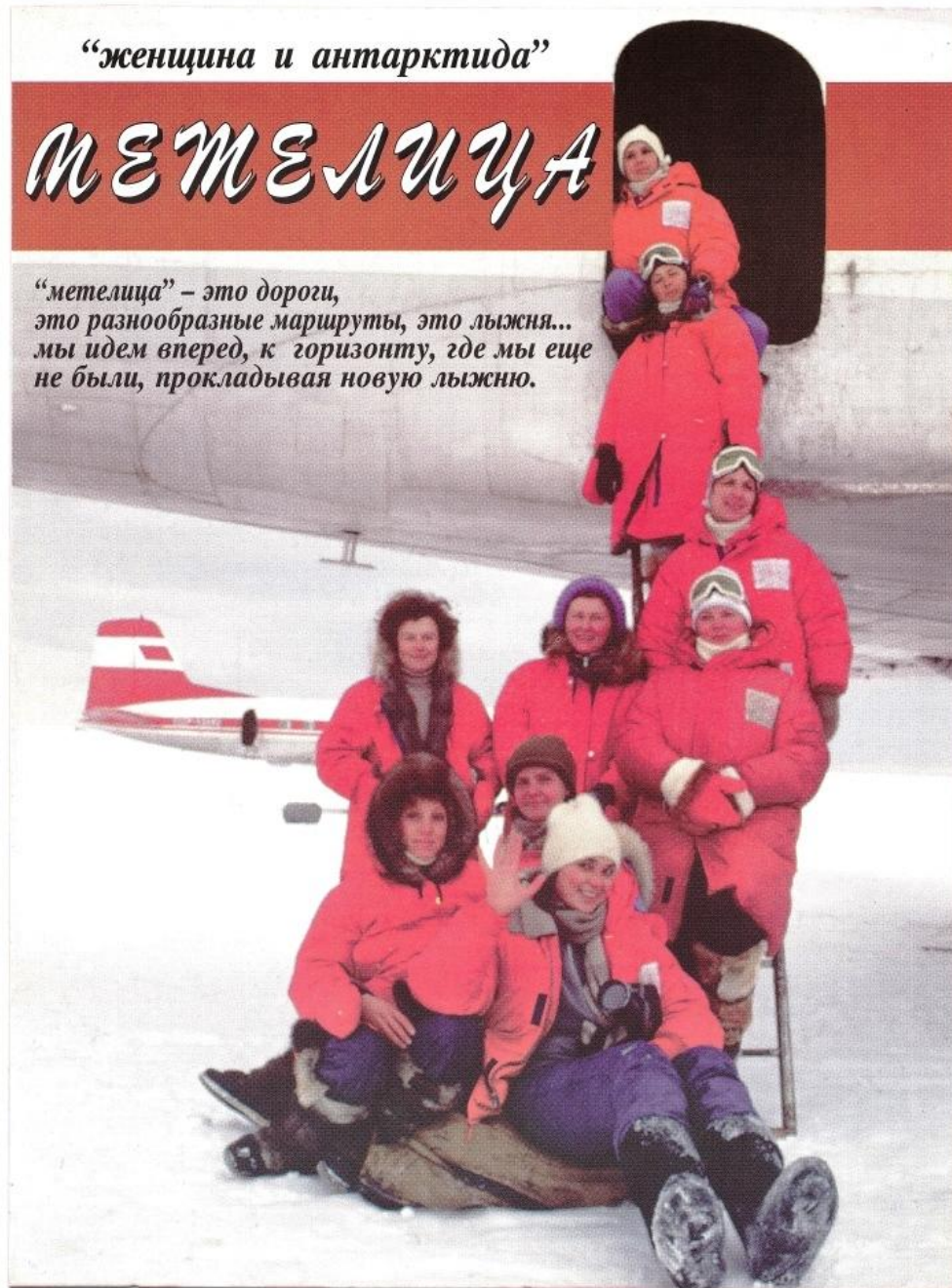

“женщина и антарктида”

МЕТЕЛИЦА

“метелица” – это дороги,
это разнообразные маршруты, это лыжня...
мы идем вперед, к горизонту, где мы еще
не были, прокладывая новую лыжню.

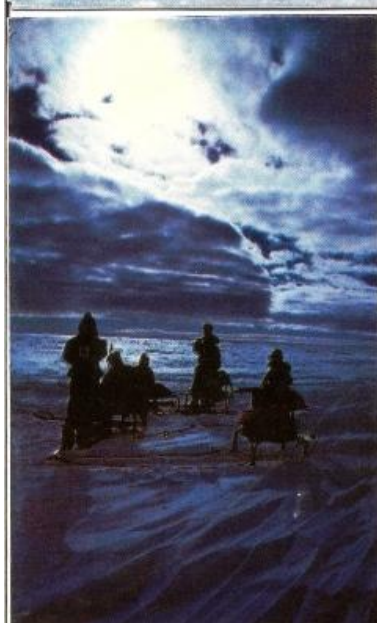

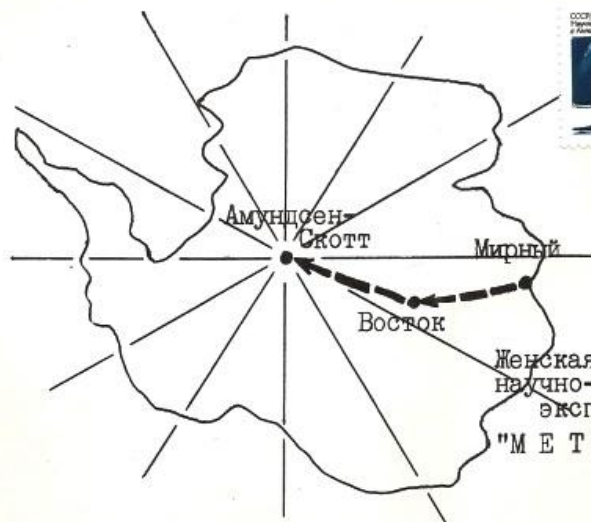

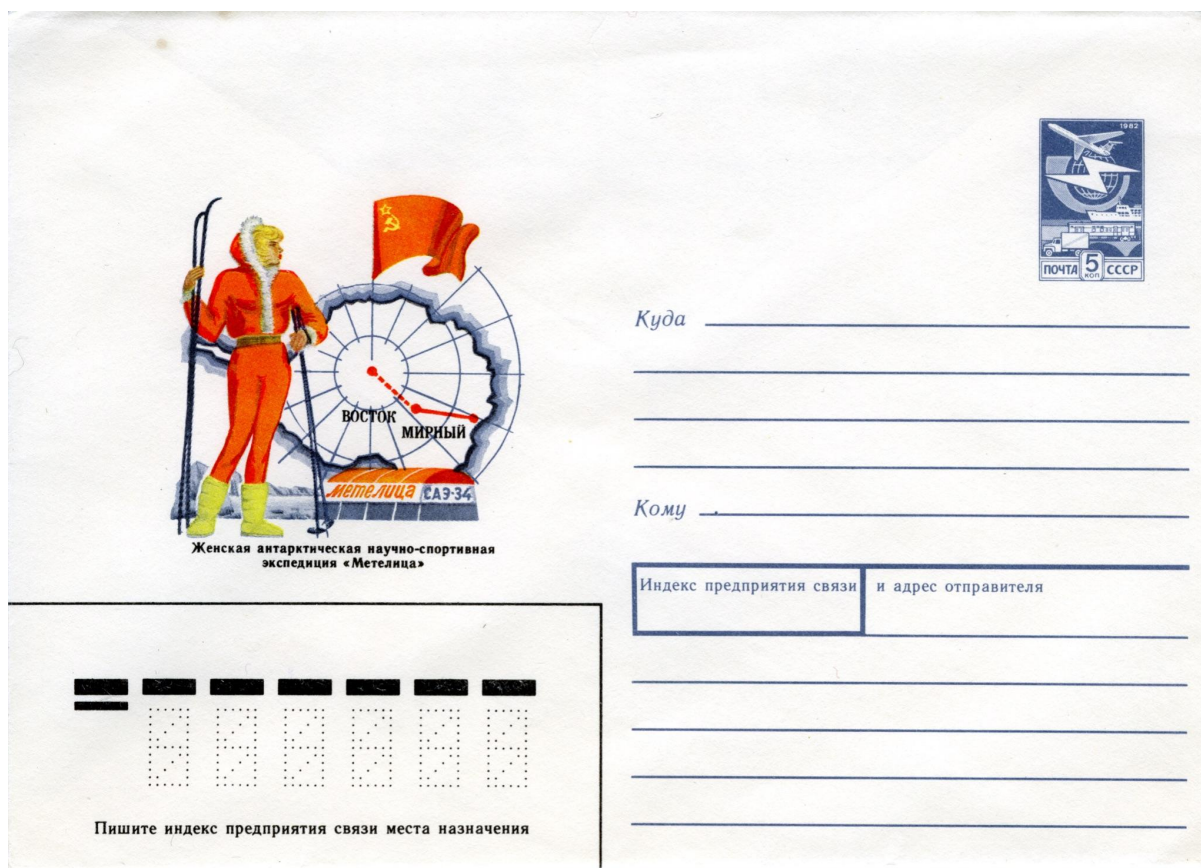

АНТАРКТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Женская полярная научно-спортивная экспедиция "МЕТЕЛИЦА"

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ АРКТИКИ ("МЕТЕЛИЦА" ИДЁТ ПО ОСТРОВАМ)

Арктика – это бело-голубое царство. Необъятный ледяной край, занесенный снегом, убаюканный ветрами и залитый солнцем.

Неповторимые картинные рельефы айсбергов, огромных как острова, нагромождения торосов – замысловатых ледяных скульптур из мастерской всеильного «Тундрового»...

И незаходящее Солнце! Оно ходит по небу кругом. Постоит недолго в нижней точке, и снова вверх. «Месяц без ночи» – так мы обыгрывали между собой название какого-нибудь будущего романа.

Высокие широты – странное сочетание слов. Но если представить себе всю нашу большую Землю или хотя бы глобус, то мы шагаем где-то наверху. А кругом видим горизонт – подобным образом воспринимаешь пространство, наверное, только еще на море.

Мы бывали в высоких широтах чаще всего в апреле-мае. Конечно, возможны и пурга, и ветры, и хорошая поземка, и метель-круговерть, когда нельзя остановиться, лишь двигаться вперед (иногда приходится надевать на себя два ветровых костюма или даже пуховку, и это на ходу). «В такую погоду медведи дома сидят». Но чаще все-таки Солнце и голубое небо, хотя и мороз, и ветер. Ну, а если ветерок небольшой, то здесь – просто курорт. А к высокому голубому небу человек всю жизнь равнодушен.

Для нас Арктика – это Земли Франца-Иосифа, Северная Земля, Таймыр, Чукотка и даже Аляска. Это звучащие загадочно Амдерма, Хатанга, Диксон... Для вас не звучала еще песнь морзянки под аккомпанемент завывания ветра? Но морзянку приятно слушать, находясь в помещении – уютном и теплом, например, на полярной станции. И пусть себе вокруг беснуется ветер, метет снег, если мы в доме, с людьми – нам надежно и спокойно.

А если километров на 300-400 впереди и позади нет ни одного человека, кроме нас. Если и ветер, и снег, и полыньи, и медведи – все наше... Что тогда?

В эфире раздается писк морзянки,

"Все ясно" – обещает Диксон нам.

И веря синоптическим прогнозам,

«Метелица идет по островам.

Лыжня по ЗФИ бежит, бежит,

В торосах замедляясь и петляя,

И айсберги, как будто миражи,

Встают на горизонте кораблями.

Медведица шагает вслед за нами,

Идет хозяйка тундры не спеша,

Наверно, ей заснеженные сани

Напоминают белых медвежат.

Под лыжами хрустят меридианы,
Поют снега под музыку пурги,
И оживают сказочные страны,
Явившись к нам из Андерсенских книг.
А если же беда придет большая,
Иль просто затоскуется мне вдруг,
Все горести буранами сметая,
Спасет меня и нас Полярный круг!

Вот, собственно, и ответ на поставленный риторический вопрос. Его автор – Татьяна Ревтова, побывавшая с нами в этих краях не раз и не два.

«Метелица» бывала в экспедициях на стоящей в ее послужном списке первой Земле Франца-Иосифа восемь раз – больше, чем в любых других местах. Мы знаем острова и проливы центральной части ЗФИ лучше, чем улицы Москвы.

Все экспедиции «Метелицы» на острова Земли Франца-Иосифа:

1977 год – [о.Грезм-Белл](#) – о.Куна – о.Грили – о.Хейса, апрель-май, 14 дней, 10 человек, пройдено 280 км.

Состав: В.Кузнецова, Т.Афанасьева, О.Грошенко, Р.Диденко, А.Егорова, Т.Кузнецова, Т.Ревтова, Г.Рожальская, И.Соловьева, М.Томашевская.

1979 год – о.Рудольфа – Британский канал – м.Армитидж – о.Лунджи – о.Хейса, апрель-май, 10 дней, 6 участниц, маршрут 300 км.

Состав: В.Кузнецова, З.Бузятова, Р.Диденко, О.Лозинцева, Т.Ревтова, Г.Чижаускайте.

1981 год – о.Рудольфа – о.Хейса, апрель-май, 13 дней, 14 человек, пройдено 300 км.

Состав: В.Кузнецова, О.Аграновская, С.Александрова, Н.Бахарева, С.Гурьева, Р.Диденко, А.Егорова, З.Лисеева, В.Пономарева, Т.Ревтова, И.Соловьева, М.Томашевская, Н.Тюхменева, Р.Чешунайте.

1986 год – о.Гукера – пролив Аллен-Юнг – о.Ф.Нансена – о.Солсбери – пролив Кука – о.Чамп – о.Хейса, апрель-май, 10 дней, 7 человек, расстояние 310 км.

Состав: В.Кузнецова, С.Герьева, Т.Дмитриева, И.Кузнецова, З.Лисеева, М.Хотулева, Г.Чижаускайте.

1987 год – о.Хейса – о.Пайера – о.Рудольфа, апрель-май, 13 дней, 10 участниц, пройдено 330 км.

Состав: В.Кузнецова, С.Александрова, И.Гурьева, С.Гурьева, А.Егорова, И.Кузнецова, Т.Кузнецова, Н.Руханен, И.Соловьева и Н.Крылова (на базе).

1990 год – о.Хейса – о.Винера – о.Гукера, апрель-май, 6 дней, 14 участниц, дистанция 170 км.

Международный состав: В.Кузнецова, С.Александрова, Н.Бахарева, С.Герьева, А.Егорова, И.Кузнецова, Т.Кузнецова, И.Романченко, О.Осетрова, Е.Хованцева, С.Цветкова, Джули Хайд, Хелен Тайер.

1993 год – о.Греэм-Белл – о.Джексон, апрель-май, 7 человек, позаде осталось 250 км.

Состав: В.Кузнецова, Т.Гудим, Т.Кузнецова, И.Соловьева, Л.Титова, О.Федоткина, Н.Щербакова.

1993 год – о.Джексона – рекогносцировка зимовки Ф.Нансена и Я.Иохансена, июль, 6 человек.

Международный состав: В.Кузнецова, И.Гурьева, С.Гурьева, И.Кузнецова, Моника Кристиансен, Г.Хелетад.

Земля Франца-Иосифа – это особое место на планете. Горсть островов (около 190), брошенных в Северном Ледовитом океане, в верховьях Баренцева моря, сразу за 80-й параллелью, на меридиане Уральских гор. Как признают сами полярники, здесь воистину неземная красота – невысокие отвесные острова (до 600 м высотой) часто заканчиваются ажурными террасами. Одним словом, «Moon!» – так мы объяснялись с нашими американками Джули и Хелен, восхищаясь красотой вокруг. Хотя о Луне, естественно, не имеем представления, но признаем, что для Земли – это необычная красота.

Климат на островах, на 85% покрытых ледниками, локальный, камерный,

формируется под влиянием теплого течения Гольфстрим; в районе архипелага теплее, чем на Новой Земле, Северной Земле и Таймыре. Летом открываются проливы, вода придает особую красоту ледяным островам, которые в ней отражаются (правда, это мы видели только на фотографиях). Недаром сюда в летние месяцы приходил корабль с туристами из Мурманска.

Остров Хейса занимает центральную позицию на ЗФИ. Небольшой по площади, он обладает неоспоримым преимуществом перед другими – здесь находится пресное озеро, благодаря которому стало возможным поддерживать нормальную жизнь полярников станции-обсерватории им.Кренкеля. Раз в неделю отсюда запускают метеоракеты, как на Кавказе, в Африке или на станции Молодежная в Антарктиде. Тем самым получают одномоментную информацию по меридиану Земли о состоянии атмосферы. Мы видели подготовку и запуск такой ракеты, вполне впечатляет, миниатюра Байконура.

На этой станции проводятся исследования полярного бассейна по международной программе. Не в столь давние времена тут зимовали французы, а мы позднее жили в так называемых «французских домиках». Зимой на станции собиралось до 60-80 человек (по крайней мере, так было, когда наука в нашем обществе занимала передовые рубежи). Поразительно выглядит здешний почтовый адрес: Красноярский край, о.Диксон, ЗФИ, о.Хейса, Обсерватория им.Кренкеля. Логическая головоломка или географическая мозаика?

В 1981 году мы на острове Хейса застряли на неделю, не могли вылететь – конец мая, снежную полосу развезло... Вот и отдыхали, пользуясь гостеприимством хозяев и начальника Георгия Михайловича Семенцова. Посетили дизель-теплоход «Леонид Красин», он в это время стоял около острова и выполнял функции электростанции. Нам он показался роскошным и огромным, а построен-то в 1916 году.

Мы открыли, что на станции есть маленький спортзал. Нашлись же когда-то любители, оборудовали волейбольную площадку – в половину нормальной ширины и высотой – один метр над сеткой (!). Играли трое на трое на приз – «кофе в койку». Игра представляет определенные трудности и, главное, подача – попасть в эту узкую щель. Но нас все устраивало...

Рвались домой, а погоды все не было. Уже на службу давно пора, дома ждут. Конечно, не одни мы побывали в такой ситуации. По этому поводу, говорят, одним приезжим журналистом было написано стихотворение, которое осталось в устном творчестве полярников острова Хейса в явно синтезированном виде:

Разорвись или упейся,

За апрелем будет май,
Не растет трава на Хейсе,
Поливай не поливай...
Застилают берега
Здесь хейсовые снега.
Тут с очами персиянок
Бродят толпы хейсиянок,
И полярной ждут ночи
Хейсачи-бородачи.
Ты, веревочка, не вейся –
Не лечу пока я с Хейса.
Я вымаливаю рейс,
Заклиная: "С нами Хейс!"

Нас уже утешали, что придется ждать навигации, парохода. Но Ил-14 все-таки пришел. Нас провожали друзья... и собаки, конечно. А рядом со взлетной полосой в снегу торчит красный хвост другого Ил-14 – результат катастрофы на посадке, когда сорвалась с крепления бочка с топливом, находящаяся в салоне. Грустное зрелище...

В 1987 году мы встречали здесь 1 мая. Вы можете сочетать этот праздник с зимой снегом и морозом?.. Около домиков собирается колонна с флагами, плакатами, во главе – вездеход. Мы с флажками, шариками, красными бантиками на куртках и фотоаппаратами. Вместе с людьми, опять же, и собаки. И вся эта экзотическая толпа движется на гору Прыщ (такое неблагоприятное название). А навстречу – ветер, солнце и фотогафры. Забрались наверх. Там идет общее фотографирование и стрельба из ракетниц. А в вездеходе, оказывается, заготовлен горячий чай... да с блинами! Праздник!

Последний раз мы там были в 1990 году всего несколько часов. Обстановка изменилась, народ тоже. Нас даже предупредили, чтобы не оставляли без надзора

своих вещей. Да разве такое могло быть на любой полярной станции в прежние добрые времена?

Мы расположились в спортзале, пришел вертолет, и все улетели смотреть бухту Тихую.

Бухта Тихая – самое красивое место на ЗФИ, расположена у о.Гукера к юго-западу от о.Хейса. Недаром именно это место было выбрано в 30-е годы для центральной полярной станции. Здесь добротные большие дома – рабочие и жилые помещения. Отсюда Георгий Седов ушел на Северный полюс... и погиб в районе о.Рудольфа. Но сейчас станция занесена снегом, заброшена, а центр полярных исследований перенесен на о.Хейса из-за того, что тут не оказалось пресной воды. А место было выбрано очень удачное. Сама бухта – огромное водное (ледяное) пространство – окаймляется островом Гукера и небольшим скалистым высоким островом Скотта. На скалах о.Гукера гнездятся птичьи базары – такой стоит гомон и жизнеутверждающее движение! На льду бухты мы видели медведя, который удирал подальше от грозной и шумной невиданной птицы – вертолета. Кругом много следов медведей.

Одна из экспедиций «Метелицы» стартовала в бухте Тихой. В бывшей кают-компании командой была обнаружена берлога медведей, благо без хозяев.

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

В экспедиции 1990 года я попала в бухту Тихую второй раз. Это была экскурсия для наших гостей-американок. Прилетел вертолет и взял их на борт прямо с маршрута. С ними полетела – по должности – капитан Валя Кузнецова и нужен был кто-то еще. В конце концов эта миссия пала на меня. И я не пожалела. Ведь побывала в красивейшем месте Земли.

Группа же без нас оставалась на ходу. Девочки увидели свежие следы медведя, что ввело их в легкий стресс и существенно повысило и скорость движения. Правда, они все тоже попали-таки в б.Тихую, но уже с о.Хейса и установили там памятный крест Георгию Седову (рядом со старым, изрядно пострадавшим от непогоды и времени).

Остров Рудольфа – самый северный остров ЗФИ и самая северная точка Земли. От этих мест до полюса всего 860 км. Недаром здесь был аэродром, откуда взлетал самолет с грузом для папанинцев. Тут есть небольшая полярная станция, пять человек всего и обязательно среди них женщины. Станция расположена недалеко от бухты Теплиц, всегда заполненной высокими торосами. К югу от нее мыс Аук, где согласно исторической справке находится могила Г.Седова, но найти ее пока не удалось. На север от станции мыс Столбовой – самый северный клочок земли,

вернее, это скалы – место, где мы фотографировались «на фоне Северного полюса».

На станции о.Рудольфа нам всегда были рады (здесь посторонний человек – событие, а сразу десяток, да женщин – целая сенсация!). Нас всегда ждали и обед, и баня.

Эти места для «Метелицы» как дом родной, так все знакомо и радостно.

Остров Грэм-Белл – очень большой по площади, он расположен на востоке ЗФИ. Тут тоже небольшой поселок и даже снежный (ледовый) аэродром. «Метелица» была там несколько раз. Наиболее памятным является посещение местной станции в 1990 году. Там жизнь была ключом: большая кают-компания, хорошая столовая, кухня, баня, много народу. (А в 1993 году уже все потихоньку шло к упадку). Тот же год еще памятен тем, что мы встретили на острове три группы туристов из Литвы, Белоруссии и Украины. И все вместе любовались медвежатами: семь малышей в возрасте 1,5-2 месяца находились в небольшом загончике. Они забавны и смешны, мы их, конечно, фотографировали... Но и очень жалели – ведь им уготована судьба циркачей. Артистов в неволе.

Тогда неожиданно прилетел Володя Баранов – наш друг и уважаемый нами полярник, его станция на Северной Земле на мысе Баранова (простенькое такое совпадение!). Володя страстно любит Арктику и песни. Именно своими эмоциональными рассказами о летней Арктике, когда прозрачная вода покрывает лед океана, а где-то там на южных склонах на камнях даже растут цветы, он покорила нас. А песни мы пели до трех часов ночи. А ночь все не наступала!..

* * *

Две-три недели в среднем продолжается обычно наш маршрут на ЗФИ, две-три недели мы живем на природе. И крышей нам – небо над головой, а вокруг – бескрайние просторы. Около половины времени мы на ходу, на лыжне. И это – наша жизнь: лыжня, горизонт, солнце, небо и мы!

От неба зависят уют и приятность в жизни путешественников. Все время общаешься с облаками, они такие разные: то тонкая высокая вуаль, то взбитый веселый пух, то темная туча в стороне, и только смотришь, куда же она движется... По облакам и прогноз погоды строим. И солнышко для нас от облаков зависит: иногда они в радости живут друг с другом, иногда в борьбе. А Солнце в сочетании с сиянием снега вокруг – такое яркое, что без темных очков нельзя идти даже ночью.

А второй наш спутник – ветер. Все время следишь, куда он поворачивает: по часовой стрелке или против (если против, это уж к добру, к антициклону). Хорошо

идти по ветру - уютно, тепло. И пусть метет, пусть снег бьет по капюшону (в такой момент легко представить, что мы в избе, и дождь уютно стучит по крыше).

Можно идти в любой мороз, но ветер... да если навстречу... что уж тут говорить?! Тут и мороз не нужен – спасаемся очками, масками, шарфами – очень неуютно идти. А самое жуткое – сеанс радиосвязи на ходу, да при ветре (если вдруг время подошло!). Остановка минут на 40 или час, в то время как и минуту не можешь не двигаться. Одеваем на себя все, что есть: ветровки, пуховки, меховые рукавицы. Ставим антенну, выравниваем ее растяжками, держим. И уж только потом несется в эфир: «Я – ЕК1... Как меня слышите? Прием».

Это Света Александрова – наш радист. Мастер спорта по лыжам, представитель первой «Метелицы» – команды лыжного марафона; инженер-программист, она специально прошла годовой курс обучения в радиоклубе, чтобы после ухода из «Метелицы» Тани Ревтовой надежно и с энтузиазмом держать нашу тоненькую ниточку связи с внешним миром.

А третий наш спутник на ходу – это торосы и заструги. Вы знаете, что торошение льда у синоптиков измеряется тоже в баллах, как облачность неба или волнение моря? Торошение более 5 баллов – уже много. При этом не только нужно искать «тропу» (кстати, собака хорошо ее находит среди торосов, и тогда они вместе с нашим штурманом Тоней Егоровой ведут группу), но еще все время нужно выправлять сани идущего перед тобой. Сани (нарты) – настолько важная вещь в экспедиции, что об их конструкции, прочности и устойчивости на застругах можно писать целую главу. Редко нам выпадала дорога без застругов или торосов.

И совершенно удивительно, когда однажды нас провожал в экспедицию отец Георгий – настоятель храма Михаила=архангела в Тропареве (он по просьбе «Метелицы» освящал крест Г.Седову) и прочитал нам молитву «путешествующих», в тот раз у нас все время была чистая лыжня (!). Мы шли и удивлялись, а наш фотограф Ира Кузнецова ради колоритных снимков специально заводила группу в торосы. (Мы шутили: «Хорошо, что торосы кругом, можно от медведя спрятаться»).

Ирина Кузнецова – наша молодежь, человек удивительной судьбы. Она выросла не только под разговоры и песни «Метелицы», но и при постоянной занятости матери и ее длительном отсутствии в экспедициях. Но Ира не только не отторгла «Метелицу» от души своей, но, наоборот, приняла эстафету. В интересах команды и клуба она занялась кино-фотоделом и выросла в высокопрофессионального фотографа, авторитетного мастера. Ее совершенно уникальные снимки Антарктики получили специальный приз на международной выставке «150 лет фотографии». В Манеже, где проходила выставка, были учреждены дни «Метелицы».

А четвертый постоянный спутник на лыжне – наши мысли. Тут уж для них простор, хотя порой приходится и управлять этим процессом «думания». Каждая из нас помогала мыслям по-своему.

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

Бывают мысли легкие, случайные, «бездумные», это неинтересно, тогда время до перерыва тянется медленно (а мы идем строго 50 минут, если, конечно, кто-то случайно не захотел переодеться, пофотографировать или чего еще). Зато интересны мысли «длинные»: о жизни, о близких, о работе. Мечтаешь о возвращении домой, на службу (у нас в отделе выпускалась фотогазета «Отпускными дорогами»). В первой экспедиции я умудрилась глубоко окунуться в бытность свою – в школьные, институтские годы, вспоминая Серов, Свердловск и все с ними связанное... Для меня всегда приятны на лыжне мысли о парашюте. Как начнешь «путешествовать» по всем соревнованиям, да заново переживать победы и промахи... И всегда вспоминаю стихи друга и оппонента «Метелицы» Г.М.Колесникова, посвященные парашютисту-перворазнику:

Как были светлы все мои мечты,

Что я парю, как птица, в небе чистом,

Что смел, отважен, и как хочешь ты,

Стою в строю среди парашютистов.

Что девушка чудесной красоты

Вдруг подошла ко мне с магнитофоном

И ласково шепнула мне: «Ну, ты,

Прошепелявь мне что-нибудь для фона».

Я шепелявлю, а кругом цветы,

Кругом весна, ромашки, незабудки.

Я шепелявлю, а в глазах лишь ты –

Без тещи, но с коровой, дачей, в мини-юбке...

Я вспоминаю... а в носу бензин...

И все кругом мечтают не о юбке.

Я помню, как какой-то сукин сын

Толкнул меня наружу – в грохот жуткий.

Я вспомнил все: и мамино лицо

И шум травы, и что зарплата близко,

Не помню, кто там выдернул кольцо,

Открыл глаза – та девушка со списком.

А в списке буквы, а из букв слова,

А что в словах – неясно – это тесты.

От тестов дрожь, кружится голова,

Я из последних сил шепчу протесты.

Я шепелявлю, а в глазах лишь ты,

Пусть с тещей и пусть дача без уюта,

Пусть без коровы, к черту все цветы,

Но только, чтоб не прыгать с парашютом.

А «девушка чудесной красоты» – это Наташа Крылова. Кстати, она с нами была в одной экспедиции – психологом на базовой станции. Увлекла всех тестом Люшера, вернее, его толкованием – не только эмоционального состояния человека в данный момент, но и будущего. Наташа ждала нас на полярной станции о.Хейса, познакомилась со всем народом. Люди поняли, что именно такого человека – душевного и понимающего – в роли психолога им не хватает в их сложной замкнутой жизни. Тогда Наташа всегда выходила с нами на радиосвязь и передавала весточки от родных.

На лыжне, конечно, возможны и разговоры. Если нас много и на пути нет торосов, то мы движемся двумя колоннами, и тут уж все условия поговорить.

Иногда нас в пути развлекают животные – «братья наши меньшие». Например, видели нерпчатку. Мы шли вдоль открытой воды, и она плыла за нами – черная маленькая головка с живыми глазками. Полярники говорили, что она любит слушать песни. Встречали моржа, который дурил нас: нырнул в лунку, а потом наблюдал, как мы туда заглядываем, совсем со стороны, из другой полыньи. А кто-то из наших все это сфотографировал.

А птичьи базары! Вот песня жизни и радость бытия. Встречали пуночек – маленьких темно-серых воробышков. Поблизости от воды утки летают. Весна! Везде пробуждается жизнь...

В одной из экспедиций шел с нами Бим. Большая и храбрая, умная и очень красивая собака, медвежатник. Полярник с о.Хейса Володя Дудник дал нам свою любимую собаку. На ходу Бим всегда в движении, гоняется за птицами, а потом устанет, уляжется и ни с места. А мы зовем его: «Бим, пойдем домой!». Как-то миску пса потеряли, ее занесло снегом, пришлось отдать Биму одну из наших.

В той экспедиции у нас нерасчетно кончился бензин, и последние 2-3 дня мы шли на режиме строгой экономии воды. На маршруте ели снег в смеси со спортивным напитком (сухим), якобы, мороженое... и мечтали о чае. По радио нас запросили, как там Бим. Мы ответили: «Бим хочет чаю». И они все поняли, встретили нас на подходе к о.Хейса с двумя большими флягами чая и кофе. Мы все выпили – великий был «водопой»! Бим первый определил тогда, что непонятная нам черная точка на горизонте – это вездеход, и начал метаться – убежит вперед, потом долг заставит его вернуться к нам, и опять... А после мы наблюдали, как он «рассказывал» Володе=хозяину, где он побывал и откуда пришел – встал на задние лапы и показывал на уходящую за горизонт лыжню и подвывал. А когда после этой встречи мы налегке без санок покатали напрямую на станцию и вдруг обнаружили, что у нас с собой нет даже пиротехники, мы стали зазывать к себе Бима. Ему очень хотелось быть с вездеходом, с хозяином, бежать домой по привычной дороге, но он все-таки вернулся к нам. Умница Бим! (Позднее он, увы, погиб в схватке с медведем).

А еще на лыжне у нас был сюрприз: в экспедиции 1987 года медвежатница собака Морда (уж такое у нее незвучное имя оказалось) вдруг неожиданно родила нам четырех щенят! Тут же вытряхнули из мешка на нартах капитана все вещи и на подстилочку аккуратненько разместили все семейство. Сутки ехала собака с

малышами, а потом выскакивала из саней по любому поводу, на любой старый занесенный снегом след медведя, да еще и сани опрокидывала. Света Александрова стала новоиспеченному семейству «названной матерью», кормила и заботилась. Щенята получили имена по названию островов, мимо которых мы проходили. После экспедиции их отдали вместе с мамашей хозяевам на полярную станцию о.Голомянный (Северная Земля). И позднее "Метелица" отслеживала их судьбу...

Вспоминается экспедиция 1987 года и знаменитой фразой, сказанной кем-то в момент нашего возвращения в клуб: «Давайте не будем никому звонить и еще день поживем вместе».

К клубу мы подъехали ранним майским утром. Никто не знал о нашем прилете и никто нас не встречал. А шли мы тогда от о.Хейса до о.Рудольфа центральными проливами. И ведь тяжело было – дважды лезли в гору, вначале на о.Винера – там была открытая вода, а потом на о.Рудольфа – там сплошные торосы в бухте Теплиц. Но какой-то был особый настрой. То ли Юрий Визбор его создавал (у нас с собой была книга его песен, и пели мы постоянно и душевно); то ли Борис Тимофеевич, «человек с ружьем», своим присутствием; то ли коллектив такой подобрался хороший...

Борис Тимофеевич Романов – председатель федерации альпинизма, величайший из альпинистов. Пригласили его в экспедицию посмотреть на участниц в работе с учетом планов по Антарктиде.

Знаменательно то, что в той экспедиции шли четверо из пяти (!) основной команды «Метелица», которая прошла на лыжах всю Финляндию. Это Валя Кузнецова, Тоня Егорова, Света Александрова и еще впервые с нами была в Арктике Надежда Руханен (Кузина) – лыжница, мастер спорта.

А какие красоты нас ждали в этой экспедиции! Шли между о.Солсбери и о.Винером, и мраморные ледники Солсбери отражались в открытой воде. А в каком красивом царстве непроходимых торосов оказались перед о.Рудольфа: огромные льдины – голубые, светящиеся – нагромождены хаотически, сплошным полем. Во время перекуса у нас был «стол из голубого тороса» (!) на фоне большой горы Аук, и все это залито ярким солнцем... И медведь выходил к нам из этих торосов. Все по науке охотников: вышел на нас против ветра, смешно сползал на животе с больших торосов, как с горки. Но он не знал, что с нами Б.Т., а тот шел сзади и долго отслеживал медведя в торосах, а потом очень четко руководил нашими действиями. У нас в этот момент, конечно, был легкий стресс, но еще более было интересно, как развернутся события... И тут медведя увидела наша Морда, погнала его в торосы, и ... тишина (!), долго никто не появлялся. А мы гадали, кто кого там съел. Из торосов нас вывел тогда Борис Тимофеевич и не куда-нибудь, а организовал подъем всей

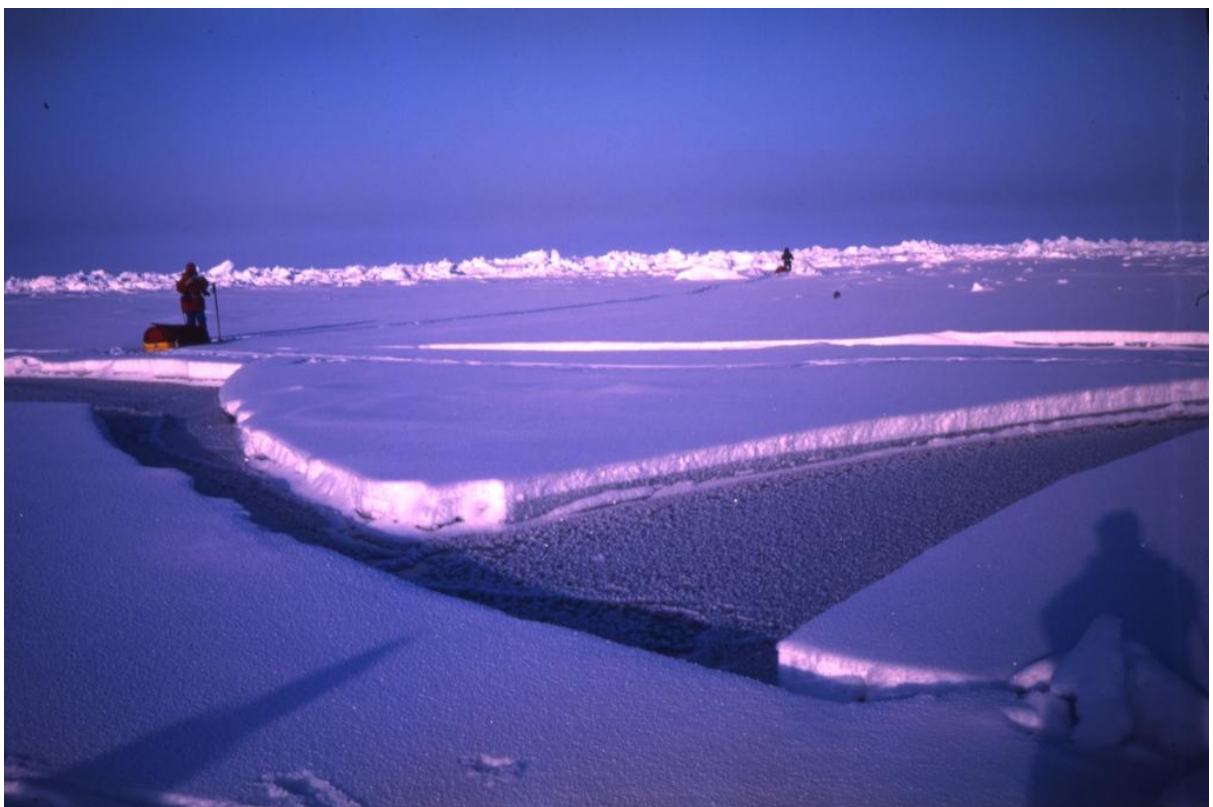
группы с грузом и собакой на вертикальную стенку о.Рудольфа.

К острову шли по тонкому льду – веером, почти не останавливаясь. Получился 50-километровый марш-бросок. Мы были счастливы, что выдержали такую нагрузку, а лед выдержал нас. Впрочем, когда смогли наконец зацепиться за береговой припай, быстро поняли, какие новые препятствия нам угрожают: пришлось преодолеть еще не менее ста метров почти непреодолимых торосов, чтобы оказаться у вертикальной стены о.Рудольфа.

Что же касается тонкого льда, то улетая позже домой, мы увидели в бухте Тихой на том самом месте штормовые волны в 3-4 балла. Вероятно, кто-то свыше помог нам тогда, постелив хрупкую ледяную дорожку. И мы успели до шторма...

Потом очень быстро шли по острову в обход бухты Теплиц, в целом мы были на ходу 13 часов – «финишный рывок». Шли и мечтали о встрече, о бане, о вертолете...

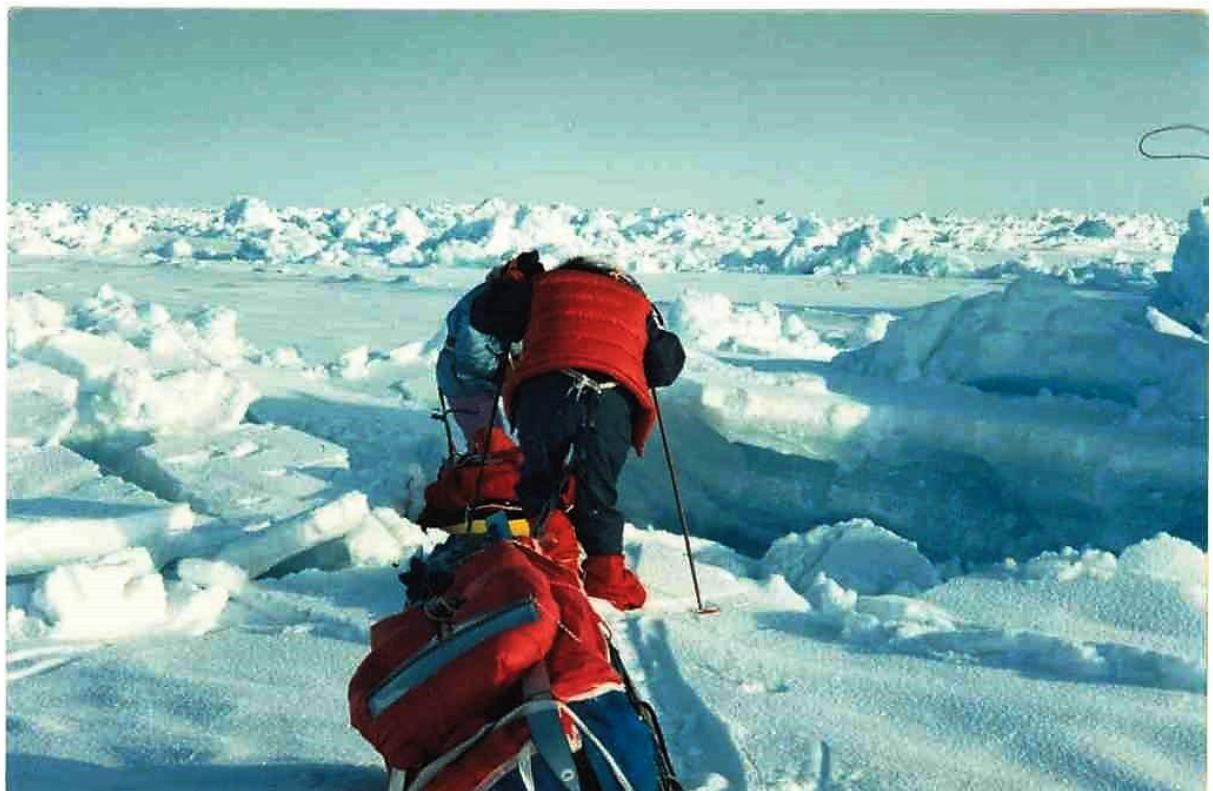

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

Мы с Ирой Гурьевой очень прочувственно прошли последние сотни метров пути – «прощание с лыжами» (специально их надели) – финиш! Конец лыжного сезона – середина мая месяца! В общем, не экспедиция, а сплошные восклицательные знаки.

Ну, это эмоции... А мы, наконец, встаем на отдых. Собираясь в Антарктиду, мы рассуждали, что идти можно в любую погоду, но приходить нужно в тепло. Нам же это «тепло» еще предстоит создать, для начала надо удержать то, что накоплено при движении, а потому срочно одеваются пуховки, штаны и варежки. Хорошо бы еще и переобуться. Ну, это кто как приспособится. Есть любители в этот момент мыться, обтираться и мыть ноги – это удовольствие по вкусу и по погоде.

(Один раз Валюша решила максимально использовать такие минуты для мытья и собрала вокруг себя толпу веселых фотографов).

Срочно ставится палатка, причем потребное для этого время зависит от ее конструкции. Палатка – самая важная часть нашей жизни. Дежурными оперативно готовится место под кухню. Остальные занимаются полезным физическим трудом на свежем воздухе – пилят снежные блоки-кирпичи, ставят стенку от ветра вокруг палатки, строят туалет – «шедевр северной архитектуры». В подобный момент иногда еще и радиосвязь начинается (остановки подгоняются к сеансам связи).

Словом, народ занят, и это часа на два, которые проходят с желанием скорее залезть в тепло и предаться удовольствию общения.

Палатка «Метелицы», хоть и капроновая – но все-таки это дом, надежда на тепло, на защиту от непогоды, на горячую еду и, главное, на отдых. Палатка создает даже иллюзию защиты от медведя, все предпочитают забыть, что он спокойно одной лапой может лишить непрошенных гостей всего. Благо сам медведь этого не знает, да у него и нет цели выжить нас из Арктики.

В палатке очень красиво. Если она двойная, то нижний белый купол, наложенный на цвет внешнего, создает нежные пастельные тона – голубой, зеленый, сиреневый, розовый... И живописно раскинуты под ним веером голубые мешки.

Хорошо, когда дежуришь не ты, и потому «входишь в дом» (то есть вползаешь на коленках во входную трубу-отверстие) на все готовое. Дежурные – заботливые люди – все подают, угощают и добавки предлагают. (Кстати, есть такая народная мудрость: не отказывайся от добавки, пока не узнаешь, когда будут кормить в следующий раз). Вот если в этот момент еще и «глоток» дадут, то сразу становится «тепло, весело и не страшно». (При этом возможны варианты: или кружка «клюковки» по кругу, или ложка спирта в кружку горячего чая-компота). Разговоры,

смех, шутки – потребность общения, накопленные за день эмоции – все находит выход.

После еды наступает приятный момент, когда ты «свободен» – ничего не должен, а наоборот волен делать, что хочешь. Никуда не нужно идти, ничего не нужно грузить и упаковывать.

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

Расстилаешь свой мешок на привычном месте, раскладываешь вещички: что под мешок, что в мешок (ботинки), что сверху, рюкзак под голову... Тесновато и весело одновременно – беспорядок сумок и рюкзаков, весь народ в движении. И поэтому, чтобы никому не мешать, быстрее в мешок – здесь можно и согреться, и почитать, и окунуться в «свой мир». Достоешь из рюкзака дневничок, какие-то сувенирчики, фотографии близких, общаешься с ними и с собой. Но тем не менее – это приятные минуты уединения на фоне общего веселого шума.

Утром бедные дежурные поднимаются на два часа раньше остальных и долго возятся с примусами. Это наше узкое место в экспедиции. (Да еще какой бензин попадет, хотя на полярных станциях нам давали всегда самый лучший). Зато после общего подъема, только успеешь сесть в мешке, тебе сразу миску горячей каши дают.

Некоторые пытаются затянуть эти приятные минуты тепла и общения. Но кто-то уже выходит и упаковывает сани, дежурные суетятся с термосами, сворачивают кухню.

Выходим на улицу и начинается новый день. Следует заметить, что некоторые «быстрые сборы» порой затягиваются не на один час. И поэтому свои действия сообразуешь с общим темпом подготовки к выходу.

А если ветер, снег, затянуло все кругом, тогда рождается предложение: «Давайте Валушу выпустим из палатки, прежде чем выносить вещи...» Кругом ничего не видно. Куда идти?... И принято решение – подождать или устроить дневку – то есть перейти на режим «день-ночь». И начинается балдеж: вначале снова спим, потом получаем «кофе в койку» (правда, Света Александрова предпочитает «в чашку»). А потом разговоры, песни, дела мелкие всякие. Опять же психологические тесты удобно проводить в эти часы...

Но во всем должно быть чувство меры. Иногда пурга затягивается, и наружу из палатки не выйдешь. В такие сложные моменты ожидания погоды читали вслух дневники Альбанова, восхищаясь мужеством первопроходцев и сопереживая

тяготам их пути и выживания. На ЗФИ все это воспринимается очень остро.

Как-то такое ожидание погоды выпало на 18 мая. Я объявила о своем дне именин и сказала, что погода будет, бог нас не забудет. Удивительно, но тут же получила в подарок платочек и духи. А на платке все стали вышивать свои автографы. Когда-нибудь подарю его в музей «Метелицы»... А погода таки тогда разгулялась. (Кстати, в «Метелице» почти каждая вторая девушка Ирина).

Май – месяц праздников. И в арктической палатке тоже бывают праздники, совпадающие с календарем экспедиций на ЗФИ: 1 Мая, чаще 9 Мая, День Радио и т.д.

Праздники состоят из двух частей: вначале около палатки – построение, салют (заодно тренируемся стрелять и пиротехникой пользоваться), обязательно фотографирование; затем «праздничный стол» в палатке. У капитана команды обычно в запасе какой-нибудь вкусный ликер, шоколад и сувениры (значки, конверты и т.д.). Дежурные тоже имеют что-нибудь к обычному меню, например, соленую рыбу. А когда с нами ходили американки, они очень адекватно вели себя 1 мая: подарили нам «Cremadecasaо» и пели с «Метелицей» русские песни. И даже сами бойко изобразили какой-то американский куплет.

Когда 9 мая с командой был Борис Тимофеевич, мы поздравили его особо – как нашего защитника от медведей и подарили ему ракентицу-авторучку. И это имело свой двойной смысл.

Стоит нам свернуть палатку и начать движение, как часто метрах в 100-200 от места нашей ночевки видим свежие следы медведя. И вряд ли это любопытный приходил на нас посмотреть. Просто он здесь живет, а мы у него в гостях. Такой Хозяин требует почтительного отношения, и потому ему хочется выделить отдельную часть повествования.

Медведя мы боялись всегда. Однажды ночью вдруг раздался истошный лай Бима (в этот раз был он, а не Морда). Борис Тимофеевич выскочил с ружьем. Мы услышали крик: «Давайте фотоаппараты!». Все высыпали из палатки и увидели картину: около палатки огромный желтоватый медведь стоял на задних лапах, а Бим хватал его за «штаны». Тот недовольно крутил головой... Зажгли ПСНД-факел. От дыма и нашего шума медведь стал отходить, и Бим угнал его далеко в торосы... И наше состояние в тот момент неожиданным образом выразила молодая девушка, впервые бывшая в Арктике, Рита Чишунайте: «Полное счастье!». Новички получили полный набор впечатлений... (Кстати, многие пытались фотографировать, с расстояния 5-7 метров, но ни у кого ничего не получилось).

Еще перед первой экспедицией нам объяснили: «Если он охотится на вас, вы его не увидите, а если – вы его увидели, значит, он идет мимо». И тем не менее на ходу мы всегда напряженно осматриваем горизонт. Даже одно время мечтали: нам бы какой-нибудь «биодатчик», чтоб знать, с какой стороны к нам может подойти гость... А потом поняли, их тут столько гуляет, что с таким приборчиком мы с места не сдвинемся. И потому у многих в карманах пиротехника (факел, дым, ракеты), а в конце колонны – ружье («Метелица» даже купила собственное ИЖ-12 на Диксоне). Иногда нам давали карабин пограничники или полярники. И это для нас как психологическая защита – на крайний случай.

На ЗФИ увидели первый раз медведицу да с медвежонком по ходу движения, метрах в 800 впереди. Легкий стресс!.. Остановились, перестроились поплотнее, приготовили всю стреляющую технику и пошли... Куда ж денешься!? Медведица пересекла наш путь направо, вышла к нам на траверс, устроилась на каком-то айсберге, как на трибуне, и стала наблюдать за нами. Мы прошли вперед, а она так и держится за нами сзади справа (далеко, конечно). В бинокль смотрим: она там прыгает, думаем, учит медвежонка, как на нас нападать... Так и шли... Но ведь нужно вставать на ночевку – выбрали чистую от торосов большую площадку, поставили палатку. А медведица устроилась в торосах... Кто-то из девушек смотрит в бинокль: «Вижу три медведя», а другая: «Вижу пять медведей...» Стало ясно: пора отбирать бинокли.

Тогда мы установили «дежурного по медведю», но его ж не выставишь за палатку как дозорного, и потому два часа надо дежурить слухачом – сидеть в мешке и слушать, чтобы успеть предупредить народ, если потребуются выскакивать из мешков. Но это один раз так дежурили. Потом был вариант – по расчалкам у палатки натягивали альпинистскую веревку (у нас и она есть на случай полыньи), а на веревку подвешивали пустые банки – якобы медведь наткнется на веревку, и мы услышим. Мы спим, а банки на ветру стучат-стучат, пришлось отказаться от них.

...Некоторое время спустя та медведица все-таки приблизилась к палатке. В тот момент двое наших штурманов Тоня Егорова и Тамара Афанасьева пошли на ближайшую горку ориентироваться, а все уснули и вокруг тихо-тихо.

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

Вдруг Марина Томашевская слышит, что наши возвращаются, но что удивительно – молча; подошли, потрогали сани у палатки и снова удаляются... Она выглянула, чтобы их остановить, но это оказалась медведица с медвежонком. Марина будит меня за ногу и показывает на выход. Я выглянула – там ярко – увидела только медвежонка недалеко от палатки... Все проснулись.

Пока мы решали, как спасать наших штурманов, медведица большим кругом обошла нас и пошла по той самой горке. И ушла в пролив. Тут и наши девушки возвращаются – шумные и взволнованные. Оказывается, медвежья семейка прошла от них в 20 метрах, они там спрятались за торосами, приготовили ПСНД... Но медведица смотрела в нашу сторону, мы уже были в движении... Потом нам полярники объяснили, что медведица хотела, чтобы мы накормили медвежонка (!). Ничего себе... А вдруг бы ему понравилась наша еда, да и ей тоже. Да каждый день... Но с той поры мы поняли, что медведи в это время все-таки не агрессивны.

Самая экстремальная ситуация была в 1986 году. Группа была на ходу, и где-то недалеко шли три медведя-подростка. Вдруг они направились в нашу сторону. Мы послали Морду к ним. Та стала их хватать за «штаны», но их трое, и один кинулся за собакой. Она испугалась и побежала спасаться к нам. И вот картина: семь девушек на лыжах с санками, собака между ними, и медведь за ней. Кого-то он по пути подтолкнул слегка... Валуша пыталась стрелять из ракетницы – заело.

Марина Хотулева зажгла ПСНД и направила медведю в нос дым. Ему это не понравилось, он стал уходить... В тот день командная скорость, надо сказать, сильно возросла. А когда остановились и поставили палатку, то Морда сразу же заняла свое место в центре палатки.

В целом у нас тоже чувствуется постоянное напряжение – некоторая тревожность – и на ходу, и в палатке. Видимо, как необходимая составляющая готовности к встрече с медведем. Недаром полярники готовы нам дать с тобой лучшее, что у них имеется (и собаку, и оружие), настолько дико для них наше желание идти в просторы, в торосы... Там инструкция: с территории станции не уходить без разрешения и оружия далее чем на 1 км!

В экспедиции 1993 года мы шли к острову Джексона и нам дали автомат Калашникова, а к нему два рожка с патронами. Никогда раньше я не держала его в руках, но ничего, научилась... И была у нас однажды очень неудобная ночевка. Прошли молодой лед с проталинами, очень неприятно было по нему идти, вышли к берегу и решили встать. На ходу мы были уже 9 часов. И тут рядом оказалась свежая медвежья тропа... Недавно Он ушел вперед, следы огромные, глубокие в снегу. И... у нас нерешительность: идти назад – некуда, идти дальше – но Он туда ушел, и там открытая вода, многолетняя полынья по карте; оставаться здесь тоже не хочется. Обстановка напряженная. Встали, и никто не распаковывает сани...

Выход нашли в том, что зажгли большую шашку, окружили, обрисовали ею всю нашу территорию, оставив на снегу широкий оранжевый след неприятного запаха. А когда легли спать, все представляли, что если медведи пойдут на нас, то мы со своим автоматом займем «круговую оборону»...

Пресс-архив

Из международной газеты «24», 7 мая 1993 года:

По следам Нансена

Женская полярная команда «Метелица», несмотря на сложности нашего сегодняшнего бытия, продолжает исследовательскую работу в высоких широтах. 5 мая самолетом дальней авиации АН-12 она отправилась на остров Грэм-Белл архипелага Земли Франца-Иосифа. Вместе с капитаном Валентиной Кузнецовой в команде опытные путешественницы И.Соловьева, Т.Кузнецова, Т.Гудим и только стажирующиеся в роли полярных исследователей Л.Титова, Н.Щербакова и О.Федоткина.

Команде предстоит пройти на лыжах от о.Грэм-Белл до о.Джексона, где она проведет исследовательско-мемориальную работу, связанную со 100-летием экспедиции Фритьофа Нансена. Девять месяцев пробыли Нансен и Юхансон на этом острове, пока при попытке вернуться домой, не дождавшись своего экспедиционного судна «Фрам», не столкнулись с английской группой Джексона в августе 1896 года. Здесь и собирается «Метелица» изучать место исторической зимовки, чтобы в следующем году вернуться сюда со своей норвежской коллегой Моникой Кристиансен и соорудить мемориал великому полярному исследователю и его сподвижникам.

Из той же газеты «24», 16 июля 1993 года:

Моника Кристиансен: «В мире нет аналогов этой команды, которая совершает полярные экспедиции и ведет такие серьезные исследования. Я хочу стать первым ее иностранным членом, создать в Норвегии филиал «Метелицы».

Густой, колкий иней на ресницах. Запорошенные снегом плечи. Согнутая ветром фигура. Вокруг торосы, пурга... Вы можете представить себе эту симпатичную, хрупкую на вид женщину в суровой, бесконечно оторванной от материка ледовой пустыне? А ведь имя норвежки Моника Кристиансен широко известно именно благодаря ее полярным экспедициям. Мужественную женщину ставят ныне в один ряд с такими знаменитыми земляками, как Ф.Нансен и Р.Амундсен.

Сегодня Моника прилетает в Шереметьево-2. Правда, без рюкзака и другой специальной экипировки. В аэропорту вечером ее встретят российские подруги, как и она, мечтающие объединить под знаменами «Метелицы» женщин, которых хорошо знают в Арктике и Антарктике. Вчера команда вернулась на своих

экспедиционных «Ладах» из Тольятти, где финишировал месячный автопробег по России и Скандинавии.

...Моника с «Метелицей» начинают первую совместную акцию – организуют на острове Джексона (Земля Франца-Иосифа) к 100-летию пребывания здесь Нансена российско-норвежский мемориал. Изготовлен памятник исследователю Северного полюса будет в России, а в Норвегии Кристиансен создает Фонд для сбора средств на воплощение проекта. Если ничего не помешает, 17 июля группа во главе с Моникой и капитаном «Метелицы» Валентиной Кузнецовой вылетит на Джексон для рекогносцировки.

Александр Корнеев

На снимке: Моника Кристиансен (слева) и Валентина Кузнецова.

Фото Ирины Кузнецовой

Из газеты «Пограничник Арктики», 6 августа 1993 года:

И вновь «Метелица»

Наша газета неоднократно писала об этой женской полярной команде. Пограничники Арктики были знакомы с ней только заочно. И вот в конце июля самолетом пограничной авиации Ан-72 они прилетели вновь в Воркуту. Да не одни. Вместе с Валентиной и Ириной Кузнецовыми, Светланой и Ириной Гурьевыми прибыла одна из звезд Норвегии Моника Кристиансен со своим менеджером.

...Их знакомство с Моникой наметило новые совместные планы. На двух вертолетах Ми-8 МТВ «Арктика» под командованием капитанов С.Пискунова и А.Машкина путешественники вылетели на остров Джексона архипелага Земли Франца-Иосифа.

Цель этого полета заключалась в определении места установки памятного знака выдающемуся полярному исследователю Фритьофу Нансену. Моника Кристиансен планирует осуществить это мероприятие через два года – к 100-летию завершения знаменитой зимовки в 1896 году.

А.Ларин

Из газеты "Морской вестник", апрель 1996 года:

Мемориал Нансена на Русском севере

Полярный экспедиционный клуб «Метелица» на днях представил свой проект «Зимовье Нансена». Во время попытки Фритьофа Нансена и его спутника достичь Северного полюса им пришлось зимовать на одном из безымянных тогда островов Земли Франца-Иосифа...

В память об этих событиях клуб предполагает на месте зимовья соорудить мемориальный комплекс. В него войдут восстановленная на прежнем месте хижина, сооруженная по описаниям и рисункам Нансена, каменная стела с мемориальной доской, приют путешественников для полярных исследователей и часовня, поставленная в память о спасении норвежцев.

Здания будут построены «вчерне» в Подмоскovie, затем в разобранном виде на теплоходе доставлены на остров Джексона. Сооружения планируется изготовить из древесины усилиями русских мастеров «без единого гвоздя».

Из газеты «Вольный ветер», 1997, № 25:

...Продвигается строительство «самого северного приюта», о котором мы сообщали в № 20. К сожалению, в 1996 г. открыть его не удалось – нет денег. Но изготовлена важнейшая часть – мемориальная часовня... Она чем-то напоминает памятники знаменитых Кижей.

Постарались архангельские мастера, сделавшие ее без единого гвоздя из больших красивых бревен лиственницы. Пока часовня законсервирована в Архангельске летом она будет доставлена на остров Рудольфа в архипелаге Земля Франца-Иосифа и установлена там. Не удалось построить «Дом путника», который хотели установить рядом с часовней. За реализацию этого проекта взялась московская фирма, но первоначально спроектированный красивый дом она изготовить не смогла, предложив взамен нечто кубообразное, напоминающее то, что в народе называют «домом неизвестного архитектора». И «Метелица» такой дом отвергла...

В.Венедиктов

Из газеты «Спутник», 14 августа 2004 года:

Арктический экспромт

«Экспромтом на все сто» называет свое участие в экспедиции по высоким широтам Арктики Зинаида Григорьевна Васильева. Четверть века назад она, ни минуты не раздумывая, дала согласие на предложение капитана легендарной «Метелицы» Валентины Кузнецовой стать одной из шести членов женской команды,

готовящейся к арктическому походу.

Юная москвичка, увлекающаяся спортом, много слышала о «Метелице» раньше, восхищалась энтузиазмом, силой воли, мужеством этих людей и мечтала испытать и свои силы. Но попасть в команду было совсем непросто. Подобные предложения нужно заслужить. Обязательное условие – отличная физическая подготовка. Все женщины «Метелицы», в том числе и самая юная из них – наша героиня, в те годы студентка МАИ Зина Бузятова – мастер спорта. Выступая в составе сборной института на лыжных соревнованиях, она и познакомилась впервые с отважными путешественниками. Достоинно выдержав экзамен на психологическую совместимость (потому что доброта, отзывчивость, бескорыстие, трудолюбие, умение не растеряться в любой ситуации в многодневных походах не менее важны, чем выносливость), Зина смело отправилась покорять Север.

Экспедиция стартовала майским днем 1979 года с острова Рудольфа – самого северного на архипелаге Земля Франца-Иосифа и самого северного в нашей стране. Взяв курс на юго-запад, шестеро смелых лыжниц решили повторить большую часть пути Георгия Седова, только в обратном порядке – от места его гибели. Единственным представителем мужского пола в команде был бесстрашный пёс Амур, один из лучших медвежатников Арктики.

...Двигаясь в теплых комбинезонах, девушки холода не замечали, страдало только лицо. Его прятали от секущего снега под специально сшитыми масками. Ночевали тоже при минусовой температуре, считая минус пять в палатке нормой... Ставя палатку для ночевки на трещавший лед, не знали, где проснутся утром... Среди шести членов команды трое, как и наша героиня, были новичками. Груз каждой из участниц похода, личный и общественный, достигал 50 кг.

Хотя трудностей было немало, экспедиция завершилась успешно. Выполнена научная программа, приобретен дополнительный опыт высокоширотных походов. Лыжня, которая почти все время шла по морскому льду, привела команду на остров Хейса. Отсюда отважные покорительницы Севера были доставлены на Большую землю ледоколом «Арктика»...

Т.Суевалова

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОТ ХАЛЬМЕР-Ю ДО УСТЬ-КАРЫ

Серия арктических экспедиций на острова Земли Франца-Иосифа имела для «Метелицы» двойную цель. С одной стороны, трудно было бы выбрать какой-то иной более подходящий полигон, где совмещалось бы сразу столько условий, имитирующих будущую экспедицию в Антарктиду. Ведь свыше 85% архипелага, напомним, занимают льды.

С другой стороны, по мере освоения относительно близкой к Северному полюсу территории команда все реальнее соприкасалась с историей походов своих предшественников–первопроходцев Арктики. И это рождало немало общественных инициатив, которые воплощались впоследствии в целый ряд интересных мемориальных проектов.

На этом фоне определенной разрядкой были маршруты на материке, которые требовали не меньших усилий, но предполагали прежде всего отбор и проверку кандидатов в «главные» антарктические экспедиции. Тренинг такого рода представляла, в частности, поездка в знакомый уже Хальмер-Ю, только теперь дорога от него повернулась на Усть-Кару. И о буднях этого маршрута рассказывают дневники участниц, которых на этот раз было семь: В.Кузнецова, О.Аграновская, С.Александрова, А.Егорова, Т.Кузнецова, И.Кузнецова, М.Хотулева.

30 апреля 1985 года

Валентина Кузнецова

Вчера получили пропуска в погранзону – не верится этому счастью. Столько трудностей, препятствий и тревог: временами казалось, что справиться с этим невозможно. Сегодня последний день, когда мы сможем купить продукты и все необходимое. Марина Хотулева с папой и мамой и при помощи многочисленных друзей готовят нарты, лыжи, крепления, и практически все снаряжение у нее в квартире. Бедная мама Галя! Как она это выносит? Целая неделя почти без сна. И надо накормить и напоить эту ораву. Владик (папа), по-моему, счастлив, что активно готовит что-то «глобальное» у себя дома. Мой муж Миша уже в который раз испытывает сверхперегрузки – на работе и дома в курсе всех наших трудностей. Делает все, что нужно. Как мы его оставим с бабой Зоей, Кузей и Мартышей?

Иришка вчера и сегодня заготавливала продукты – приносит сразу по 20 кг, и так в несколько заходов. С продуктами, кажется, все в порядке.

Главное, чтобы больше не было ЧП, не помешали уехать. Билеты купили на завтра: 21.25, поезд Москва–Воркута. Вчера была с письмом в КГБ (на разрешение в погранзону). Жду оттуда больших вопросов.

1 мая

Светлана Александрова

Рюкзак готов. Завтрак праздничный готов. Еще раз убеждаюсь, что женщина может сделать очень многое и почти невозможное, если ей это очень нужно. Юра провожает меня до станции, смотрю со стороны на свой рюкзак. Впечатляет. Прощай Дубна! Сажусь в поезд до Москвы. Все в вагоне смотрят на меня с уважением, а я с трудом влезаю в вагон, ругаясь про себя на узкие двери. Поезда в столицу, видно; стали ходить быстрее. Один раз открыла глаза – уже Дмитров, второй раз – уже она. Неужели до Москвы стали ходить сверхскоростные поезда?

Еду на Ярославский вокзал сдавать рюкзак в камеру хранения. Опять ругаюсь на узкие двери автобусов и узкие турникеты метро. Сдала рюкзак, стало легко, летаю, как птица.

Теперь к Марине Хотулевой. Ну и бардачок в квартире. Все прыгают, перешагивают через вещи, лыжи, коробки. Господи, неужели во всем этом можно разобраться.

Оказывается, можно. Собираем, упаковываем, отвозим в машину. Перед отъездом решили выпить чаю, чтобы спокойно вспомнить, все ли уложено, все ли сделано.

Вещей много, грузим их в «Волгу». Хорошая попалась машина, сколько вещей в нее влезает! Мы их вчетвером носим в течение получаса, а она не только их разместила в себе и на себе, но и нас тоже – сидим даже с комфортом.

Собираемся на вокзале под часами. Радость встречи. Мы рады тому, что успели собраться, и тому, что все-таки едем. Провожаящие с тоской и завистью смотрят на нас, хотя все в один голос до этого заявляли, что ждут не дождутся, когда мы уедем, что беспорядок в доме от наших сборов уже надоел.

Как проводник посмотрит на нашу небольшую группу людей и огромную кучу багажа? Проводник Федор Яковлевич оказался нашим ангелом-хранителем. Он не только не ворчал на нас, но отнесся к нам с вниманием и помогал при посадке. Провожаящие внесли свою лепту в наш отъезд – загрузили вещи в вагон.

Прощаемся, садимся. Переговариваемся через окно. И вдруг ожидаемо-неожиданно поезд трогается, неужели мы уезжаем? Из глубины души почти вырывается:

«Остановите поезд, я пошутила!» Но процесс, как говорится, пошел. Видим лица родных и близких, изображающих радость на лице, и видим грустный, очень

грустный взгляд Ирины Соловьевой. До свидания, родные, до свидания, друзья!

Размещаем вещи, пьем чай и спать, спать, спать... Отоспаться после напряженных сборов. Стук колес и почти плавное покачивание вагона делает свое дело.

Засыпаем, едва коснувшись подушки.

2 мая

Ольга Аграновская

Нам повезло, проводник Федор Яковлевич – добрейший и внимательнейший человек. Очень чуткий и тактичный, готов в любую минуту прийти на помощь.

Целый день шили, обшивали, нашивали, пришивали. Целое швейное предприятие. Помечтали, как было бы хорошо ехать на Камчатку 6 дней в поезде – и все шить, а потом еще шить и 4 дня на теплоходе. Мечты, мечты, но надо писать и поздравительные открытки друзьям. А пока на вопрос соседа по купе Славы, как мы с этим грузом сможем сдвинуться в Воркуте, ответили наивно и чистосердечно, что у нас вся надежда на единственного мужчину – его!!! От этого открытия он не мог в себя прийти, почти целый день был задумчив и не выходил из своего купе.

Настоящим мужчиной оказался Федор Яковлевич. Он с нами завтракал, ужинал и всячески старался помочь.

3 мая

Валентина Кузнецова

С утра опять шьем. В 13.13 приходит поезд в Воркуту. Лихорадочно пишем открытки, их около 70 штук. Всех надо поздравить – а друзей много. За окном снег.

Легче стало на душе – лыжи должны пойти. В Воркуте Федор Яковлевич тепло простился с нами, и мы остались одни с огромной кучей вещей на платформе. Я с Тоней отправилась на другой вокзал, с которого надо ехать на Хальмер-Ю. Автобус или машину для вещей нам найти не удастся. Но наши славные девушки уже сами разыскали автобус и погрузили туда все вещи. Очень самостоятельные. На мое замечание, что могут обойтись и без руководителя – радостно с этим соглашаются.

Без приключений заносим вещи в чистый, теплый зал вокзала Хальмер-Ю. Оказывается, нас здесь уже ждут с 30 апреля. Подарили девушкам-работницам этой станции цветы, которые на прощание дали нам в Москве. Они очень рады. При

погрузке в вагон наш проводник Нина Андреевна была сурова и непримирима: с пристрастием искала бензин. Бензин «спасла» кондуктор соседнего вагона Валюша.

4 мая

Марина Хотулева

Подъем в 4.30 утра в поезде. Хальмер-Ю. Собираемся, одеваемся и начинаем выносить весь груз на улицу. Перетащили вещи к вокзалу. Он закрыт. Ждем, пока откроют. Открыли. Занесли вещи, растопили печку. Все занялись делами. Света готовит завтрак, Марина голодает и делает нарты. Тоня проверяет примуса.

Остальные разбираются в снаряжении и продуктах. Завтрак. Едим геркулесовую кашу – очень вкусно. За последние четыре дня – первая горячая пища. Попили кофе и опять за работу. Капитан со Светой пошли в Хальмер-Ю за «чехлом» для ружья. Тоня, Ира собирают нарты, прикручивают лыжи. Им помогают местные молодые люди.

Таня и Оля разбираются в продуктах. Время летит быстро – дел много.

Обед. Рыбный суп, картошка с мясом, чай с конфетами и вареньем, колбаса, сыр... После обеда Тоня распределила между всеми груз, каждая перенесла причитающуюся ей долю в свой угол, разобрали нарты и начали их упаковку.

Загружаем нарты. Появляются офицеры и приглашают на встречу в воинскую часть. Марина, Света, Ира, Оля... – капитан представляет нас военным так, что уже при жизни можно всем памятник ставить. Затем рассказ про «Метелицу». Всем понравилось. Сфотографировались.

Вернулись на вокзал – последние приготовления – и все, прощай цивилизация, в путь!

21.00. Пошли сначала ногами. Дошли до заставы. Последняя проверка документов. Еще чуть-чуть нас провожает знакомый Андрюша, который служит на последнем КП.

Он оказался очень щедрым – подарил нам лыжи.

Погода плохая. Идет снег, ветер, туман. Прошли пять часов и встали на ночёвку.

Валентина Кузнецова – единственный, похоже, среди нас «охотник» – пытается разобраться в ружье: долго его разбирает и пытается собрать. Получилось.

Продemonстрировала всем умение собирать его и долго показывала манипуляции, сопутствующие стрельбе. Все в порядке. Теперь медведи ни белые, ни черные нам не страшны. Запаслись ракетами.

5 мая.

Антонина Егорова

Снег, ветер, пурга.

Утро -5° ,

Вечер -3° .

Ветер порывистый.

Встали на ночевку в три часа ночи. Светло. Место выбрали в излучине реки. Ветер раскачивает стойку палатки. Проснулись поздно. Дежурят Ира и Марина.

Оказывается, в этой палатке нет места для кухни, пришлось вырезать.

Первый день в тундре, и потому повышенная деловая активность: Ира пошла за снегом, Таня с Олей проводят занятия с релаксационным прибором. Света и я пишем дневник. Я укрощаю слишком уж строптивый примус, а Марина на кухне. Таня изумляется психологам, выдавшим нам инструкцию к прибору: в ней не указано ни одной ручки, а подробно рассказывается сама суть дела. Наша доктор хмурая, Иришка старается ее сфотографировать: «Тетя Таня, веселее, не хмурьтесь, снимаю!»

В ответ монолог:

— Как же я могу улыбаться с таким прибором? (Под общий хохот). Меня заставляет с ним разобраться только одно: чтобы не подумали, будто мы не смогли, а Шпаро смог.

Бедная Таня! Спать так и ложится в тревоге за прибор, способный, казалось бы, успокоить всех. Знать бы только, на какие кнопки нажимать...

Проснулись, а пурга усиливается. Правда, наступали просветления, но чем ближе срок выхода, тем, по-моему, волнение становилось сильнее. Марина и Света вышли доделывать стенку, поскольку ветер поменялся. Ирина взялась их фотографировать,

а остальные в палатке заняты психологическими тестами. Как штурман немного волнуясь по поводу видимости. Ничего не разглядеть и нельзя точно сориентироваться. Но, думаю, что пурга будет недолго. Настроение у всех, несмотря ни на что, хорошее и бодрое. Оптимизма никто не теряет, погодой нас не испугаешь. Выход намечен на 21.00, но скорее всего задержится.

Сегодня, как психологи сказали, «благоприятный день». Еще бы, целый день пурга и мы спим. Заполняем психтесты и общаемся. Жаль, что нет маленького магнитофончика, интересно было бы прослушать.

6 мая

Ирина Кузнецова

Пурга, снег, ветер

20 м/с, порывистый.

Утром –10°,

Вечер –18°.

Пурга. 19.15. Досиживаем в палатке вторые сутки. Мы с Мариной теперь общим решением и божьей милостью – «начальники по дневнику». Трижды уже собирались трогаться в путь, но погода заставляет одуматься – иной раз и туалета, до которого от палатки метров 5-7, не видать, так метет. Девушки отсыпаются за все время сборов и подготовки, да еще и на год вперед. Острят по этому поводу: «Курорт – мечта хозяйки: сладкая жизнь – спать да есть, есть да спать».

Правда, за это время успели часов пять, наверное, пообщаться с релаксометром, уговорить его работать, как объясняли психологи, но договориться с ним пока нет никакой возможности, оказывается, он реагирует только на стерильно чистые руки. Но Таня с Мариной еще не утратили надежды, и Марина продолжает ковырять его ножницами и крепить контакты лейкопластырем где-то в спальнике (и проявляет при этом завидную выдержку и находчивость (помните: «Шпаро преуспел, а мы-то чем хуже!»)).

Метет без конца и без отдыха. Под палатку нанесло снегу так, что она уже напоминает летающую тарелку. Нарты занесло совсем, вход потихоньку замечает.

Снегопад небольшой, но ветер такой, что заставил задуматься о целесообразности покидать палатку даже по естественным надобностям.

Несколько раз поправляли натяжку. Утром в палатке прошел с потолка кратковременный дождик из конденсата. Завтрак: геркулес, кофе. Дежурили Таня и Валя Кузнецовы. Поели и спать легли. Люську, куклу, на палаточный шест прицепили, она веселая, всем улыбается. Народ не унывает, чувствует себя прекрасно как физически, так и морально. Острят, шутят и пребывают в прекрасном расположении духа.

Сегодня с утра потихоньку стали вспоминать о наших мужчинах. «Рахомяжка» Сережа, Миша Кузнецов, Боря Павлов, Борис Тимофеевич, Володя Егоров, Маринин папа... Обо всех с теплотой и юмором. Шутят, хохочут, особенно Оля Аграновская. Сделали с ней снимок «В школу – за двойками» – она косички заплела. Говорит: стоят от грязи. Тоня недавно обожглась, примус из палатки горящий выкидывала. Но вроде бы несильно.

Спать тепло. В палатке $+2=3^{\circ}$. Таня, доктор, каждое утро измеряет давление и пульс, пришла сегодня к выводу, что подобная жизнь действует на всех благотворно. Ничуть не жалею, что вышли, что сидим пургу здесь, а не в Хальмер-Ю. «Наверное, будем сидеть, пока пурга не стихнет», – эту фразу Тоня примирительно сказала только что, а то все порывалась «пойти в бой». Но ветер северный, идти по 500 м/ч ему навстречу нет смысла. Палатку треплет так, что сначала с каждым порывом казалось, будто вот-вот сорвет. Но ничего, пока держит. Снежные стенки от ветра помогают. К ветру привыкли, все спят спокойно. Вот и сейчас тоже. Вход занесло на одну четверть. Иду разгрести.

7 мая

Татьяна Кузнецова

Утром -6° , снег, туман.

Днем снег, туман, иногда солнце.

Вечер -5° .

Проснулись в 7 часов утра. Палатка сотрясается от ветра, но девочки говорят, кто-то видел кусочки голубого неба, значит пурга должна кончиться. Два дня лежать в палатке все устали, просятся на выход. Позавтракали гороховым супом (Ира и Марина не ели) и в 10.50 двинулись в путь. Первые 3-4 часа была метель, ветер все время менял направление. Вначале останавливались довольно часто, у каждого что-то не ладилось, ведь сегодня, по сути, настоящий первый выход.

Когда метель стала утихать, а небо проясняться и появилось солнце, тут тундра показала себя во всей своей красе. Идти стало веселее. После 16.00 метель совсем стихла, и пошли уже в полное удовольствие.

Шли до 20.30. Встали на левом берегу реки, красиво, тихо, свежий снег. Быстро поставили палатку. Света с Олей сварили потрясающую гречневую кашу, предложили масло в неограниченном количестве, открыли икру минтая, порезали лук и красную рыбу. Царский стол. Настроение прекрасное, аппетит великолепный. (Ира и Марина выстроили к тому же еще царский туалет). Около 23.00 – отбой.

Ира сегодня много фотографировала. Прошли за день 20 км. Для первого выхода неплохо.

8 мая

Светлана Александрова

Ветер с/з и западный.

Утро – +2°.

Вечер –7°.

Встали опять в 7 часов утра. Погода – белая мгла. Солнечно, но само светило не видно сквозь завесу снежинок, висящих в воздухе. Сравнительно тепло. Боюсь, что скоро придется перейти на ночные переходы. На сборы и завтрак ушло 4 часа. Вышли в 11.00.

Подлип. Снег мягкий. Идти тяжело. Иришкины сани переворачиваются. Все пытаются помочь, подтолкнуть палками, и в результате металлическая 10-литровая канистра с бензином была проткнута. Бензиновый след протянулся чуть ли не на 5 км, пока мы это заметили. Остановились. Уже подморозило. Ветер северо-западный и западный. Очень сильный. Пока на ветру переливали в примуса бензин, все продрогли, а Тоня не могла долго отогреть руки в меховых рукавицах.

Вышли к каньону реки. Крутой и длинный спуск. Стали спускаться. Волокуши пустили самотеком, а «обремененные лыжами» люди с большим трудом, но тоже в конце концов оказались внизу. Каньон «фотогеничен», но нам не до съемок. Вчера много позировали Ире. Сейчас же все устали, не до «публики».

Встали на ночлег в 21.30. Холодно. Однако все, кроме дежурных, дружно строят стенки и туалет – это входит в традицию. Поужинали. Усталые и довольные –

все-таки поработали на трассе неплохо – крепко уснули. Не знаю, как остальные, но я с особым ожиданием – завтра праздник.

9 мая

Валентина Кузнецова

Утро –3°.

Ветер, солнышко изредка.

Проснулась раньше других. Все спят. Так как легли поздно и очень устали: 20 км по очень трудному пути. Сегодня самый любимый праздник, надо отметить.

Специально для торжественного дня наш большой друг полярный писатель Володя Санин передал немалого размера и очень красивую коробку с шоколадным набором.

Достала выпел, удостоверения, сувениры и эту коробку. Подписала все, разложив на спальном мешке Марины, как на столике.

В 8 утра, когда девочки встали, поздравила каждую с праздником и вручила удостоверения и выпела с сегодняшней датой. Конфеты, шоколадный набор привели всех в восторг, сразу все окончательно проснулись и попросили «чаю в спальник». Быстро разыграли в лотерею деревянные расписные солонки. Тоня разожгла примус, и стали готовить праздничный завтрак.

Настроение приподнятое: решили изобразить и праздничную баню. Ира, Марина и Света разделись до трусиков и побежали в снег принимать «ванну», а остальные, тоже раздевшись под банный вариант, усиленно пользовались денатуратом «лесная вода» и дали возможность подышать телу.

На кухне же Танюша и Олечка готовили суп из шампиньонов, кипятили воду для кофе. Тоня внесла санки, в которые обычно ставим лыжи, мы используем их в качестве праздничного стола. Тут появляется Оля с бутылкой шампанского. На стол поставили красную икру, лосось, ослепительный шоколадный набор и Мишины сухари из Поляницы, которые он разрубал топором. Открыли шампанское, все встали и с криком «ура» выпили за «Победу», которая у народа нашего «одна на всех».

Таня подала суп из шампиньонов. Вместе с Мишиными сухарями и мороженым луком он оказался божественно вкусным. Такого не встретишь в лучших ресторанах мира, а только в нашем шатре «У Люськи». Кстати Люська присутствовала на

самом почетном месте за столом.

Тут же за праздничным столом решили перейти на ночной режим. Испытанный уже прием для полярных лыжных переходов.

А пока немного понежились, передохнули и опять за дело. Тоня, Света, Марина занялись столярно-фрезерно-слесарным делом. Кинжалами срезали лишнюю верхнюю часть древесины у Андриюшкиных пограничных лыж, а Марина еще Таниными хирургическими медицинскими ножницами уверенно сверлит отверстия для крепежа лыж. Оля и я пишем дневники. Иришка мучительно выбирает позиции для съемки, Таня в очаровательно серых рейтузах пытается всем помочь. Хорошее качество. Чувствуется отличница.

Света пробует стружку на язык: «Ура, пошел алюминий». Это значит, что лыжа потихонечку приворачивается. Настроение вполне праздничное. Спать ложимся в 18.30. Решили отдохнуть до 22 час., чтобы в час ночи выйти. Готовить не стали, попили чай из термосов. Встали в 22.30. Приготовили кашу пшеничную и кофе.

Поели. Укладываем нарты, снимаем палатку. В это время кто-то острит, что в такую погоду «хороший хозяин собаку не выгонит, а мы в отпуске... так отдыхаем».

А что, выходим-то всего в какие-то -25° !

10 мая

Татьяна Кузнецова

1.45. Выходит солнце. Такие краски только у Рокуэлла Кента и Рериха (на Аляске и в Гималаях). Оказывается, у нас на Севере еще прекраснее.

Пошли по каньону реки. Красиво, но снег глубокий, ветер свирепый, и идти очень тяжело. Первое время двигались в пуховках, вспотели, у Оли долго не могли согреться ноги. И хотя ботинки на четыре размера больше, они все равно узки. Оле совсем некомфортно. Тоня идет с ее нартами. Я иду с санками, поставленными на Андриюшкины лыжи. Перевернулись всего один раз.

После вчерашнего праздника с таким изобилием на столе дискомфортно чувствует себя не только Оля. У доктора появилась работа, раздаст таблетки фестала. Идти не становится легче. Мороз за -20° и ветер почти штормовой. Но идти надо. Кто-то сказал, что это – «дорога жизни». Лучше не скажешь. После военного праздника – фронтовые ассоциации. Только вперед, только к победе, но идти-то надо без срывов, перегрева, не потя. Идешь медленно – мерзнешь, а быстрее – быстро и устаешь,

причем, что наиболее неприятно – потеешь. А потеть в такое время – гибель (мягко говоря).

Попытались выйти из каньона, пойти верхом. Там тоже много снега, ну, и ветер – вероятно, за 25 м/с. Спустились опять в каньон. Он узкий с красивыми серо-черными причудливыми обрывистыми берегами. Ира, у которой самые тяжелые волокуши, не выдержала и начала фотографировать. Руки не вытащишь из рукавиц – сразу же коченеют.

В 8.00 утра вышли из каньона, который уходит вправо. Нам теперь с ним не по пути, и двинулись четко на север верхом. Ветер не унимается – северный и в лицо.

Здесь свирепая ситуация, но и нет низины, где бы встать.

В 9.00 решили бросить якорь в открытом продувном месте, ничего не оставалось. Палатку вот-вот унесет как ковер-самолет. Палки дно не держат, пришлось дно укрепить лыжами. Света и Оля дежурные – готовят обед, а мы должны построить от ветра стенку и туалет. Строили более двух часов. Зато как хорошо в палатке после трудного дня. Мы с Тоней есть не стали (попили чаю), а у других аппетит разыгрался. Это хорошо. Марина и я завели разговор о традиционных методах лечения. Интересно. Уже 13.00, а заснуть никто не может. Но надо. Решили спать 7-8 часов, до 20-21 вечера.

По моим часам в 17.00 услышала гул вертолета. Приближается к нам. Ищу ракету или ПСНД. Девчонки спят. Нашла что искала, а вертолет уже улетел. Жалко, но в то же время и хорошо, что они не проснулись, вчера почти не спали.

Да! За сегодняшний день у многих обгорели лица. Очки запотевали, и ночью их не опускали на глаза. Вероятно, их надо и внутри протирать солью. Появились, совсем некстати, мозоли на ногах.

19.00. Пора будить Тоню. Но жалко. Пусть поспит еще час. Она, как и я, немного приболела. Примеряюсь ко времени несколько раз. Что-то слишком долго идет этот час. Без 5 минут 20.00. Спрашиваю Марину, уточняю время и узнаю, что сейчас 23.57, то есть проспали 13 часов. Вот тебе на! А могли бы, впрочем, проспать и больше.

На улице слабый ветер и -25° . Некоторые опять шутят насчет отпуска и нежелания потому вставать, но вода для каши рисовой уже закипает, надо готовиться к выходу.

11 мая

Ольга Аграновская

1.20. Готовится каша. Ира и Марина, подмерзшие ночью, не могут еще отогреться. Я выразила нежелание идти при таком кошмаре. Света под общий хохот предложила перейти на дневной режим, а девчонки поправили, что это не изменит ничего, поскольку круглые сутки температура «холоднее» -20° .

Девчонки неузнаваемы. Отекли лица. Вместо глаз узенькие щелочки. Настоящие чукчи. В палатке не видно соседа от тумана. У одной кастрюли нет крышки, пар при варке каши сразу выходит. Плохо, что палатка без вкладыша. Отпотевают и течет. Не свое снаряжение! Свое ждет нас на Северной Земле.

Вышли в 4.30. Первые 1-1,5 км прошли по ровной местности, а потом спустились в русло реки и... большой подъем. Думали, что он один, и с энтузиазмом по три человека на нарты с отдыхами, но его преодолели. Прошли еще 1-1,5 км, и опять спуск и большой подъем. Взгрустнулось, однако нас развлек белый заяц, который выскочил просто под ноги. За разговорами и впечатлениями по поводу зайца незаметно проштурмовали еще подъем. Но каково же было наше удивление, когда подъемов оказалось шесть, и за шестым нас ждала уже колония зайцев, примерно штук 50. Мы вспомнили нашего знакомого охотника – Бориса Тимофеевича. Он такого никогда не видел.

За день, 10 часов, прошли всего 15 км. Устали так, что уже еле двигались. Целые сутки температура воздуха за -20° . Внизу в ущельях было очень красиво, солнце ярко светило и ветра почти не было. Зимний рай. А сверху такие ветродувы, что еле стоишь на ногах. Для остановки снова хотели найти низинку, но таковой привычно не оказалось.

Встали наверху. Стенка. Туалет. Ира до изнеможения и обморожения ловит солнце для снимков. Сегодня опять прилетал вертолет и улетел на север. Может быть, контролирует нас? Когда устанавливали палатку, более 100 зайцев (не меньше) перебежало на северную трибуну: они наблюдали за нами, пока мы были за палаткой.

12 мая

Валентина Кузнецова

На сей раз проснулись в 5.40. Марина, дежурная, уже приготовила кашу гречневую. Девушки посмотрелись в зеркало и...

Ира: – Давайте я с утра сделаю коллективный портрет.

Света: – Тогда нам скажут: «Я возвращаю Вам портрет и о любви Вас не молю!»

Таня: – Природа специально на севере делает узкие щелочки глаз, чтобы меньше свет солнца попадал в глаза. Посмотрели друг на друга? Вот так, спокойно – все адаптировались к тундре.

Марина: – Кстати, от таких глаз очень помогает гречневая каша.

Сегодня утром – каша гречневая в койку, а также чай, сыр, лимон. Отекли почти все, кроме Марины. Или, по своему же рецепту, ест много гречки, или же, что вероятнее, пьет очень мало.

Утром вышли и видим: наша палатка оказалась как бы в центре стадиона, все «трибуны» вокруг заняты зайцами. Вероятно, их не одна тысяча.

Стартуем в 9.00. Прошли 3 км, и тут мы с Тоней решили проверить, где пойти лучше. Тащить тяжелые нарты по горам – это очень накладно. Надо найти обход.

Ходили почти час, нашли путь получше, но он нам показался все-таки тяжелым – большой подъем. Решили поискать левее. И так вели разведку еще очень долго.

«Куча эмоций на 1 кв.км». Прошли примерно 10 км очень тяжелых и сложных спусков, долго искали выход и нашли... тот же утренний вариант. Казавшийся ранее таким тяжелым подъем взяли без звука, на звуки уже сил не осталось, по инерции одолели еще 5 км.

Встали в 19.00 в маленькой низинке. Температура воздуха -20° . Все мокрые, потные ставим палатку. А вот готовы уже стенка и туалет необыкновенной красоты.

Готов ужин, мы всех зовем, но выясняется, надо немного подождать – в только что построенный «необыкновенный» туалет очередь: всем хочется опробовать.

Ложимся в 23.00. Подъем должен быть в 7 утра. Но долго еще, тем не менее, говорили. Ужин прекрасный переваривали. Только сумасшедшие могут быть счастливы в такой ситуации.

Все очень устали. Трудности в этом походе с первого дня пути. Каждый день испытания. Сначала – теплом, потом – сильнейшей пургой, после пошли морозы с сильным ветром, а как только морозы понизились до -10° , сразу же начались такие жуткие подъемы на пути, что и со стороны вряд ли верится, будто их можно взять с нашим немалым грузом. Оказывается, можно.

Сегодня объяснились. Проще некуда: все оказались здесь только потому, что я люблю их, а они меня. И каждый друг друга.

13 мая

Ирина Кузнецова

В этот день с утра +1. Безветрие. Солнце. Рай. Сказка. Мы с Таней по-прежнему дежурные. Но теперь уже в «сказочной» обстановке. Приготовили овсяную кашу, все поели ее с большим удовольствием. Сегодня день тестов. Медики берут бразды правления в свои руки. Вчера все устали, идти сейчас в плюсовую погоду просто неграмотно, а замерить эти перепады, последствия безобразий – самое то.

Дали небольшую дневку. Решили выйти днем. Сообщили об этом известии. Радость. Вынесли спальники, пуховки, меховые безрукавки и другие вещи сушиться. А сами... Ну, конечно, стали себя очень внимательно рассматривать и заниматься медициной и косметикой. Таня всех лечит, а я, главный косметолог, готовлю клиентов для лечения, хотя и не все выдерживают экзекуцию. Марина делает массажи. Мы шьем, пишем, радуемся отдыху и солнцу. Последнему, правда, с оглядкой: мы ведь понимаем, что солнце – наш главный враг. Таня меряет давление. Говорит, что у В.М. давление лучше, а Оля поясняет, у А.Е. зато зубы лучше. Общий хохот.

Каждый смеется во всех самых сложных ситуациях, зато нет препирательств, шума, криков, давлений, нареканий. Может быть, это и не совсем хорошо, но, думаю, что атмосфера в таком трудном походе – главный результат. Успели до 13.00 пересушить все, подделать, дописать дневники и некоторые легли отдохнуть до 14.00.

Как мало времени на отдых, а впереди 12 часов адской работы. Тоня, Света и Оля на кухне. Готовят любимое блюдо путешественников по тундре – кашу.

Споры, к сожалению для зрителей, у нас никогда не доходят до драки. Они идут только на медицинскую и научную тему. Главная тема: релаксометр любит все-таки грязные или чистые пальцы? Главный медик Таня утверждает, что лосьон очищает руки, а главный химик Марина говорит, что еще остается соль. На службе она имеет дело с рассолом, и после общения с этим веществом пальцы в розетку советует не совать. Поручили выяснить и доложить на собрании, как будем дальше поступать с лосьоном.

Вышли в 18.00. Подморозило до –10°, безветрие. Огромные волнообразные холмы,

и за каждым неизвестность, очень хочется спросить (непонятно лишь кого): что там? В 20.00 увидели впереди движущиеся точки. Разглядели: две упряжки оленей. Идти стало веселее. Подошли два ненца: Петр молодой (31 год) и Гриша его отец (65 лет). Сказали, что через 3 км – их чум, а в нем – мать Ефимья.

Чум нас поразил: внизу снег, сверху дырка в небо, внутри дым. Хозяева сварили голову оленя. Оля в ответ – гречневую кашу. Поели. Погостевали. В 3.50, уже 14 мая покинули пляшущих гостеприимных хозяев.

14 мая

Антонина Егорова

Покинули семейный чум не все. Марину оставили с волокушами, рюкзаком и со шкурами оленей. Петя на нартах обещал доставить это добро к нам вместе с Мариной.

Пока же мы преодолели неприятный спуск и двинулись по реке к Усть-Каре. Прошли чуть больше 1,5 км и нас догоняет Марина с одним рюкзаком. Петя с волокушами (фотоаппарат, бензин, пуховый спальник и т.д.) обещал быть позже. Где-то ближе к шести утра встали на реке. Откомандировали Иришку и Марину в чум, беспокоимся за вещи. Контрольный срок – три часа. Прошло полтора – держимся, терпим. Поставили палатку, но мешки не разбираем, ждем. Следующая пара – я и Таня – должны быть готовы к истечению контрольного времени, остается полчаса. Нет, почти час. Вдруг слышим какой-то шум, это бежит к нам упряжка из пяти оленей, а в ней Петя с нашими девочками. А мы боялись!

Попили чаю. Поблагодарили нашего помощника. Чаепитие и беседа с Петей, однако, затянулись настолько, что девочки по очереди стали засыпать. В конце концов Петя «пошел смотреть дорогу». Что он там смотрел неизвестно, но позже выспавшиеся девушки нашли его спящим в нартах. Он сидел головой вниз и видел, наверное, сладкие сны.

Двинулись в путь в девять вечера. Все на лыжах, а Марина с частью груза – на оленях. Идти хорошо, слабый морозец, снег чистый («мечта тестометра»), скольжение что надо. Почти нет ветра. Но ночью все изменилось.

15 мая

Светлана Александрова

Ближе к пяти утра начался жуткий подлип снега. Километр шли в результате

больше часа. Встали у реки Кары на ручье. Петя тут же отпустил оленей покормиться. Заслужили. Поели, естественно, и мы. На этот раз суп. В 8.00 благополучно залегли спать. Петя – на снегу, в палатке ему душно. Мы же, наоборот, жару радуемся.

В 16.00 дежурные готовят пшеничную кашу. Пора двигаться дальше, но что-то не видно Пети. Волнуемся. Привыкли за день, что наши санки и волокуши (самый неудобный транспорт) везут оленей. Марина вместе с Петей и грузом – идеальная для нас пара... Попили кофе. Уже совсем пора, но Пети нет. И тут звон колокольчика и едет упряжка, а на ней три человека. Петя привез с собой двух друзей – Гену и его отца Никиту. С ними две оленьи шкуры, чтобы в палатке лучше было.

Приехали гости – надо угощать. Выложили на стол колбасу, шпик, сухари, конфеты и, конечно, немного спирта. Гости оживились, разговорились, и у них начался праздник помимо нас. Нам надо в путь, а олени Пети ушли. Стали спасать ситуацию. Двух приехавших отвлекли девушки, а я с Петей на их упряжке уехала искать «наших» оленей. Вот положеньице! Стоять на месте не можем – время уходит, днем катастрофически теплеет, в эту пору бывает, что здесь уже даже вскрываются реки.

Искали оленей долго. Нашли-таки и довольные спустились к палатке, а гости все не хотят уезжать. Танцуют и поют. Гена злой – бьет оленей. Для нас это тоже удар, мы не привыкли к такому. Правда, на фоне Гены наш Петя – венец благородства, доброты и порядочности. В одиннадцатом часу вечера тронулись. Гена за нами! Ход хороший, легкий. Ночь светла, как ясный день. В какой-то момент, наконец, Гена с Никитой (которого тот все время терял по дороге) оставили нас в покое и поехали к своему чуму.

16 мая

Валентина Кузнецова

После долгого ночного перехода в восемь утра мы с Таней, дежурившие на хозяйстве, легли и сразу уснули. Петя спал на оленьей шкуре у входа. Чтобы не дуло, на него я положила свою пуховку. Часа через полтора-два просыпаюсь от страшного шума. Палатка еле стоит на месте, крепежная палка у кухни выскочила. Вышла за палатку, ветер штормовой, температура около нуля. С нашей стороны в палатку бьет дождь. Моя пуховка – вся мокрая. Закрыла Иришку, Марину, себя плащом и снова легла. Но до 12 часов заснуть не удавалось. Пурга страшная. Стала под ее вой засыпать.

Где-то в два часа встали девочки. Видят, палатку вот-вот сорвет. Света, Ира, Тоня пошли ее укреплять. Вышла и я. Температура уже -14°C . Ветер такой, какого мы до сих пор не встречали. Более 30-40 м/сек. Это точно.

В 16.00 Света взялась готовить кашу рисовую, поскольку все решили, что бороться с пургой можно только сытыми. Большая моя промашка – не нашла общего языка с Тундровым, почитаемым здешним духом, еще в первую предупреждающую пургу. Теперь даю ему угощение – в красной кружке спирт, сухари, кусочек сала, и всё это Ира выставила у входа за палаткой. Надо уважать местных духов! Угостили заодно и Петю – он доволен. А девчонки стали петь песни. Пусть Тундровый видит, что мы не больно уж его и боимся...

Спрашиваю Петю:

– Тебе страшно?

– Нет! – отвечает он. – У меня светлый чум, семь баб и все мои!

Да, Пете повезло. Ему у нас хорошо, наш чум светлый и нас много. Можно поэтому много услышать и много говорить. К тому же мы его опекаем, заботимся о нем.

Он наш Дерсу Узала. Необыкновенно скромен и тактичен, совсем не мешает, как зайчики, которых мы видим в таком большом количестве. Кстати, Петя видел свежий след росوماхи.

К десяти вечера засыпает одну сторону палатки почти полностью. Надо откапывать снег, а не то лопнут стропы крепления. Подождали примерно час. И Марина нырнула в ад, взяв с собой лавинную лопатку. Отверстие у двери не смогла заделать, стала откапывать стенку и... вдруг палатка начала оседать и заваливаться снегом. Это через отверстие в двери проник ветер и колом вверху купола пробило дырку в нашей крыше. Катастрофа! Позвали Марину, а за палаткой действительно такой ад, что она ничего не слышит. Когда Марина подошла к входу, все девочки руками старались закрыть дырку, которая под напором стихии вовсю сопротивлялась их усилиям. Надо зашивать – иного способа не придумать.

Ремонтный набор в волокушах. Попросили Марину принести инструмент и остальное. Нашли иголки большие, капроновые нитки. И это все, пока одни держат вырывающуюся из их рук ткань, а две другие пытаются шить... Иголки плохо проходят через жесткую материю, помогаем протаскивать металлические стержни плоскогубцами. Через 1,5 часа героической борьбы дыру, наконец, затянули капроном. И принялись за кол. Пришлось этот алюминиевый штырь подпиливать маленькой ножовкой и с огромным трудом привязывать его к центру палатки,

которую ветер продолжал так же яростно вырывать из рук. Как могли обмотали эластбинтом злополучный кол, а потом поставили в аварийный режим всю наличествующую мускульную силу. Стали работать «атлантихами», сменяя друг друга в качестве подпорок. Трое очередных держат собой палатку и качающийся кол, а остальные лежат, потом тот же вариант продолжается со сменщиками.

Сколько продлится пурга? А главное, сколько смогут держать «небеса» доморощенные атлантихи? Пока им остается лишь стоять и петь оптимистические песни. Тут «Степь, да степь кругом» не проходит. Видимо, мы здорово разозлили Тундрового своим разбавленным спиртом... А может, он завидует Пете. Тому хорошо. Он спит.

Так положено, коли он наш гость. Не ему же держать чужой чум. Да и не с его ростом. К тому же покашливает что-то, и Таня выдала молодому ненцу какие-то замечательные пилюли. Доктор Айболит ты наш!

А в это время дежурные и свободные от непредвиденной нагрузки атланты в женском обличье мечтают о том, что в следующий раз их палатка должна быть с двойными стенками, ботинки с бахилами теплыми, меховые варежки с водоотталкивающим ворсом... То есть на полном серьезе думают о будущих походах в полярном краю. И все, конечно, еще волнуются, как там их близкие в своих таких теплых, но далеких домах. Бедные, они знают о нашем приходе 12 мая, а сегодня-то уже какое?

17 мая

Валентина Кузнецова

«День благоприятствия», как предупредительно окрестили его наши психологи, сулил нам контрольные тесты. Мы должны были назвать свою любимую цветовую гамму и ответить, с кем бы я «пошла в поход». На этот вопрос нынешняя ночь, между тем, считайте, уже ответила. Все молодцы, никто не дрогнул и не подвел друг друга.

Пурга шумит, палатку держим собой, а думаем исключительно о будущих совместных путешествиях «хоть на край света», ну и немного о совместном возвращении отсюда, причем желательно – пока о нас не забыли и хоть чуть-чуть, но все еще любят. Особенно на работе.

Учитывая, что поход «майский», я не взяла себе и Иришке пуховые брюки. Большой глупости и не придумаешь... Этой мыслью я невольно вернула себя в холодную реальность. Второй реальностью оказалось то, что уже 12.00 и Света

сварила суп. Который мы успешно тут же съели. Должны же быть хоть какие-то успехи в день благоприятствия.

Уточнили с поевшим тоже Петей, что мы находимся сейчас приблизительно в 30 км от Усть-Кары и 16 км от избы Терентия. Кроме того, по информации собеседника, у них тоже зимой была такая пурга, что чум просто унесло. Они пережидали стихию под нартами в оленьих шкурах. Невеселая жизнь у местных жителей! Хотя есть и своя большая радость – нетронутая, непревзойденная по красоте тундра и еще свобода. И что там трудности? Привычна адская работа, когда жизнь заставляет перевозить и снова ставить чум, искать «дрова» – выкапывать из-под снега кусты ягеля, обеспечивать себя съестным, подолгу находясь в автономном по отношению к миру положении. Впрочем, иногда им нравится и другое. Не зря Петя рад общению с нами, ему нравится наша компания.

Девочки вышли из палатки. Нарты не откопать. Градусник пургу не выдержал – ртуть раскололась на части, «плюс» и «минус». Надо доставать запасной.

Кто думал, что природа пошлет нам такие испытания? Марина вот сказала, что ее мама отпустила в поход только потому, что она пойдет вместе с Валей и Тоней.

Общий смех. Знала бы мама Галя, с какими рискованными людьми она отпустила свою единственную дочку. Я не приминула вслед за Мариной заявить, что папа Миша Кузнецов тоже спокоен, поскольку его дочка Ириша с мамой в одной команде.

И снова – хохот. С такими, дескать, родителями – благоденствие каждый день, а не только в предписанные психологами сроки.

18 мая

Валентина Кузнецова

С 0.30 ветер немного поутих, палатки треплет тоже меньше. Решили облегчить жизнь атлантихам – сократить их стояние до чел. часа. Так и легче поспать, не особенно дергаясь. Как раз, кстати, мое дежурство – я сменила Марину. Очень непросто работать «атлантом».

Дает о себе знать поврежденный в поездке копчик. Пока стояла, переминаясь с ноги на ногу, вспомнила, что есть еще одно слово, подходящее для этого случая.

«Кариатида» – гораздо более женское обозначение выпавшей на нашу долю архитектурно-строительной функции. Вспомнила, ведь все-таки училась когда-то

еще и в архитектурном техникуме... Танцую. Так немного полегче. Хотела подежурить побольше, но строгая Таня-докторша в 7.00 открыла глаза и как по команде пришла на смену...

Петя пошел к оленям. Жизнь опять начинается. Дежурные готовят завтрак. В 13.30 заполняем те самые тесты психологов. Делаем это старательно, не хотим огорчать Таню, которая нервничает, поскольку ей надо было быть в Москве еще 16 числа. С тестами ей помогают Света и Тоня. При составлении цветовой гаммы решили протестировать и Петю. После выяснилось: его, Ирины и Марины цветоощущения почти совпали. И возникло всеобщее ликование: это, мол, судьба и теперь они остаются с Петей в тундре, а мы будем к ним в чум приезжать как на летнюю дачу.

15.30. Пурга не кончается третьи сутки. Олени стоят. Петя и Ира вяжут узлы, Оля обшивает белые шерстяные варежки капроном. Таня, Тоня и Света откапывают нарты. Долго не могли найти волокуши, но нашли, причем именно там, где я их видела в тот момент, когда перед пургой занимался мокрый снег, похожий на дождь.

В палатке же в это время начали подумывать о супе («хлебе насущном»). Хотя зачем, собственно, переводить продукты и бензин на бездельников?..

Опять душевно пообщались с Петей. Ему надо вставлять зубы, но он не хочет: «они железные – холодно будет от них». В то же время ему понравилось, что мы собираемся отдать для его племянницы резиновые шарики, которые сейчас надувает Тоня. Один из них она предложила запустить при первой возможности с текстом – где мы и что с нами. Как раньше запускали письма в бутылках по морю. Экзотика? С какого боку посмотреть...

До 19.00 договариваемся поспать перед предполагаемым к ночи выходом в свет. Похоже, пурга ослабевает до допустимых пределов.

22.00 – вышли дружно из палатки, погода терпима. До 23.50 откапывали и палатку, и все остальное хозяйство, включая лыжи.

19 мая

Ирина Кузнецова

Вышли в этот новый день (пока ночь), по-моему, в 00 часов по московскому времени. Когда собирались, мело еще основательно. Потом как будто слегка приутихло.

Неслабый мороз –15-18°C, руки застывают быстро.

Петя взял шкуры, нарты и меня в придачу для управления нартами. Утеплиться я основательно, однако через час почувствовала, что отогреть ноги и руки в таком

сидячем положении не удастся. Скоро выяснилось, что в моем сидении на нартах необходимости нет – олени ослабли, шли медленно. Держать сани необязательно, они и так не переворачиваются. Я пошла пешком. Несколько раз приходилось догонять группу, чтобы не окоченеть окончательно. Одно благо в моем нахождении на нартах: удалось поснимать необыкновенно красивый восход солнца, а на его фоне девчонок – целых две пленки слайдов. Что получится? Утреннее солнце – желтое.

Что даст такой свет? Надеюсь на лучшее.

Освещение меняется. Появились холмы. Мы с Петей то отстаем, то догоняем наш отряд. Один олень отказался идти – устал. Пришлось отпустить в свободный полет.

Идем на четырех оленях. Опять помело. Да и солнце поднялось высоко, и свет уже не такой интересный. Да и руки, надо заметить, вконец отмерзли. В общем, снимать перестала.

Сижу и посматриваю за санями, на спусках ускоряемся – могут и перевернуться. На ровных участках засыпаю даже, сны вижу. Чуть не упала несколько раз.

Холодная все-таки ночь, метет и ветер сильный – вижу, как тяжело идут девочки. Идти настроились до избы Терентия, от которой до Усть-Кары, с Петиних слов, километров 12-15. Правда, у Пети километр – мера длины условная, некая переменная величина: X метров > 1000 м, и понятие о самом километре потому весьма относительно.

Никто меня на нартах не хочет сменить. Ехала сначала 10 часов, утром набежало уже 14 часов. Все устали, конечно. А мне еще и согреться толком так и не удалось, несмотря на бег... пешком.

Ставим лагерь. Даст бог – последний.

Надо завтра прийти.

20 мая

Валентина Кузнецова

Вышли из лагеря утром. Идем последний день. Вчера промахнулись мимо избы Терентия. Теперь у нас ориентир – изба Ивана Пахомыча, дяди нашего Пети. Часов пять кружили и к 14.00 вышли-таки к избе.

Еще издали хорошо видны собаки, встревоженные появлением на горизонте гостей. Подходим ближе, до собак метров 100. Они лают и такое впечатление, что с нетерпением ждут, как с нами расправиться.

Девчонки:

– Мы боимся собак!

Успокаиваю их:

– А я не боюсь!

И пошла прямо к главному из негостеприимных псов. Подхожу. Он бросается ко мне. А я ему ласково:

– Ну, что ты лаешь? Тебе радоваться надо – «Метелица» в гости пришла. Ты лучше лапу дай, здравствуй!

И пес вдруг замолк, сел и подает мне лапу. Все собаки затихли.

Выходит их хозяин Иван:

– Однако свои пришли, кто? Собаки перестали лаять!

Девушки удивились такой встрече и порадовались.

Остаются завершающие примерно 17 км.

Настроение и приподнятое, и напряженное одновременно. Многие опаздывают на работу в Москву, а еще неизвестно, как удастся утрясти вопросы с билетами на самолет.

Последние полтора десятка километров я с Таниными нартами. Идем уставшие после вчерашнего дня. Хочется, тем не менее, идти быстрее. И вот пришли в поселок Усть-Кара. Все спят – никто не встречает. Объявили сами себе торжественный финиш.

Появился начальник местной метеостанции. Завтра утром, то есть через 9 часов –

самолет в Амдерму. То-то сразу радости! Народ в благодушии. Познакомились с семьями метеорологов. Собрались к вылету. Пьем у них чай.

21 мая

Валентина Кузнецова

Самолет прилетел как обещали. Нас забрал. У трапа трогательно провожали новые знакомые из поселка, метеостанции.

В Амдерме, в свою очередь, нас встречают и давно, между прочим, ждут. Оказывается, еще два дня назад здешние метеорологи выходили нам навстречу на расстояние дня хода от Амдермы. Очень удивились, не найдя «Метелицы». Потом связались с Усть-Карой, а мы как раз там. Так что здесь приняли команду прямо у самолета. Мы сразу почувствовали, что попали в заботливые мужские руки. Они обо всем позаботились – и о вещах, и о билетах.

На двух рейсах – сначала опаздывающие на работу трое, а затем остальные четверо с грузом – участницы перехода благополучно добрались домой.

Школа выживания – не самая худшая классификация для экспедиции, завершившейся с опозданием «по метеоусловиям».

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЧУКОТКА – АЛЯСКА: В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯЗКЕ

От Европы на этот раз мы оказались непривычно далеко. Хотя, конечно, Чукотка и Аляска – тоже Арктика. Далекий Северо-Восток, если по-русски. Далекий Северо-Запад, если по-американски. Самый что ни на есть «край света» со стороны двух материков Приполярья.

В марте месяце, когда мы шли межконтинентальным маршрутом, это по времени года очень суровый край. Морозы, ветер, пурга. Но и Солнце, и звездное небо! Здесь «Метелица» впервые продвигалась на лыжах по снегу под сплошными звездами.

Тогда в 1991 году сорвалась экспедиция команды в Антарктиду. Все было готово – транспорт, снаряжение, продукты и, главное, была накоплена совокупная внутренняя Энергия команды. Не идти никуда было уже невозможно. К тому же ждали и наши американские и японские подруги – предполагаемые участницы той экспедиции.

Поначалу стали прорабатывать три варианта: Берингов пролив, Северная Земля, Северный полюс. Выбран был первый. И тут надо отдать должное организаторам команды: они сумели за два месяца всю подготовленную для Антарктиды систему связей и взаимодействия элементов экспедиции переориентировать на новый маршрут в Арктику.

...Мы летим на восток навстречу рассвету. Ранним утром нас будит яркое солнце за окнами самолета, подлетаем к Чите. Смотрим на родную Матушку Сибирь – до чего же изрыта она: вершины гор в районе города исчезли, все перекопано, переверочено... Садимся на заправку... Далее путь наш лежал на Хабаровск (48° с.ш.), хотя нам нужно на Анадырь (66°с.ш.). Это был совмещенный спецрейс, и лететь пришлось кружной дорогой.

День получился короткий, летим-то навстречу Солнцу, навстречу времени. В Хабаровске ночёвка. Расположились мы в гостинице при аэродроме и поехали знакомиться с городом.

Мы – это большая команда лыжниц: Валентина Кузнецова, Светлана Александрова, Ирина Соловьева, Светлана Гурьева, Ирина Романченко, Елена Хованцева, Татьяна Гудим, трое новичков в «Метелице» – Вера Градобоева, Валя Павлова и Аня Ларетина; американка Джулия Хайд и японка Такака Такано. С нами еще летят два японских фотокорреспондента: опытный Канимура-сан и более молодой Ханай.

В Хабаровске прежде всего нашли книжный магазин, купили карты края и города. Прогулялись по набережной, посмотрели на Амур. Река очень широкая, даже зимой это видно, а уж весенний разлив, как говорят, до самого горизонта. За Амур садилось Солнце, красное, зимнее...

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

Утром взлетели и взяли курс на Комсомольск-на-Амуре. Видели, как рядом со взлетной полосой прыгали парашютисты с 1200 м и даже очень низко – метров с 200!

Радует: везде наш парашютный народ активен. Лететь нам на Чукотку пять с половиной часов. А в Анадыре обещают –27° и с ветром (ну, что ж – «За что боролись...»).

На другой день из главного города округа Анадыря еще два часа летим на Ан-26 на восток и прибываем в бухту Провидения, поселок Урелики. Наши японцы снимают на фотокамеру все подряд: и открытую рампу самолета, и груз «Метелицы» (его

количество, конечно, заслуживает внимания), и аэродром. В Уреликах мы вызываем большое любопытство. У них посетители, да еще такие шумные и яркие, редкое явление. Поселок расположен на берегу, рядом высокие сопки. Но все так занесено снегом, такие сугробы! Чувствуется, что зима очень суровая. Но и здесь, на краю Земли, живут-служат люди. Малыши ходят закутанные, выглядят, как маленькие пингвины.

Прожили мы в Уреликах три дня. Ходили пешком через бухту в город Провидение. Были у нас встречи с местным народом. Была интересная поездка в Новое Чаплино – это нашим иностранцам демонстрировали экзотику – жизнь чукчей. И ничего, мы лицом в грязь не ударили: там оказалась знаменитая ферма песцов, а в клубе поселка (это было воскресенье) долго смотрели репетицию ансамбля национального танца. Под звуки «тамтамов», извлекаемых старшим поколением, и под их пение юноши и вполне изящные девушки в нарядах из оленьих шкур, расшитых красочно бисером, изображали сцены охоты, быта, природы. Японцы много фотографировали.

А полет наш продолжался еще дальше на север... 40 минут лета, и мы в поселке Лаврентия. Все! Дальше только на лыжах. На подлете видим много открытой воды.

Это нас беспокоит, так как мы обычно ходим по льду (в данном случае наша опора – лед Берингова моря).

Приземлились, а там жуть. Дует! И всего-то -15° , но и ветер 15 м/с. Выскочили из самолета и сразу в автобус. Нам помогли с разгрузкой и утешили, что «такая погода считается хорошей». Все-таки это еще февраль, 18-е число.

Расположились в гостинице. Вполне современное здание, два этажа, интерьеры. Здесь «Метелица» вынужденно прожила неделю (!). Был февраль, и свирепствовали такие метели и пурга, что в поселке объявлялось штормовое предупреждение, и детей из школы развозил военный вездеход... А мы томились ожиданием.

Поселок Лаврентия не маленький. Есть большие дома в 4-5 этажей. Эти дома стоят на сваях, как везде в Арктике, значит, дует здесь хорошо. Все кругом закутано снегом. Маленькие домики занесены до крыш со стороны основного направления ветра. Снег кругом, и поземка, поземка...

Напротив гостиницы – большая школа. В спортзале организовали нашу базу, стояли груженные саночки, и мы каждый день продолжали их упаковывать, перекладывать и т.д. Тут же по вечерам играли в волейбол. Настоящий большой зал! Была встреча «Метелицы» с учениками (6-7 класса). Интересные лица ребят, русские в основном. Чукчей мало.

Как-то вечером несколько человек ходили в гости к местному жителю Тихонову Александру Кирилловичу (он нам дал патроны для ружья). Нас очень тепло принимали.

Обычная русская семья, живут на Чукотке уже 26 лет, всю жизнь, и дети здесь выросли. Рассказывали, что летом в этих местах хорошая охота, грибы, ягоды.

«Грибы выше берез», так как березы тут – стелющиеся маленькие кустики (карликовая береза), а грибы на вечной мерзлоте стоят большие, крепкие, чистые.

Обсудили с хозяином наш маршрут, он предлагает идти «зимником».

Дело в том, что у нас план идти на север 200-250 км до Уэлена. Это самая-самая северо-восточная точка земли русской. Дальше Берингов пролив. Предварительно мы рассчитывали идти по льду вдоль берега. Но там много открытой воды. Незадолго до нас этим маршрутом ушла группа киевлян – четверо опытных мужчин (уже третий сезон ходят здесь). И вот передали информацию, что прошли они всего 2 дня по припаю, а теперь сидят в снежной пещере, ждут погоду, впереди вода. Речь шла о том, что их надо «снимать»... Вот потому и выплыл второй вариант – идти «зимником», зимней дорогой – по сопкам, речушкам и т.д. Это короче, но по горам мы никогда не ходили, и потом ориентирование там сложнее.

Была у нас интересная экскурсия в чукотский поселок Лорино. На двух вездеходах поехали на юг от Лаврентия. На остановке видели очень оригинальную картину: за сплошной поземкой вдруг возникают силуэты больших рогатых животных – оленей – только силуэты. И тут же исчезают...

А вторая остановка была где-то в горах, в ложбине. Вылезли из вездеходов, и неожиданно нет ветра. Тихо. Сопки вокруг. Небо голубое. Солнце. Чудо как красиво!

Самая большая достопримечательность Лорино – горячий источник, озеро, купание. У команды нашлись купальники почти для всех... Очень приятное занятие.

Разделись в доме и в пуховиках и ботинках бежим к озерку. А там плаваешь среди снежных берегов. Где сами ключи, там даже горячая вода. И выходить не хочется. Тем более обратно до домика метров 20 приходится бежать босиком по снегу... тоже памятный момент.

А еще в Лорино – великолепный вид на море. Далекие, далекие белые горизонты – бескрайность, освещенная Солнцем. И пурги нет. Когда же вернулись в Лаврентия –

там такая жуть, так метет! Минуты пребывания на улице вполне достаточно, чтобы окоченеть.

Так мы и жили день за днем. Что впереди – пока неясно. Время от времени нас развлекали занятия Лены Хованцевой русским языком с японцем Ханаи. Она его учила таким фразам:

– Хочу шампанского!

– Хочу танцевать с девушками!

– Лена – хорошая девочка!

А Ханаи по нашей реакции чувствует, что в этих фразах что-то заложено, но не понимает, и потому начинает громко, с энтузиазмом, а кончает фразу шепотом...

Ну, действительно, разберись с русским языком, если, например, на обед дежурные объявляют меню: «Суп с грибами и любовью. Кисель с медом и душой» (Вот и пойми – «суп с любовью» или «варился с любовью»).

Нами был отмечен праздник – 23 февраля. Чтобы не смущать иностранцев словами о Советской Армии, капитан в своей речи сказала, что это праздник «мужественных людей». Ну, а поскольку «Метелица» – тоже мужественные люди.... Было чуть-чуть «клюковки», были песни...

Но всему бывает конец. Так и свершилось – выход. Полчаса шли своей колонной на лыжах по городу в сопровождении взрослых, детей, собак, вездехода и мотосаней. Вот уж воистину «Метелица» – экзотика Чукотки». Вышли в залив, прощаемся с друзьями, с нашими японцами (они улетят в Уэлен на вертолете) и берем курс на север.

У нас новый член экспедиции Вера – чукча («Вера-маленькая»). Ей 24 года. Потихоньку вписывается в наше общество. Через некоторое время увидели сзади на сопке такую картину: спускается «Буран» и две собачьи упряжки. Это отец Веры Толя и еще мужик Дима. С ними есть договоренность, что они нас будут страховать... Погода хорошая, на душе вполне радостно.

Прошли залив, втянулись в развилку между сопками. Раньше волновал вопрос, как можно идти в гору на лыжах с санками. Оказалось – нормально –сняв лыжи! Они крепятся под резинки на санях, и идешь великолепно, так как хорошие ветры не дают здесь лежать свежему снегу, и потому везде твердый наст... Остановка, разбили лагерь. Все хорошо, но настораживает тишина в природе. Удивительно

тихо. Палатка у нас большая – антарктическая с внутренними перегородками:

спальное отделение, кухня и т.д. Только ставится она очень долго, поскольку каркас собирается из отдельных элементов – трубок. Но и нас много, уже 13 человек.

...Утром слышим, что снаружи задувает, и сильно. Идем ли дальше? Когда вышли из палатки – кошмар! – сильнейший встречный ветер (более 20 м/с). И горизонты открыты, и небо чистое, и не холодно, но метет. А у палатки нашей начинают уже выдергиваться снегобуры, которые удерживают ее основание, и прогибаются стойки. Каждая стойка высокая, и боковая поверхность ее большая – вот и ветровая нагрузка.

Наблюдали картину, как ветром унесло оленью шкуру, и догнать ее было невозможно, как когда-то надувной мяч на море... Идти против такого ветра тоже невозможно. К тому же наша надежда – собачки – попросту убежали (против такого ветра «собаки не ходят»). И было принято решение – спуститься опять в залив и, пройдя вдоль берега, найти охотничий дом в Пинакуле (о нем рассказала наша Вера-маленькая).

По ветру, да еще с горки, да еще связавшись веревкой, идти было весело. Правда, от общей веревки пришлось отказаться, каждый справлялся со своими санями самостоятельно, тут уж не до лыж. Добрались до залива, повернули налево. А метет, даже берега не видно. Шли долго, уже стемнело, и силы кончались. Но добрались-таки до избы. Все сани и мешки команды забиты снегом, распаковались с трудом. Изба хоть и небольшая, но после того, как натопили, стало тепло, светло, чудесно... Такое лихое у нас было начало.

А на другой день (28 февраля) на улице благодать – солнце, небо, тихо. Так вот страстно зима с весной борются на Чукотке! Пошли после долгой утренней «резины». Красота кругом, как на ЗФИ! Встретили ребят-киевлян. Их сняли со льда вездеходом. Но время у них уже вышло, пришлось возвращаться.

Пофотографировали друг друга. Подарили они нам кусок сала. Жаль, что нельзя идти вместе вперед.

А в 17 часов начались сумерки, закат солнца (оно закатилось за гору), а тут и Луна на подходе...

И дальше погода в основном была хорошая – солнечная, тихая. Возникали некоторые сложности с ориентированием, но в целом все складывалось нормально. Как-то шли вдоль русла реки Рыбной. Погода – подарок природы! Устроили большой перекус – расстелили коврики, можно и полежать... Вдруг вертолет над

нами. Света Александрова устанавливает с ними связь: они запрашивают, откуда ветер, и... садятся.

Выскакивают на лед Канимура и наш Ханайчик, быстро фотографируют и обратно. Вертолет даже не выключался. Улетают, а с нами остаются двое телевизионщиков из Анадыря – Рита и Юра – в унтах, валенках, полушубках и без лыж, конечно. Якобы на 1,5 часа. Идем дальше в их темпе, да еще специально останавливаемся... В общем, три часа мы потеряли, пока вертолет не забрал их, возвращаясь из Уэлена. Зато поневоле долго потом шли под звездами! Выискивали среди них навигационные и проводили коллективный урок астрономии... Интересно идти в ночное время – застругов не видно, медведей тоже уже не высматриваем. Одни звезды да Луна. И бесконечная дорога!

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

Последний рабочий день, последний чукотский переход. Вышли в 9 часов утра, на один час позднее назначенного срока. Впереди 27 км. План такой. Идем до 16 часов, а там смотрим: если Уэлен рядом (5-6 км), идем вперед, а если далеко, ставим палатку. Все понятно, погода хорошая, настроение тоже. Пошли по горам, сопкам да ложбинам, то на лыжах, то без них... На одной горке на солнышке простояли минут 40. Это девушки прихорашивались... не спешим. А ведь 27 км для нас – это немало. Долго шли на виду мыса Дежнева и островов Ратманова, которые уже в Беринговом проливе.

Но... летели на камнях да на застругах лыжи на наших санках: то у одной, то у другой они подламывались в передней точке крепления. А дальше эта лыжа становится тормозом. Я очень берегла свои санки, так гордилась ими... И вдруг обнаружила, что у меня тоже сломана лыжа. И груз стал тяжелым... А все эти твердые заструги, идущие поперек, их и не обойдешь. Через некоторое время аварийные сани частично разгрузили Ира Романченко, Такака и Джули (благо у них были сани-лодки). А народ уже переиграл в уме варианты, и решили идти до конца. Там баня!

В общем, был заход Солнца и были сумерки... Уэлена не видно. Где-то в 17 часов решили «посоветоваться». За то, чтобы поставить палатку (tent), были только Джули и я. Человека 3-4 рвались вперед, остальным было все равно. Сориентировались по карте, похоже, что осталось примерно 8 км. Решили сделать еще один переход...

Шли и непонятно было, когда дойдем. Вроде Луна даже стала появляться... В стороне что-то мелькнуло темное... Испугались, вдруг это медведь. Валуша запустила ракету, но ничего не обнаружили. Приняли решение ставить палатку, хотя

огни Уэлен, казалось, уже и видны были на горизонте...

Окончательно появилась Луна, а вокруг нее гало, эти светлые круги скорее всего к плохой погоде. При свете фонариков долго ставили палатку. Дежурные Вера Градобоева и Валя Павлова (благо дежурными оказались опытные туристы) начали быстро разжигать примус, сделав для него «затишок», и еще до готовности палатки напоили всех теплой водичкой, хотя и с бензиновым запахом. В палатке я сразу залегла в мешок. Очень было холодно, ноги мокрые. Хотелось чайку горячего, но пока ограничились соком, упакованным в «космические тубы».

А за стенами палатки морозец под 30° (что значит антициклон). Это у меня уже своя примета: если лежишь в мешке и мерзнет нос, значит, на улице за 30°...

Утром мы любовались, как Солнце выбиралось из тумана. Вышли и продвигались еще 7 км. Таня Гудим выдала изобретение из цикла «Сделай сам» – наши лыжи подставляли под саночки, они тогда легко идут, проблема лишь, как прикрепить лыжи.

А какая красота была вокруг... Солнце! Туман по горизонту. Справа из тумана все четче прорисовывалась большая гора, почему-то нам хотелось называть ее Фудзиямой (у нас вся жизнь шла с японским акцентом). Так и хотелось объединить песенные строки Малинина и Чукотку:

«Ах, какие белые на синем

Ночью о Чукотке снятся сны...»

Действительно, здесь основные краски: белая и голубая. Все-таки этот, хоть и небольшой, переход по Чукотке был красочным, эмоциональным и памятным.

А потом был долгий, тяжелый (снег под ногами глубокий) подход к самому восточному поселку в Союзе. Нас встречают «бураны», детишки на лыжах, собаки, Канимура и Ханай, наши друзья с бутылкой шампанского. И какой был вкусный глоток! Даже настроение поднялось. И «Фудзияма» совсем рядом, и уже не в тумане.

Прибыли! Половина пути позади.

Уэлен расположен на косе, разделяющей два моря – Берингово и Чукотское; разделяющей два океана – Тихий и Северный Ледовитый. Так вдоль побережья, вдоль единой дороги и тянется поселок. А какие торосы на Северном Ледовитом океане – сплошное нагромождение льда высотой в 2-этажный дом. Можно

представить себе Северный морской путь. Или путь на Северный полюс.

Всего-то здесь чукотский поселок да пограничная застава. Но дома добротные, хоть и небольшие. Зато большая школа в два этажа, просторная (конечно, наши вещи базировались там), большой Дом культуры и даже кирпичная поселковая баня тоже с просторными помещениями...

Прожили мы там неделю. Погода даже теплая, подул южный ветер. Для «Метелицы» это были очень напряженные дни. Решалась судьба перехода по Аляске: надо согласовать с Москвой допуск в погранзону, перелет в район островов в Беринговом проливе. У народа кончались по времени все освобождения и отпуска (мы в путешествии уже 1,5 месяца), часть наших из-за этого сразу отказалась от своего дальнейшего участия.

Но, тем не менее, мы жили активно, радовались погоде и окружающей красоте, разбирали, сортировали снаряжение и, главное, решали проблему санок для движения.

Хотели взять санки чукчей от собачьих упряжек, однако они оказались слишком тяжелыми. Зато у нас теперь наследство от не идущих дальше иностранок – пять американских саней-лодок.

Были на экскурсии в косторезной мастерской: здесь трудятся знаменитые мастера Чукотки, всего человек 50, хорошее оборудование, организация. Каждые 10 дней заседает художественный совет, отбирает лучшие работы, многие из них идут на экспорт. Руководит мастерской чукча Валера, но чувствуется в нем образованный и повидавший европейскую жизнь человек. Местная школа-интернат имеет направленность художественного обучения, с 4-го класса ребята занимаются резьбой и граверными работами. И лучшие ученики попадают в эту мастерскую. Мы посетили великолепный музей художественных изделий при мастерской. Очень много работ изящных и тонких. Расписные клыки моржа разной формы и размеров. Тематика рисунков – Север: олени, моржи, медведи. И все в динамике – охота, рыбная ловля, схватки зверей. Этот музей и мастерская – центр национального искусства. В музей «Метелицы» была подарена большая роспись, выполненная на бивне моржа.

Но все эти красоты – на фоне нервотрепки, неопределенности, душевного напряжения, звонков в Москву. Одновременно идет подготовка общественного снаряжения на вылет. Сразу было известно, что точно «идут» Валентина Кузнецова, Светлана Гурьева, Лена Хованцева, Таня Гудим. Потом определились Ирина Соловьева и Светлана Александрова. Еще будет Ира Кузнецова, она организует самолет и ждет нашу команду в Уэллсе.

И было 8 марта с баней и праздничным ужином у знакомого чукчи Валеры. А затем и вылет 9-го днем.

Погода великолепная. Ранний подъем. Сборы, погрузка снаряжения. Интересный разговор с пограничником: уговаривает нас не брать с собой ружье, дабы не вызвать непонимания на международном уровне (ружье охотничье, Иж-12). Но оно ж для нас как психологическая защита! Обещаем спрятать в спальник, не показывать. Не убедили – государственные интересы выше.

Вылет в 14 часов. Очень эмоциональное прощание у вертолета с девчонками, которые летят в Москву. Было очень грустно, и все еще ничего, пока не увидели заплаканные глаза Джули. Толком не сказали с ней и двух слов, только обнялись. И взлетели...

Полный вертолет – людей, саней, лыж. Посадка на 30 минут на о.Большой Диомид. Это по договоренности с нашими японцами, впервые из всей своей нации попавшими в недоступные им прежде места. Они бегают по острову, снимают кино. Мы любимся скалами, красивым видом, соседним островом Малый Диомид.

В проливе Беринга расположены два острова: Большой Диомид (российский остров Ратманова) и Малый Диомид (Америка). Мы выгружаемся около Б.Диомида. Вертолет сразу уходит, а на льду остается небольшая кучка народа (9 человек вместе с японцами) и огромная куча снаряжения. И идти нам осталось до Америки всего 4-5 км. Разобрали, загрузили сани, взяли еще к себе рюкзаки и мешки японцев – дали им возможность поснимать этот переход.

Идти было удивительно легко, хотя сани нагружены прилично. Но ведь теперь у многих «лодка» – великолепная, устойчивая, с большой скользящей поверхностью. Да и лед здесь гладкий, без застрогов, покрытый снежком. Валя Кузнецова так резво пошла вперед, да с двумя саними, еле остановили. Наверное, нами двигала та самая Энергия, освобожденная теперь от забот и нервозности. Все осталось позади...

Устроили стоянку «Переход границы» – условная линия, разделяющая два великих государства. Стоят лыжники, салютуют палками, и кругом кино-фото-видео.

Торжественный момент! Но и грустный – Солнце уходит от нас на запад, садится где-то сзади за Россией... Как мы без неё?!

А путь наш лежит в поселок Ёлики, который прилепился на скалах М.Диомида, как ласточкино гнездо. И нас уже встречают мальчишки-эскимосы – в великолепных спортивных костюмах, на пластиковых лыжах помогают нам втянуть сани на гору и

разгрузить их. Заняли мы своими вещами немалое помещение в школе.

Самое удивительное, что снова попали в 8 марта. (В Уэллене 17 часов 9 марта, а здесь 20 часов 8 марта, т.е. 21 час разницы во времени, отсчитывая ее назад).

Воистину – «край света», начало дня. И именно 8 марта получился у нас, женщин, такой длинный день! Но все время ловим себя на мысли: «Как же нас мало!» На Чукотке было 12 и даже 13 человек (с Верой-маленькой), а сейчас только шесть! (Японцы – по своей программе, Такака улетает домой). Нас только шесть человек!

Так и кажется, сейчас еще толпа подвалит, вот Джули появится, улыбаясь... Скучаем по девчонкам.

Поселок Елики небольшой, и живут здесь в основном эскимосы. И детей здесь всего 60-70 человек. Но большая, просторная, хорошо оснащенная компьютерной техникой школа-интернат. Разговорились с местными учителями, их пять или шесть: «Нам организовали эту шикарную школу, чтобы дети далее не чувствовали себя ущемленными, они и так растут на краю земли».

Спать расположились наверху в классе, на полу в своих мешках. Чудо! По местному уже 1 час ночи. Света Александрова: «Слишком все хорошо начинается».

Отвечаем: «Не бери в голову, считай, что это антимир». А что? Ведь завтра снова будет 9 марта,...

Перелетаем в Уэллс (Wells), где встречаемся с Ирой Кузнецовой. Теперь нас семь человек! Располагаемся в очередной школе (более скромной, чем раньше) и обсуждаем наши дела. Главное – маршрут: по льду идти нельзя, много открытой воды, только по горам. Встают вопросы ориентирования, безопасности и т.д.

Ужасаемся объему и весу нашего груза. И принимаем решение идти маршрутом Тейлер – Ном.

На маленьком уютном самолете перелетаем в Тейлер (Teller) над горами, по которым нам, к счастью, не идти. Красота! Попытались сфотографировать крыло самолета на фоне гор, неба, океана. И полета-то всего 20 минут. Теперь уже мы непосредственно подошли к стартовой линии.

Расположились, конечно, в школе, ее библиотеке. Здесь всего 69 детей от 3 до 18 лет, при них восемь учителей. Помещение добротное, просторное. Разбираем вещи: что – на сани, что отправлять на Ном. Груза явно много, расчет ведь был на более продолжительный переход. Нам настойчиво предлагают «эскорт», мотивируя тем,

что так им (тем, кто нас выпускает) лучше, спокойнее. «Эскорт» – это сопровождающие нас мотосани. Склоняемся к тому, что у нас «миссия дружбы», и для хозяев честь принять в ней участие. (Да и на самом деле, зачем держать людей в беспокойстве и напряжении.) Зато сразу решаются вопросы и ориентирования, и безопасности.

А погода портится. Метет. Что же дальше?! Пока осуществляем «миссию дружбы»: общаемся с местным народом, учениками, ходим в гости. Благо, наши молодые члены команды хорошо владеют английским. Но и держим снаряжение в готовности, добавили питания, поскольку нас будет на два человека больше. Они приходили к нам знакомиться, наш «эскорт» – Джон и Роза (эскимосы). Приятные, вроде, люди.

14 марта наконец выходим.

Где-то в 12 часов двинулись в путь, вслед за мотосанями; вариант маршрута – «через горы». «И пошли они ветром гонимые...» – через городок, к аэропорту, и дальше, и вперед, и в горку, и все по дороге. Здесь отметка: от Нома – 73 мили (1 миля – 1,6 км).

В первый день прошли до отметки 66 миль (где-то 12 км), идти было после простоя особенно приятно. Остановились в низинке. Долго ставим палатку. Ложимся в 23 часа. Холодно. Мороз ночью был до 30°. Утром примерно –20°, днем –15°. Солнце шпарит, небо чистое, но главное – тихо! За второй день прошли до отметки 48,5 миль, то есть продвинулись на 28 км, неплохо. Красивые горы кругом. Идем все вверх, на восток, к солнцу вдоль дороги, она насыпная, добротная. Два моста перешли. Перед нами свободный круглый горизонт. Видели лосей, лису. Медвежьих следов нет.

Остановились в «кабине», которая была автобусной остановкой. Это небольшой сарайчик, где дверь практически не закрывалась и где стоят две лавки и всего незанятого пространства еще 3,5 кв. м. Дана команда: «Вещи не вносить!», и только тогда войти в помещение мы смогли все. Потом сумели сесть (нас все-таки 9 человек). Ставить на морозе нашу большую палатку, конечно, не хотелось, и надумали организовать здесь ночлег. Благо, есть и маленькая печка. И мы сумели, не понятно как, но втиснуться в эту импровизированную коммуналку, хотя и укладывались целый час. Спать было сложно, повернуться – целая проблема, ноги в какой-то дыре под лежанкой, но мы в «доме»! Большие планы на завтра: одолеть 25 миль до следующей избы. На улице –31°, чуть потягивает с севера...

Проснулись, на улице подвывает... Поднимались опять долго, как и ложились, иначе не ступить, не выйти. Странная погода: такой морозище, да в придачу еще

снег-метель и сильный ветер. Нашим планам, неожиданно узнали от проводников, не суждено реализоваться: «мотосани не ходят в такую погоду», – сказал Джон. (А люди?!). Сидим в избе: подремали, попили кофейку. Снова сидим... Не торопящийся никуда Джон откопал окошечко, подтапливает печку, греем на ней воду. Уже темнеет. Он: «Мы не могли бы поставить палатку при таком ветре, но завтра надо дойти до следующей хижины!» Оптимизм сопровождающего нас аборигена воодушевляет. Спать устроились рано, вроде даже стало свободнее. На улице успокаивающие -21° .

Следующий день начался ночью, когда Лена закричала: «Света! Откопай меня!» Их с Таней совсем засыпало снегом у порога. Ветер сильно поддавил нашу дверь.

Девчонок вытащили. Лену, застывшую и мокрую, Светлана взяла к себе в спальный мешок. Утром – на улице светло, но метет сплошь, очень сильный ветер.

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

Опять идти нельзя... Начали обживать свою «снежную кабинку». Навели порядок на столике, Валюша даже разложила пасьянс. Татьяна растопила печку... Может, на ночь выставить дары «тундровому ветровому»? Сколько ж еще будет дуть?! Ведь прошли всего треть пути... День короткий, проходит быстро. Джон почистил и разжег газовую лампу. Стало светло и уютно. Народ находит себе занятия: Валюша, а потом Света с Таней начали вязать наушники. Что это вещь нужная, понятно, но что спицы и нитки оказались с собой, это многое говорит о «Метелице»...

Я пишу дневник команды, есть у меня такая общественная нагрузка. Джон и Роза увековечили наше пребывание по-своему, написали на картонке: «Здесь несколько дней пережидали шторм советские женщины». На улице, действительно, шторм и к тому же -25° при 100% влажности. Что-то будет завтра?

Назавтра (уже 18 марта) тоже дуло хорошо. Но посветлело, даже было солнышко. Джон пошел смотреть погоду. Отвечал уклончиво... Получалось, что проводникам и хотелось бы двинуться дальше, но «в такую погоду мотосани обычно не ходят». Лежали еще долго, разговаривали... Определяющим доводом стало то, что поможет ветер – он будет дуть в спину. Решили идти!

Собрались... Джон долго не мог завести двигатель.

Но пошли... Очень красиво мело с солнечной подсветкой! По ветру на лыжах шли, как и ожидалось, хорошо. Группа растянулась, я была где-то в середине, и вот прошли перевал. Ветер начал стихать, и стих, и можно было даже снять ветровку.

А какие картины кругом... простор и все залито солнцем, и тихо. И мы смотрим на все сверху. Было очень радостно идти. Спуски, подъемы. Прошли середину пути – 37,5 мили. Это был мост – между спуском и длинным, длинным подъемом. Все складывалось неплохо.

Позднее, на закате поднялся ветер – встречный, сильный... Одеда куртку самую непродуваемую. В промежутке от 35-й до 34-й мили почувствовала, что устала. Но надо терпеть до остановки. Оказалось, что большой дом, где мы мечтали ночевать, не на 32-й (как думалось вначале), а на 27-й миле. Джон стал помогать отстающим... Был момент: Лена, Таня, Света Александрова и я шли группой, в звездной ночи. Молодая луна. Розово-бирюзовый горизонт. А потом яркие крупные звезды уже на темном небе. Мы шли уже не по дороге, а напрямую по следу мотосаней...

А дом – огромный, деревянный – оказался частным владением, но с разрешением пользоваться путешествующим. В нем было очень холодно (но хотя бы не было ветра). У примусов уже хлопочет Светлана Гурьева... Отдать должное, это непростое дело в таких условиях... Укладываться спать на полу оказалось большим испытанием, по-моему, в палатке это делать проще. А ночь – такая звездная! Я никогда не видела столько звезд в северных широтах!

План на завтра – дойти до 12-й мили. Там тоже есть дом. Прогноз погоды хороший.

И день был команде наградой за ветер и метель на перевале. Солнце! Тихо! С утра следует внушение вчерашней «авангардной группе», те защищаются: «Мы задавали темп, иначе столько не прошли бы». Договорились, что сегодня так идти... можно. И пошли каждый в своем темпе – в удовольствие и радость. Вскоре стало тепло, разделись до свитеров... Подъемы, спуски длинные... Много раз видели лосей.

Двигались хорошо и еще с солнцем прибыли к отметке 12 миль, и был там дом, но он оказался закрыт. Подъехали двое мотосаней и предлагают сопроводить нас в Ном. Нам это, конечно, нравится: во-первых, у Светы и Тани уже сломаны лыжи на санях; во-вторых, ставить «tent» и спать в мокрых мешках не хочется; в-третьих, грезится душ. Решение принято: налегке идем дальше. И получился вечер под названием «Прощание с лыжами» (в уходящем сезоне).

Уже Ном (Nome) виден, мы идем вдоль дороги... 10-я миля... В районе 7-й навстречу идет машина. Мы, конечно, возгордились: «Ну, так и должно быть, не часто здесь видят женщин-лыжниц, да еще советских...» Но машина оказалась случайной, хотя потом развернулась и взяла-таки нас на борт. Было уже примерно 23 часа.

Мы не стали отказываться.

В Номе устроились переночевать в отеле. Роскошно! Мебель, кухня, ванна. И радость не только в дýше, но и в душé. Заснули поздно (или рано). 20 марта. Но в целом, ура!

В ожидании самолета мы пять дней познавали жизнь «на краю света». Было много знакомств, встреч – и общественных, и частных, и даже с русскими. У нас появилось много друзей: им же тоже интересно, каковы русские (советские) люди.

Жить эти дни пришлось у местного библиотекаря Джо, в каком-то дополнительном к его квартире просторном помещении. Он очень компанейский, приятный, остроумный парень, чуть говорит по-русски. Воспитывает сына Арно 9 лет (мать – эскимоска). Джо считает, что общеобразовательная (публичная) американская школа учит «копировать», а не мыслить, и потому хочет забрать сына оттуда и отдать в частную школу.

Джо устроил нам экскурс по городу: школа, госпиталь, лютеранская церковь, большой магазин. Провез по главной улице, означив все достопримечательности. В магазине нас поразила свежая клубника. Все-таки март месяц. На вопрос, когда она у вас появляется, нам ответили: «В шесть часов утра», совсем не предполагая истинный и понятный, видимо, лишь нам самим смысл вопроса. Потом Ира Кузнецова угостила подруг по команде бананами, и эти «бананы на снегу» тоже казались совершенно невозможным, сюрреалистическим сочетанием.

Как-то все вместе пошли разыскивать наших Джона и Розу. Очень замерзли, но нашли в эскимосском квартале. Они, слегка или сильно навеселе, расчувствовались до слез... Подарили мы им ветрозащитный костюм. Теплые прощания. Объятия. Очень трогательно.

Пригласил «Метелицу» в гости очень популярный на Аляске человек по фамилии Паак. Биолог, летчик, инструктор, преподаватель школы выживания (он завтра собирался идти с ребятами на сутки в тундру – «выживать»). Во время разговора с ним речь зашла и о частных самолетах, которые видели на стоянке в районе аэродрома. Он много рассказал любопытного, чего в нашей системе не существует. Новый самолет у них стоит примерно в 15 раз дороже, чем старый. Каждый желающий имеет право сдать экзамен и, налетав 14 часов с инструктором, претендовать на самостоятельные полеты.

Из дневниковых записей Ирины Соловьевой:

Меня интересовала система управления воздушным движением. Я поняла, что

полеты без предварительных заявок совершаются до высоты 6000 м. Заявка нужна только при полете в Канаду или другой штат Америки. Вероятно, в этом случае налажена надежная система радиосвязи и слежения радаром за воздушной обстановкой. Если так, то это здорово!

Была еще у нас теплая встреча с Василием Песковым. Он как раз заканчивал свою большую книгу об Аляске и тоже ждал самолет на родину. Он много знает, хороший рассказчик, успевает и нас расспрашивать. Я рада встрече с ним (мы были знакомы лет 27-28 назад). У меня в дневнике остался его рисунок (силуэт Чукотки-Аляски) и его автограф.

В каком-то солидном помещении была выставлена небольшая экспозиция о «Метелице». Все желающие расписывались на нашей палатке. А мы купили в музее клуба флаг Аляски. А знаете, какой он оригинальный? Звезды Большой Медведицы на синем фоне!

Познакомились с Джимом Роу – главой фирмы «Bering-air», и намеривались лететь его самолетом. А наше родное Провидение не принимает, там растаяла полоса, и нужно ждать... Вот и Песков ждал и жил у Джима в доме.

И был самый короткий для участниц перехода день – 25 марта. Погода солнечная. Едем в аэропорт и летим с Джимом Роу в его маленьком аккуратном самолете. Но погода при посадке оказалась такая жуткая – никакой видимости, а заходить на точку нужно между скал по заливу. Было страшно. Все даже ремнями привязались.

Вот где требуется мастерство пилота!

Взлет – 25 марта в 13 час. 30 мин. в Номе. Посадка – 26 марта в 11 час. 40 мин. в Провидении. Летим всего 1 час и 10 мин., а целый день 25 марта выпал из нашей жизни. Такие вот чудеса на планете.

И была длинная и долгая дорога в Москву. Через Анадырь – Иркутск – Чкаловскую. 3 апреля встреча в столице была теплой и радостной.

Послесловие к главе (которое могло быть и ее предисловием)

Все, что рассказано о друзьях «Метелицы» на Аляске, в северном штате США, имело и свое более раннее американское же начало. Связь событий февраля–марта 1991 года и ноября 1990 года обозначена еще ранее поиском альтернативы в критический для нас момент: какой маршрут выбрать вместо антарктической

экспедиции? Да, экспедицию к Южному полюсу пришлось притормозить и сроки ее перенести, но готовили-то мы тот поход, имея в Америке искренних и настоящих союзников. И не сказать о них было бы несправедливо.

В период подготовки второго этапа экспедиции в Антарктиду была запланирована презентация команды в США, городе Сан-Франциско, где действовала группа поддержки «Друзья Метелицы». От нас на встречу собирались ехать капитан Валентина Кузнецова, ее заместитель Светлана Гурьева, а также Ирина Кузнецова со своими великолепными фотографиями Арктики и Антарктики и Ирина Гурьева – руководитель научной программы экспедиции.

Ко времени вылета выяснилось, что из-за множества «незакрытых» организационных вопросов по Антарктиде Светлана остается в Москве, а ее место в делегации займет Ирина Соловьева, психолог команды. Кроме того, на презентацию должны были прибыть участницы экспедиции из Америки и Японии.

В аэропорту Сан-Франциско нас встречает наш друг Дэвид и женщины группы «Друзья Метелицы». Цветы, знакомства... Нам вручается программа нашего визита (расписанная по дням и часам), обсуждаем дела и планы на завтра. Задача – срочно выходить на Петра Уилкинса, начальника научной программы американской станции Амундсен–Скотт с тем, чтобы нас там могли встретить и, главное, принять наш самолет (для переброски «Метелицы» к месту возвращения из экспедиции).

На другой день из офиса Дэвида состоялся-таки разговор с Уилкинсом. Он заявил, что знать ничего не знает; частным организациям помощи не оказывает; если же мы принадлежим государственной организации, то должно быть официальное представление. Да, мы принадлежим, входим в состав Советской антарктической экспедиции. И председатель Госкомгидромета Ю.А.Израэль поручает А.Н.Чилигарову решить возникший вопрос.

Как рассказывал позднее Виктор Боярский, то же самое получилось и с «Трансарктикой». Их, прошедших на лыжах половину Антарктиды, не пустили «погреться» на американскую станцию Амундсен–Скотт (хотя в составе команды был и американец Уилл Стигер). Ребята ночевали рядом со станцией, на снегу, в своих палатках. Им был оказан лишь прием – знакомство в какой-то комнате при входе. А все потому, что не были представлены официально.

Ну, разве не вспомнишь тут русское хлебосольство? Когда ребята пришли на нашу станцию «Восток», их «на руках носили» – и банька, и квас, и пельмени. Еще на подходе к «Востоку», по расчету уже в зоне видимости, они никак не могли визуально засечь станцию (и, как оказалось, шли мимо нее). Связались по радио. На станции стали запускать ракеты – не видно. Тогда подняли самолет (!), который

точкой своей посадки показал путешественникам верный курс. Точно так же их ждали и тепло встречали на станции «Мирный».

Нашу культурную программу в Сан-Франциско составляли встречи и поездки с «Друзьями Метелицы». За город мы поехали на ланч к Маше. Дорога идет по горам, частично объезжаем залив. Очень красив город со стороны Золотого Моста: видно, как он украшает и эстетически возвышает берег залива. В акватории небольшой остров с крепостью – это местная достопримечательность, тюрьма. За рулем Жанови – бывшая балерина, попавшая в автокатастрофу, сейчас инвалид, ходит с двумя палочками, но с управлением машины свободно справляется. К нам относится приветливо и заботливо (позднее она приедет в Москву, на лечение к Дикую, и почти полгода «Метелица» ее будет полностью опекать).

Днем состоялась встреча с гостями из Японии. Их двое. Наша участница Такака, мы с ней уже знакомы (она была с нами неделю на сборе в Приэльбрусье). И руководитель-представитель Ишида – деловая женщина, с правом принимать решения.

К вечеру прибыли американки – участницы будущей экспедиции.

Джули – ее мы уже знаем, была с нами на ЗФИ. Очень адекватная, доброжелательная девушка. Работает с подростками, в «клубе выживания». У них система таких клубов – воспитывать, занимать и развлекать ребят в сложном возрасте; организуют походы, экспедиции, учатся взаимопомощи, преодолевать трудности. Она физически хорошо подготовлена.

Эмми – очень интересная девушка. У нее замечательная улыбка, но держится изолированно. На контакт особо не идет. Выучила в первый же вечер: «Я не-по-ни-маю». Очень самостоятельная, мудрая какая-то, хотя совсем молодая. В гостях все время провела с 10-летним мальчиком.

Джой – постарше, медсестра, очень собранная, целеустремленная, замкнутая в себе. На следующее утро (и далее везде) она одна из всех нас отправилась на зарядку.

Кроме того, нас везде сопровождает Том Харпол – американский журналист, друг Дэвида, он собирает материал для книги об экспедиции «Метелицы» в Антарктиде.

Процедура представления «Метелицы» проводилась в нескольких вариантах, в различной обстановке. Обычно вначале Дэвид знакомит с командой, затем капитан команды рассказывает о прошедших экспедициях, понемногу что-то говорят наши девушки, Джули, Такака. При этом демонстрируются фотоработы Ирины

Кузнецовой, которые очень эмоционально и выигрышно подают «Метелицу».

На встречах нас расспрашивали буквально обо всем. А однажды был задан смешной и характерный для американцев вопрос: «Сколько денег нужно, чтобы вы не замерзли там в снегах?» Как на него ответишь им? Ведь не поверят и не поймут.

Что касается американских друзей, то их участие в делах «Метелицы» имело еще достаточно долгий резонанс. Мы с благодарностью вспоминали о них, когда ранней весной 1995 года шли по дрейфующим льдам к Северному полюсу, а затем и когда в конце того же года проводили в Антарктиде экспедицию к Южному полюсу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ ПО ДРЕЙФУЮЩИМ ЛЬДАМ, ИЛИ ЖЕНЩИНЫ ЛЮБУЮТСЯ СТИХИЕЙ

Климат в Арктике теплеет. Витает угроза тотального таяния льдов. Если так пойдет и дальше, наверняка наступит время, когда к Северному полюсу на лыжах – ни ногой. Но пока-то можно!

В год 50-летия Победы над фашизмом «Метелица» посвятила свою экспедицию по дрейфующим льдам к Северному полюсу подвигу Отцов и Матерей. Мы понимали, что нас ожидает много неизвестного, и поэтому готовились особенно серьезно. Изучили литературу о путешествиях на Полюс, беседовали с участниками экспедиций в высоких широтах Арктики. Обновили снаряжение. Не говоря уже о тренировках как таковых.

Нам предстояла встреча с Океаном: открытой водой, торосами и дрейфующими льдами. Мы ставили перед собой задачу – дойти! Это значит выдержать и низкие температуры, и длительность перехода, и главное, что всегда у «Метелицы» на первом месте, – обеспечить полную безопасность членов экспедиции. Для надежного решения задачи пригласили в экспедицию опытного штурмана Сергея Печенегова, побывавшего на Полюсе в 1989 году.

Это ему, романтику Севера, принадлежат такие замечательные и искренние строки:

Не говори ты Арктике «прощай»,

А покидая, возвращайся снова.

Не осуждай ее за нрав суровый

И в горячах забыть не обещаю!

Не говори ты Арктике «прощай»,

Не покидай, не оставляй до срока,

Единожды влюбившись ненароком,

Любви своей другим не завещаю!

Первоначально экспедиция была рассчитана на 70 дней, старт в начале марта с мыса Арктический на Северной Земле. На протяжении маршрута планировались две заброски продуктов и бензина. Вес саней у каждой участницы экспедиции более 70 кг. Были желание и решимость дойти до Полюса, была психологическая и техническая возможность выполнить такую задачу, но... Поначалу задержка с вылетом из Москвы, затем недельная остановка в Тикси и десятидневная – на о.Средний (Северная Земля). Дневниковые записи фиксируют все досконально точно.

После долгих напряженных сборов определился состав экспедиции, оформлены документы, получено разрешение. Вылет назначен на 13 марта 1995 года.

Итак, к месту старта летят: В.Кузнецова, А.Егорова, С.Зубкова, Т.Кузнецова, И.Соловьева, О.Федоткина, а также С.Печенегов и О.Лещикова (она будет радистом на береговой базе).

Аэродром Чкаловский, большой Ил-76 загружен в том числе и нашим снаряжением.

Сложно улетать... надолго, в неизвестность. Что впереди?

Только успели подремать в самолете, и вот уже пошли на посадку в Тикси ... 14 марта, за бортом –30°, с хорошим ветерком. Солнце. Долго разгружаемся, перегружаемся и попадаем в гостиницу.

Необычность задуманного – дрейфующие льды! – держит нас в некотором напряжении. Однако после завтрака развеселились. Наше состояние профессионально четко определила Татьяна Кузнецова: «С отклонениями у нас все нормально».

Успокоенные, снова ложимся. Спим, пока нас не поднял громкий голос

корреспондента «Красной звезды» Саши Андрюшкова: «Девушки, дайте интервью ... Зачем вы это делаете и кому это нужно?!» Саша не может смириться с ситуацией: мороз, ветер... и женщины во льдах! Но получил он высоконравственный ответ: «Если мы выдержим, значит страна жива!!!»

Устраиваемся, разбираем вещи. У капитана багажа больше всех – аж семь сумок: «есть все и для всех».

Позднее вышли на улицу познакомиться с прибором спутниковой связи GPS. Померили наши координаты: 71°4' с.ш., 128°52' в.д. («Однако далеко на восток завернули»). Приспосабливаемся к новому времени: 6 часов разницы с Москвой. Оглядываемся потихоньку. Дома в поселке в основном двухэтажные, все занесено, замечено снегом. Полный набор удовольствий: мороз, ветер, яркое солнце, температура –32° и 7-9 м/сек. Идти против ветра сурово!

Поселок расположен в устье большущей реки Лены, впадающей в море Лаптевых. «Тикси» – тунгусское название (как Хатанга, Индигирка) означает «место, где можно причалить», раньше называлась «бухта Горелая».

В здешнем музее представлена история освоения этого сурового края. Знаменитые имена:

- Дежнев Сергей (1637 г.). Попытка пройти Северным морским путем.
- Лаптев Дмитрий (1736 г.). Первая карта побережья.
- Анжу Петр Федорович (1821-1823 гг.). Составлял карту этого края.
- Врангель Фердинанд Петрович – русский исследователь.
- Бегичев Никифор (1903 г.). Составил карту с промерами расстояний.
- Толль Эдуард Васильевич (1852-1902 гг.). Исследовал побережье на яхте «Заря».
- Американская экспедиция Де Лонга (1879-1881 гг.). Организованная на поиски экспедиции Толля. Погибли в дельте реки Лены.

Рядом современный художественный музей (самая северная картинная галерея – 72°с.ш.). «Когда мы обложены полярной ночью, то краски только у нас», – это экскурсовод Татьяна Тимофеевна Герасимова, она очень увлечена своей работой и краем: «Татьяна означает «созидательница», 25 лет я здесь, такова Воля: и не ропщу и не сопротивляюсь»; «Пытаемся создать вторую реальность: тут тяжело жить, а

вот «нырнул» сюда – красота и вечность природы».

Смотрим TV-фильм о лете в Тикси: горы из сланца, цветы – желтые маки, иван-чай, незабудки, колокольчики, пушица (одуванчики). Здесь таять снег начинает в мае, океан открывается во второй половине июля, а в августе уже опять может пойти снег. Средняя температура лета $+5=70$. Среди цветов растут грибы «выше березы» (дерево 20 см высотой), ядовитых грибов не бывает.

Наш вылет на остров Средний долго откладывался. С Северной Земли поступала информация, что все экспедиции там снимают с маршрутов, большое торожение... Ан-12, на который мы рассчитывали, улетел обратно в Воркуту. Похоже, нас тоже хотят притормозить. Держим поэтому все время связь с Москвой, пытаемся пробить эту «стену» непонимания и сопротивления. Мы занимаемся снаряжением: подшиваем, укладываем, завязываем. Радисты проводят тренировки в реальных условиях.

Решили взять на вооружение лозунг: «наша задача – не разочаровать Сережу» (тогда и дело сделаем, и себя уважать будем не меньше своего штурмана).

Только 21 марта – в день весеннего равноденствия мы вылетели на Северную Землю. Прибыли в наши знакомые места на о.Средний. Здесь погода лучше: всего -15° и ветерок небольшой, и солнышко. Но неделю назад у них мело до 25 м/сек, потому и аэродром был закрыт. Помогают нам разгрузиться ребята-солдаты.

На о.Средний, откуда ведется связь со всеми экспедициями, идущими на Северный полюс, мы оказались «в центре событий»: знали, что не прошли и уже вернулись знаменитые альпинисты итальянцы братья Месснер; международная экспедиция Боярского готовит свой второй старт к Полюсу и далее в Канаду; где-то на 82° «плавают» на льдине команда корейских лыжников; из Канады двигаются к Полюсу Малахов и Вебер. А в районе 85° идет в одиночку японец Мицура Оба. Он стартовал 12 февраля с мыса Арктический, успешно преодолел половину пути. Это была его вторая попытка добраться до Полюса. В прошлом году ему помешал белый медведь

Теперь мы все за него «болели». Ведь он дал себе зарок, что женится только после достижения Северного полюса. И вдруг пришло сообщение: «Мицура дал SOS...».

Через три дня отважного путешественника привезли в гостиницу на о.Средний. Он сильно поморозился, особенно пострадали ноги и руки. Удачно, что наши врачи оказались рядом. Целые сутки Ольга Федоткина и Татьяна Кузнецова занимались с ним, оказывали неотложную помощь, боролись с общим переохлаждением

организма.

И какова была на утро наша общая радость, когда Мицура почувствовал боль в обмороженных руках, а это означало, что к его пальцам возвращается чувствительность... Японец, правда, нас тут же поразил своим неожиданным вопросом: «А сколько это стоит?» (другое воспитание!) – и был счастлив узнать, что «Метелица», как принято в нашем кругу, просто оказывает солидарную помощь коллеге.

Мы удивлялись, как можно решиться идти в такую экспедицию одному, без дружеской поддержки и надежды на близкую помощь. Конечно, чего-то при этом достигаешь, но и многое теряешь. У нас другая система ценностей. Возможность общения со своими товарищами в экспедиции не только потребность, она приносит много радости. Однако случай с Мицура Оба заставил еще раз задуматься, что там впереди, и положить в походный рюкзак дополнительно по паре шерстяных носков и рукавиц.

А мы опять ждем погоду. Циклон. Снег, ветер... Парадокс коммерциализации: приходится решать с экипажем вертолета вопрос оплаты нашего перелета во льды. А исчисления идут на миллионы рублей (девальвация тогда в России достигла апогея): перелет – 15 млн; бензин – 1 млн руб./тонна. Бедные женщины! Почем нынче романтика и героизм? И чем дольше мы сидим на о.Среднем, тем дальше нам лететь во льды, тем выше оплата... Срок окончания экспедиции определен временем работы МЧС на Полюсе. Там прыгают парашютисты, выживают, проверяют навыки спасателей. На 89° с.ш. «ледовая база», аэродром, палаточный городок. И улетать на Большую Землю нам нужно с ними.

Вылет состоялся лишь 30 марта. Погода ужасная: легкий морозец и сильнейший ветер. Целая проблема – пробиться к вертолету, все дороги замело. Но гражданская авиация Хатанги готова к полету (командир вертолета Володя Аксютин). Мы за рейс полностью расплатились.

Взлетели по-самолетному и взяли курс на мыс Арктический (самая северная точка Северной Земли). Через час полета посадка, заправка. Отсюда стартовали многие великие экспедиции. В 7-40 (по Москве) стартуем и мы. Идем на С-В-С. Вода, много открытой воды – моря, реки и ручьи. (Летим на высоте 300 метров). Торосы, поля, гряды. Они голубые, светятся, можно только домыслить их высоту. Потом воды стало меньше, но зато торосы!.. Жуть! И как тут способны ходить люди? Как все это прошел бедный Мицурик? Где-то внизу идут корейцы...

Снова большие белые поля с торосами, иногда взломы льда – реки... Солнца нет, а зря...

И вот посадка: 85° с.ш., 99° 48' в.д. Вертолет опустился на небольшой льдине перед грядой молодых торосов. Разгружаем рюкзаки, лыжи, сани, канистры с бензином. Погода благоприятная: солнце и сильный южный ветер.

Настроение приподнятое, окончилось бесконечное ожидание, мы начинаем активную жизнь, дальше все зависит только от нас и от океана. Вдруг слышим необычные громкие звуки работающего рядом трактора. Мы были поражены – трактор во льдах! Но оказалось, что здесь другое – гряда молодых торосов, расположенная метрах в 20-30 от нашей стоянки, медленно, но неумолимо начала двигаться на нас...

«Подвижка». Новым было не только ожидание необычного, но и его реальность. Наша жизнь на льду началась.

Из аппаратного журнала радиосвязи:

Светлана Зубкова – Ольге Лещиковой

31.03.95. 21.30. Наконец-то мы вышли к месту старта. Высадились около гряды молодых торосов. Координаты – 86°4' с.ш.; 100° в.д. Ночь прошла тревожно.

Сегодня поземка, ветер 12-15 м/с, t –10°, белая мгла. Через 2 часа усиление торосов. Все хорошо. Настроение бодрое. Привет друзьям и родным.

01.04.95. 21-30. Серая мгла и торосы. Егорова Тоня и Печенегов Сергей находят медленно дорогу в многочисленных трещинах и разводах. Все хорошо, настроение хорошее...

02.04.95. 08.30. Температура –13°, ветер 7 м/с, местами до 15 м/с, видимость 1,5 км, облачность. Все хорошо.

02.04.95. 21.80. 86°19'; 98°14' t –16°, видимость до 2 км. Сегодня день порадовал нас солнцем. Торосы стали не такие трудные, но красивые. Врачи строго следят, чтобы солнцем не обожгло глаза, и за общим состоянием здоровья, чтобы все шли в очках и масках. Вечером проводят профилактику, дают витамины.

03.04.95. Много торосов, было два сложных перехода через трещины, но все хорошо организовали: В.К. строго следит за безопасностью движения. Она большой оптимист. Уже строит новые планы. Все здоровы. Привет.

О.Л. – С.З.

04.04.95. 12 апреля прилетает Чуков на Полюс. 17 апреля прилетают парашютисты. 25 апреля конец полетов. Кузнецовой В. – Приезжали Ольга и Соня, были у бабушки. Привет от них. Привет от Бориса. Соловьевой И. – Дома рады, что на маршруте, наилучшие пожелания. Печенегову С. – Бабушка дома, помогает по хозяйству.

С.З. – О.Л.

04.04.95. Сегодня тяжелый день. Преодолевали трещины до трех метров, которые встречались на пути каждые 200-300 м. За 8 часов работы продвинулись вперед всего на 6,5 км. Все здоровы. Настроение хорошее. Ждем сообщений.

Свои сюрпризы Ледовитый океан предъявлял нам не торопясь, с постепенным усложнением. Трещины, разломы льда, торосы, открытая вода, пурга... Мы поняли, что основное отличие дрейфующих льдов – это большое разнообразие в пути. Редко выдается гладкое снежное «поле» – льдина, по которой можно спокойно идти на лыжах, как ходили, например, в проливах Земли Франца-Иосифа. Прошли час, полтора, и вот уже снова торосы.

С Сережей Печенеговым нам, конечно, спокойнее. Он действует уверенно и находит выход из любых ситуаций. Часто ищем обход. Трещины шириной до 0,5 метра можно перешагнуть. Если сани приходится отцеплять, то это уже «переправа»: иногда она проходит зигзагом, с поворотами, иногда по снежному мостику. На переправах центральное звено – наш штурман. Одна переправа была по льду, еще не затвердевшему. Сережа по очереди переправлял сани, а под ними лед «ходил» волнами.

Жуть! Мы перешли налегке на лыжах. В такие моменты вспоминаешь сопромат и пытаешься прикинуть, какова распределенная нагрузка на лыжах наших саней.

Но народ шутит:

– Сережа! Ты боишься торосов?

– Нет.

– Ну, наша задача, чтобы ты не боялся.

Штурман команды Тоня Егорова тоже всегда рядом с Сережей, они ищут оптимальный путь в торосах. Впереди идущему трудно ориентироваться, особенно в условиях «белой мглы» или в пургу. К тому же заструги, торосы, занесенные

свежим снегом, создают впечатление, что идешь все время в гору. Тоня с Сергеем по очереди выполняют роль ведущего. Группа всегда держится компактно, помогая друг другу, точнее – идущему впереди тебя.

Большую часть пути на небе сияло солнце: особенно ярко, когда морозы доходили до $25=30^{\circ}$. И тогда во всей красе вставал перед нами Ледовитый океан! Страна торосов, бело-голубой край льда, занесенный снегом и залитый солнечным светом. Причудливое нагромождение огромных голубых и светящихся стеклянных глыб.

Интересно двигаться на север – солнце все время сзади, подсвечивает картины перед нами. Ориентировались на ходу нередко просто по собственной тени.

Для определения своего местоположения использовали прибор, разработанный для космической радиосвязи GPS. По нему на основе информации от спутников очень быстро получаешь свои координаты с точностью до 50 м. Знали даже, куда и на сколько сносит нас дрейф льда, пока мы спим. Этот надежный и такой необходимый в экспедиции прибор купили для нас «Друзья Метелицы» из Сан-Франциско – общественная организация, члены которой следят за жизнью команды и в сложные моменты не раз протягивали нам руку помощи.

Три недели мы шли по дрейфующим льдам. Странное это ощущение –одни в бескрайнем ледовом океане. Ближайший человек за 400-500 км от нас, и никакого проявления жизни вокруг, только два раза где-то высоко над нами пролетел самолет...

Холодно. Согреться можно только в движении. Мы давно знаем, что идти на лыжах можно в любую погоду, но приходится желательно «в тепло». Нам же каждый день еще предстоит построить себе дом – поставить палатку и соорудить вокруг нее снежную стенку – защиту от ветра. Только тогда настанет долгожданный отдых.

Удивительное дело – ложимся спать, время 11-12 часов ночи, а солнце высоко и ярко освещает все вокруг. Такие сказочные сюжеты, что насмотреться не можешь, и хочется запомнить их, сохранить в душе картины неведомого нам раньше мира. В эти моменты торосы поражают мощью и красотой, но жаль, что любоваться ими подольше мешает холод.

А на ходу ледяное окружение воспринимаешь по-другому. Здесь уже непосредственно общаешься с этими глыбами льда через свои сани. Вот кому достается больше всего. Именно сани принимают на себя все «шероховатости» ледяного пути. Полосу разломов шириной метров 300 мы проходили подчас за 2-3 часа. Можно представить, сколько тут расходуется сил, какое царит напряжение. А рядом в это время красота совершенно неземная!..

Вспоминается картина, когда остановились перед полосой открытой воды и непроходимых торосов. Все перед нами двигалось. Нашу льдину по краю подламывали, наплзали на нее молодые торосы. С мощным треском ломался лед: здесь и низкие звуки, и высокие звенящие тона, и скрип, и стоны... А мимо нас куда-то влево медленно проплывали ледяные нагромождения второго плана. Нам казалось, что это фигуры животных, и мы следили, насколько смещаются «наши малыши». И все это буйство льда освещено ярким солнцем!

Мы назвали увиденную картину «Поющие торосы или жуткая красота». Интересный психологический момент – женщины любят стихией. Вероятно, для того чтобы так эмоционально воспринимать и радоваться красоте там, где бушует необузданная сила, где риск и опасность, нужно быть очень уверенным в себе, в товарищах, в своих возможностях. Сила «Метелицы» в ее коллективизме: вместе не так тяжело, не так страшно. Нас много и мы взаимозаменяемы. Знаем, как себя вести, хорошо понимаем друг друга, и всегда рядом найдется «плечо», на которое, если нужно, не только сможешь, но и захочешь опереться.

Настрой в группе всегда на высоте, хотя от каждой из нас требуются не только терпение и выносливость, но и терпимость, и доброжелательное отношение к другим, причем в любой ситуации и в течение длительного времени. Иногда нужна, впрочем, и психологическая разрядка, важен дополнительный настрой. Во льдах с этой целью в свободное время («дневки», вызванные непогодой или ледовой обстановкой) мы читали вслух повести Юрия Визбора. Очень эмоционально воспринимаются описанная им красота гор или картина восхождения, когда за палаткой завывает ветер и природа лишний раз предъявляет человеку свои права.

Из аппаратного журнала радиосвязи:

Ольга Лещикова – Светлане Зубковой

06.04.95. 11.00. Ожидается приезд Ирины Кузнецовой. У Печенегова оценилась собака, 14 щенков. Федоткиной – Все хорошо. Папа, мама. Привет от Алексея.

С.З. – О.Л.

06.04.95. 13.30. Прошли 8 км. На пути много трещин и торосов. Все здоровы. Настроение хорошее. Сообщите наше участие в учениях МЧС, как мы задействованы.

Есть предложение Ирины Соловьевой принять участие в прыжках. Валентина.

О.Л. – С.З.

10.04.95. 11.00. 1. Группа «Метелица» в МЧС не задействована, действовать по своему плану. 2. Снятие «Метелицы» будет после эвакуации группы Чукова 25-26 апреля.

С.З. – О.Л.

10.04.95. 13.30. Одиннадцатый день пути. Сегодня прошли 22 км... Сильный ветер. Белая мгла, видимость не более 50-100 м. Ориентироваться трудно. Настроение хорошее. Все здоровы. Уточнить: 1. Планы эвакуации с согласия МЧС на 27-29 апреля. 2. Почему «Метелицу» эвакуируют после эвакуации группы Чукова.

11.04.95. 13.30. За сутки прошли 21 км. Сильная метель. Много огромных торосов. Прошу подтвердить участие «Метелицы» в мероприятиях МЧС и сообщить, кто именно отвечает за заброску и снятие команды с Полюса.

11 апреля мы находились в точке с координатами 87° 27' с.ш.; 96° 33' в.д. Вечером Сережа отметил день памяти Юры Подрядчикова, Ему было 48 лет. В 1987 году где-то около этой широты (87° 32') он умер от перитонита (язва). Это было в экспедиции Чукова. А через два года тоже во льдах на пути к Полюсу в той же группе погиб Саня Рыбаков... Грустно... Природа Севера сурова, да и условия движения в экспедициях, конечно, тяжелые, напряженные. Только одержимость ведет к успеху, но стоит ли он таких жертв?

Сережа говорит, что не припоминает на этих широтах такого торошения. Да! По сравнению с ЗФИ здесь больше разнообразия: и трещины, и разломы, и торосы, и айсберги, и разводья. А еще тут нет островов, и всегда круглый горизонт. И еще отличие – здесь нет пути назад. Нет полярных станций и шансов встретить людей... (Хотя и существуют дрейфующие станции, но они, вероятно, на другой половине Земли).

Со стороны, даже в Тикси, сложно представить ситуацию – жизнь на снегу, на много километров нет поблизости ни одного человека, жилья, даже намеков на него.

Идем-бредем с тяжелым грузом («под тяжестью наших санок мысли разбегаются»). Остановились – замерзли, тепло только в движении. Но ведь нам так хорошо вместе! Какие красоты нас окружают! И если есть солнце, все хочется запечатлеть на пленку.

В палатке прекрасный климат. Девушки подобрались веселые, присутствие Сережи поддерживает их тонус. Много шуток. Например, дискуссия на тему: «Что буду

делать, когда стану бабушкой». Для многих она подразумевает очевидный ответ: «Мне некогда быть бабушкой, надо сходить на Южный полюс, а потом еще и поставить памятник Нансену». Вот так!

И был праздник 12 апреля. День космонавтики! День торосов! Прошли два перехода и уткнулись в такие... Сережа залез на самый высокий из них и не увидел конца торосению. Стали прорываться – часа два шли 300 метров. (Теперь у всех на саночках сзади петля, чтобы идущий следом помогал вытаскивать их из ледяных разломов.) И был праздничный ужин. Устроили салют (пиротехникой) и фотографировались на фоне флага России.

В какой-то степени мы все сейчас в экспедиции похожи на космонавтов. Так же изолированы от мира, как они, и вокруг нас такая же неземная красота. Вероятно, только на Луне можно видеть подобные картины или, по крайней мере, так воспринимать необычное вокруг себя. Но в отличие от космонавтов у нас разнообразная и очень активная жизнь, движение.

Каждый вечер наша радистка Светлана Зубкова проводит сеансы связи с о.Средний, с нашей «базой» – Ольгой Лещиковой. Обе они опытные мастера своего дела. Для надежности работы передатчика Светлане приходилось весь день нести аккумуляторы под курткой, согревать их собственным теплом. Зато как нужны были нам теплые слова с Большой Земли, хоть крохотная информация от близких. Вспоминаем о тех, кто в Москве, о тех, кто, не участвуя в экспедиции, делает ее возможной.

Из аппаратного журнала радиосвязи:

Ольга Лещикова – Светлане Зубковой

12.04.95. 11.00. Поздравьте Ирину Соловьеву с Днем космонавтики. Муж и дочь. Успешного завершения и хорошей погоды. Штаб в Москве ищет возможность участия Соловьевой в прыжках. Все в порядке у всех дома. Привет от Щербаковой, Лазарева. 16 апреля будет рейс из Москвы.

С.З. – О.Л.

13.04.05. 13.30. За двое суток преодолели огромные торосы и поставили палатку перед большой полыньей. На заброску: 1. Мешки 7,8,9. 2. Коробку с питанием. 3.

Две канистры с бензином. 4. Растопку. 5. Две пары лыжных палок. 6. Фломастеры. 7. Сергею бритвенный прибор и пачку сигарет, банку с ветчиной порционной, летчицкую фуражку Валеры. 8. Салфетки, бумагу.

О.Л. – С.З.

13.04.95. 13.45. Отправлено с Василием и Чуковым на ледовую базу: 1. Мешки 7,8,9. 2. Коробка с питанием. 3. Две большие канистры. 3. Канистра маленькая, растопка. 5. Четыре лыжные палки.

13 апреля: 87° 31' с.ш.; 97° в.д. Две недели, как мы идем по льду. От 13 числа ждали чего-либо хорошего, и к вечеру напоролись на полынью шириной метров 12.

Сережа пошел направо, Тоня – налево: ничего утешительного. Поставили палатку. Обнаружили, что начался дрейф на юг. Мы возмущены. Сережа комментирует:

«Имейте совесть, 10 дней мчались на север». Вечером следим за полынью, она стала сужаться...

Утром Сережа отправился на разведку, нашел самое узкое место открытой воды (примерно 2 м) и построил огромный снежный мост. Вперед! Солнце ушло, стало холодать. Во множестве переходим разломы, трещины. Был великолепный вид: с двух сторон идут реки – разводья, изломы... Сзади солнце. Мы идем к соединению этих рек. И там нашли проход. Удивительно! И вот мысли: как бы складывалась ситуация, если бы Сережи с нами не было?! Конечно, шли бы медленно, упорно. Но чего бы нам это стоило? И физически, и психологически?

Все жаждут дойти до Полюса, но по расчетам... мы не успеваем. Нам нельзя упустить самолет с ледовой базы на Москву в районе 25 апреля. Пока же не очень быстро, но двигаемся вперед на север. И у нас кончаются продукты.

Чувствуется, что мы уже в районе ледовой базы, в стороне пролетел вертолет, а потом и подсел к нам: это Володя Аксютин решил проведать нас. И надо сказать, сделал это очень вовремя: теперь было на чем лететь за продуктами, которые передали с Чуковым для «Метелицы».

Из аппаратного журнала радиосвязи:

Светлана Зубкова – Ольге Лещиковой

14.04.95. 21.30 мест. На пути встречаются обширные разломы льда, широкие полыньи. Много времени уходит на разведку пути, поиск обходов, наведение мостов...

Все здоровы, настроение хорошее.

О.Л. – С.З.

14.04.95. 13.45. Постарайтесь максимально продержаться. Сообщайте регулярно свое местонахождение.

С.З. – О.Л.

16.04.95. 13.30 Сильное торошение льдов. Дрейфуем на юг, ждем смерзания большой полыньи.

18.04.95. Ветер встречный, идет снег, находимся в точке с координатами 87°35' с.ш.; 96с 01' в.д.

20.04.95. Координаты 87°36'34" с.ш.; 95° 48' в. д.

Хроника тех дней становится все лаконичнее. Совсем не хотелось терять ни надежды, ни бодрости духа.

17 апреля пять часов пробирались сквозь торосы. Они кругом – сзади, впереди... Кончились все фото пленки – так красиво кругом. «Мы сегодня прошагали ту часть, которая вчера плескалась», – выдала Таня. Торосы – голубые, огромные – буквально небоскребы.

18 апреля. Портится погода. С северо-запада потянуло холодным ветерком, –21°, снежок метет, солнце почти закрылось, неуютно.

Ночь была длинная и холодная. Все прислушивались к звукам: ветер завывал, палатка обвисла, слушали торосы – вернее, не было желания их услышать.

19 апреля. Ситуация неопределенная. Держим радиосвязь с ледовой базой и получаем: «Вертолет заберет сначала корейцев, потом вас».

20 апреля. Закругляем дела в палатке, ждем вертолет. Подарили Сереже книгу Визбора с надписью «В память о вместе пройденных минутах». Мы благодарны, что он не побоялся пойти с нами. Три недели ледовой жизни заканчиваются.

Около палатки красивый грот. Хотели его сфотографировать, когда станет поярче. Но за ночь грот сломало, и теперь там большое нагромождение торосов. Они метрах в 50 от палатки, идут на нас, но медленно, не слышно, а потому и не страшно. Природа живет своей жизнью, не обращая внимания на суету людей.

...Появился вертолет. Долго искал нас по округе. Мы зажгли дымовые шашки. Это был «корейский» рейс вертолета, их руководитель вывез нас на ледовую базу по доброте душевной.

И мы на другой день улетели в Хатангу и далее в Москву.

«Метелица» прошла по дрейфующим льдам около 500 км, продвинувшись вперед к Северу почти до 88°. К сожалению, у нас не хватило времени самим дойти до Полюса, и мы вынуждены были подчиниться ситуации.

Мы выполнили частную задачу: узнали, что такое дрейфующие льды, и поняли, что можем ходить по ним. И наш опыт попадает в общую «копилку» познания человеком Севера. За нами пойдут другие, и они будут уверены в благополучном исходе, зная, что здесь прошли женщины. Мы готовы поделиться знаниями со всеми, кто пойдет после нас.

Экспедиция в хронике и комментариях прессы

Из газеты «Экономика и жизнь», март 1995 года:

Наша газета уже рассказывала об уникальной женской полярной команде «Метелица». Вопреки всем трудностям и преградам россиянки осуществили 13 экспедиций в Арктику, три сверхдальних лыжных пробега, дважды побывали в Антарктиде. В мире нет аналогов этой команде...

Нынешний год особенный – год 50-летия Великой Победы над фашизмом, и этой великой дате «Метелица» решила посвятить экспедицию к Северному полюсу. Идею мужественных женщин с первых дней горячо поддержала газета «Экономика и жизнь».

Экспедиция готовилась весьма и весьма непросто. Десятки, если не сотни проблем пришлось нам решать совместно с участниками этого уникального похода. До последних дней не было ясно, состоится ли старт. И только благодаря добрым и бескорыстным помощникам – среди них НПО «Звезда», НИИ «Зенит», МЧС России, немецкая фирма «Хёхст-препараты», АвтоВАЗбанк, фирма «Фармакон», поисково-спасательная космическая служба – в середине марта женщины отправились к Северному полюсу.

Н.Тарасенко

Из газеты «Сегодня», 27 апреля 1995 года:

На Северном полюсе становится тесно

Двадцатые числа апреля считаются наиболее благоприятными для покорения полюса. Поэтому все путешественники именно на эти дни планируют достичь заветной отметки. Не всем, правда, удастся. Двумя неделями раньше полярные летчики сняли со льдины обмороженного японца Мицуру Оба, который в одиночку решил пересечь Северный Ледовитый океан через макушку планеты. Встретили мы на дрейфующей станции и знаменитую «Метелицу». Кстати, там же в этот момент оказались и братья Месснеры Хуберт и Райнхольд, за плечами которого все покоренные восьмитысячники Гималаев.

Сергей Маслюк

«Метелица» вернулась

26 апреля женская команда «Метелица» провела пресс-конференцию в связи с завершением экспедиции по дрейфующим льдам к Северному полюсу. 8 человек во главе с бессменным руководителем Валентиной Кузнецовой вернулись в Москву после трех недель труднейшего маршрута. Команда преодолела около 500 км. Пройдены один из сложнейших участков на пути к полюсу, труднопроходимые поля торосов, разломы льда, трещины. Хотя главная цель – Северный полюс – и не была достигнута, команда с честью выдержала все испытания.

Экспедиция по не зависящим от нее причинам началась на две недели позднее намеченного срока. Но времени лыжницы не теряли. Наряду с тренировками, была устроена масштабная проверка готовности к переходу: разобрано и проверено снаряжение, экипировка. Радистки по четыре часа в день работали в полевых условиях под строгим контролем военных и доказали свою профессиональность. Именно врач команды Ольга Федоткина (корр.газеты забыла почему-то указать и второго врача Татьяну Кузнецову – авт.) на острове Среднем оказала первую помощь обмороженному японскому путешественнику Мицуре Оба.

«Мы подстраховались, – рассказывает г-жа Кузнецова, – приурочив свою экспедицию к проведению учений МЧС в Арктике, по завершении которых 21 апреля «Метелица» была эвакуирована с маршрута в связи со сложной ледовой обстановкой. В конечном итоге, не проблема, что нас сняли раньше. Команда доказала свою реальную готовность к сложным экспедициям в высоких широтах».

Валентина Кулакова

Из журнала «Спортивный туризм», 1995, № 3:

Итоги экспедиции «Метелица-95»

...После вылета из Москвы вслед за «Метелицей» на Диксон поступил приказ: «не выпускать на маршрут». Поэтому в течение 8 дней им была устроена проверка снаряжения и экипировки.

Поступил сигнал из Москвы о неквалифицированности радисток. По четыре часа в день работали они в полевых условиях под строгим контролем военных и доказали свою профессиональность. Высказывались сомнения в профессиональности врача команды. Но содержание аптечки привело в восторженное изумление проверяющих...

Только после всех проверок «Метелица» была наконец доставлена к месту старта.

Хотелось бы обратить внимание на то, что экспедиция «Метелицы» — это не авантюрный вариант, как виделось некоторым. Доказательством тому может служить качество выполнения программы. Не зря в команду впервые был включен мужчина, Сергей Печенегов, бывший в полярных экспедициях, в том числе на Северном полюсе. И главное, мы подстраховались, приурочив экспедицию к проведению учений МЧС, сроки завершения которых, к сожалению, были перенесены с 28 на 21 апреля.

В конечном итоге не столь важно, что «Метелицу» сняли раньше. Ведь не по своей вине вынуждена была команда прекратить экспедицию. Правда, хотелось достичь заветной цели.

Радостно то, что «Метелица» доказала свою реальную готовность к сложным экспедициям... Мне посчастливилось увидеть и сравнить физическое и моральное состояние различных групп, оказавшихся в те дни в высоких широтах. «Метелица» была на хорошем уровне.

Часто женщинам приходится доказывать свои права на путешествия. Почему мужчины видят в них своих конкурентов? Конечно, есть то, что под силу только сильному полу, и мы не собираемся доказывать обратное.

Но были досадные моменты. По возвращении с Севера на аэродроме в Жуковском участников ждали восемь машин «Скорой помощи». Кто, кому, когда сообщил об «обморожении»? Кому это было нужно? С точки зрения репутации команды это не столь существенно — переживем! А вот по ложной информации снять с дежурства такое количество необходимых городу «скорых» — это халатность, за которую стоило бы отвечать.

Людмила Титова

* * *

В статье олимпийской чемпионки и начальника штаба экспедиции в Москве Л.Титовой достаточно тактично, но уже гораздо осознаннее, чем на той же пресс-конференции 26 апреля, обозначен некий скрытый смысл относительного неуспеха команды.

Не случайно, между тем, даже спустя столько лет после тех событий по-прежнему совершенно неоднозначно выглядят вышедшие в те дни публикации. Причем как сообщения газетчиков и информационных агентств, так и наша собственная оценка экспедиции, если иметь в виду интервью и беседы с журналистами. По отдельным штрихам, нюансам в разных изданиях чувствуется, насколько «по-своему» интерпретируют разные источники подтекст ситуации, в которой оказались все мы тогда.

Сейчас же та ситуация очевидна: нельзя забывать, что именно в те годы во все поры российской жизни полезла коммерциализация, и соревнование маршрутов для многих приобрело совсем не спортивный или исследовательский характер. Место романтики стало вакантным.

А недоброжелатели... Скорее всего их активность не возростала бы до больших высот, не будь каких-то еще мотивов, кроме зависти. Подобные люди точно так же, как женщинам, завидуют и мужчинам. Просто успех женщин им наверняка обиднее.

